

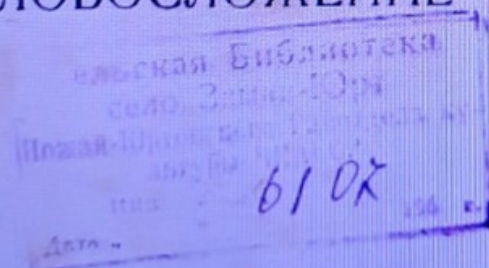
• К. З. ЧОКАЕВ

МОРФОЛОГИЯ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

ЧАСТЬ I

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРОЗНЫЙ — 1968

ПРЕДИСЛОВИЕ

Словообразование связано со всеми сферами языка: и с грамматикой (морфологией и синтаксисом), и с фонетикой, и с лексикой. Нет такой области в языковой системе, с которой бы не соприкасалось словообразование. Однако мы вполне разделяем господствующее в советском языкознании мнение, согласно которому словообразование рассматривается в морфологии по соответствующим частям речи¹.

Словарный состав языка, как известно, пополняется и развивается в тесной связи с развитием экономической и культурной жизни общества. Наиболее наглядно эта связь прослеживается на материале словообразования.

Внутренние законы развития языка, изучение которых признано главной задачей языкознания², наиболее ярко прослеживаются на материале словообразования. Вот что об этом пишет акад. В. В. Виноградов: «Изучение вопросов словообразования и выяснение внутренних законов развития языка, действующих в области словообразования, в настоящее время приобретают особенную остроту и актуальность...»³

Настоящая книга является первым опытом монографического исследования одного из способов словообразования в нахских языках — словосложения.

Основной упор при исследовании данной темы мы делаем на чеченский плоскостной диалект, который лег в основу

¹ См.: «Грамматика русского языка». Т. I. М., Изд-во АН СССР, 1960.

² См.: А. С. Чикобава. Введение в языкознание. Ч. I. М., 1953, стр. 81.

³ В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования. «Вопросы языкознания», 1951, № 2, стр. 10.

чеченского литературного языка. Вместе с тем мы широко привлекаем данные из других близкородственных языков и диалектов, в частности из ингушского, бацбийского языков, чеберловского, аккинского, кистинского и других диалектов и говоров чеченского языка. Во всех случаях, когда нет указания, из какого языка или диалекта приводится пример, надо иметь в виду, что последний дается в литературном (*resp.* плоскостном) произношении чеченцев. Топонимические названия приводятся в местном произношении.

При подборе материалов мы пользовались письменными источниками на этих языках, в частности «Чеченско-русским словарем» А. Г. Мациева¹, «Грамматикой ингушского языка» З. К. Мальсагова², «Бацбийским языком» Ю. Д. Дешериева³, «Чеченско-ингушско-русским словарем»⁴ и другими, а также информацией представителей кистинского, аккинского, чеберловского и других диалектов.

В процессе работы мы пользовались ценными советами и консультациями проф. Ю. Д. Дешериева, научных сотрудников Института языкознания АН Груз. ССР проф. Ш. Г. Гаприндашвили, докторов филологических наук Д. С. Имнайшвили, Т. Е. Гудава, А. О. Магометова, кандидата филологических наук З. Джапаридзе. Автор считает своим долгом поблагодарить этих товарищей за помощь, а также работников сектора языка Чечено-Ингушского научно-исследовательского института ИЯЛ А. Г. Мациева, И. А. Оздоева, которые сделали замечания по тексту рукописи. Автор сознает, что труд его не лишен недостатков и тем более не является всеохватывающим. Все замечания, направленные на улучшение качества данной работы, автор примет с благодарностью.

¹ См.: А. Г. Мациев. Чеченско-русский словарь. М., 1961.

² См.: З. К. Мальсагов. Грамматика ингушского языка. Владикавказ, 1925.

³ См.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953.

⁴ См.: А. Г. Мациев, З. Д. Джамалханов и И. А. Оздоев. Чеченско-ингушско-русский словарь. Грозный, 1961.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- — — — — вариантные формы
- ← — — — — происходит из...; возникло из...
- — — — — превратилось в...; перешло в...
- — — — — знак назальности: $\bar{a}$, $\bar{u}$ и др.
- — — — — знак долготы: $\acute{a}$, $\acute{u}$

v — знак краткости гласных: $\overset{v}{a}$, $\overset{v}{u}$

⌋ — знак открытости гласных: $\overset{\curvearrowright}{a}$

⌋ — знак закрытости гласных: $\overset{\curvearrowleft}{a}$

чеч. — чеченский язык

инг. — ингушский язык

бацб. — бацбийский язык

чеб. — чеберловский диалект

кист. — кистинский диалект

акк. — аккинский диалект

веденск. — веденский говор

шатовевск. — шатовевский говор

галанч. — галанчожский говор

русск. — русский язык

кумык. — кумыкский язык

груз. — грузинский язык

азерб. — азербайджанский язык

тат. — татарский язык

арабск. — арабский язык

ед. ч. — единственное число

мн. ч. — множественное число

им. п. — именительный падеж

род. п. — родительный падеж

дат. п. — дательный падеж

эрг. п. — эргативный падеж

напр. п. — направительный падеж

соед. п. — соединительный падеж

исх. п. — исходный падеж

мест. п. — местный падеж

твор. п. — творительный падеж

вещ. п. — вещественный падеж

сравн. п. — сравнительный падеж

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАХСКИХ КОМПОЗИТОВ

§ 1. Вопросы возникновения и распространения композитов

Словосложение следует считать наиболее древним и продуктивным способом образования слов в нахских языках.

Структурно-этимологический анализ топонимических названий горной Чечено-Ингушетии и названий древних культов и предметов материальной культуры нахских народов свидетельствует о древнем характере словосложения в нахских языках. Большинство сложных слов, относящихся к сфере древнейшей топонимики нагорной Чечено-Ингушетии, до нас дошло в семантически затемненном состоянии. Таковы топонимические названия: *Хотташкоч* (местность), *Пхьакоч*, *Пхьамта*, *Цайпхьеда* и другие. На базе современных чеченского и ингушского языков этимология этих топонимов не объясняется. Однако сравнительно-исторический анализ данных разных диалектов нахской группы, сохранивших архаичные черты, позволяет раскрыть этимологию многих названных топонимов. Например, данные бацбийского языка, а также кистинского диалекта позволяют этимологизировать компоненты *пхьа/пхье* и *коч* как древнее название населенного пункта, села, города (*пхьа/пхье*) и «верх», «верхняя часть» (*коч*), а компонент *цай/цей* этимологизируется на базе ингушского языка как «священный», «святыня»; см. также названия святилищ горной Ингушетии — *Бейни-Сиел'а*, *Ауш-Сиел'а*, второй компонент которых — *Сиел'а* — этимологизируется как «бог грома и молнии».

Так, путем сравнения данных разных диалектов удается выявить первичное значение компонентов древнейших сложных топонимов горной Чечено-Ингушетии, определить их составной характер. Эти особенности нахских диалектов были отмечены еще П. К. Усларом, который писал: «Подобно всем нынешним живым европейским языкам чеченский обнаружи-

вает явные признаки глубоких изменений, которым подвергся он с течением веков. Мы можем теперь лишь догадываться о существовании первообразных древних форм, которые в современном языке являются усеченными, обрубленными. Множество неправильностей останется для нас необъяснимыми, пока, быть может, в недрах Кавказа не откроют другого языка, родственного с нынешним чеченским и сохранившего те или другие формы в более первобытном виде. Драгоценное пособие для сравнительных исследований доставит тушский язык. Необходимо было бы также ознакомиться с наречиями самых глухих и наименее доступных частей нагорной Чечни, где, по общему отзыву, язык сохранился в наиболее чистом и древнем виде...»¹

Здесь, как исключение, следует отметить топонимы, этимология которых не объясняется из нахских диалектов. Таковы названия сел Чанты-Аргунской котловины: *Итумкхьалла*, *Ушкхьалла*, *Гучумкхьалла*, *Данкхьалла*, *Эгикхьалла* и другие. Данные топонимы носят явно заимствованный характер и этимологизируются из тюркских языков². Однако о составном характере их свидетельствует также факт сочетания последнего, часто повторяющегося компонента *кхьалла* с семантически прозрачными, с точки зрения современных нахских языков, компонентами в некоторых названиях сел горной Чечено-Ингушетии. Таковы: *Теза-Кхьалла* (*Теза* (← *Таза*) — имя основателя села, люди с таким именем встречаются и сейчас среди чеченцев; *Кхьа-Кхьалла* (*Кхьа/кхуо* «три», местность действительно характеризуется наличием трех башен). *Муса-Кхьалла* (*Муса* — имя основателя) и др.

Таким образом, для установления составного характера слов с одним повторяющимся компонентом, по нашему мнению, необязательно, чтобы во всех случаях оба компонента были семантически прозрачны. При этом следует учесть еще и тот факт, что древнейшие простые (непроизводные) основы искони нахских слов по своей фонетической структуре преимущественно односложны³. И действительно, большинство

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлис, 1888. стр. 23—24.

² См.: А. И. Шавхелишвили. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину. Известия Чечено-Ингушского краеведческого музея. Вып. 10. Грозный, 1959, стр. 119.

³ См.: Ю. Д. Дешериев. Основные особенности нахских языков. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1, вып. 2. Грозный, 1959; его же. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

многосложных слов, воспринимаемых в настоящее время как простые (непроизводные), при этимологическом анализе оказывается производными или составными. Например, слово *устагла* (инг. *устагI*, бацб. *устхо*) «овца» современное языковое сознание чеченца и ингуша воспринимает как непроизводное. Однако этимологический анализ показывает, что это слово исторически производно и состоит из основы *уст*¹ (инг., бацб.) «бык» и суффикса *-гла/-ха/-хо* (бацб.), ср. также *хьал-гла* «кузня» от *пхьал/пхьола* «мастерство» + суффикс *-ла (-ха)*, *дечиг* (инг. *дахча*) «дрова» от *дач* (ср. бацб. *дос*) + уменьшительный суффикс *-г* (в чеч.) и *-х* — неизвестного происхождения (в инг.); *пхьаркие* (шатоевск. *пхьарка*) «кукурузный цветок» от *пхьа/пхьу* «кобель» + *кие* (чеч.) *//ка* (шатоевск.) «кочан»; *накьуст* (инг. *новкьуст*, бацб. *накьбист*) «товарищ» от *накь/ниекь*, (инг. *никь*) «дорога», *уст* — усеченная форма от *ста/стаг* (надо думать, что форма *стаг* производна от *ста* с помощью суффикса *-г*) «человек».

Список примеров слов с опрощенными основами можно продолжить. Таких многосложных слов, характеризующихся исторически производной или составной структурой, которая выявляется лишь в результате историко-лингвистических разысканий, проводимых путем привлечения данных разных диалектов, в нахских языках много. Вопрос о наличии односложных слов в древнейших пластах кавказских языков в этом плане представляет значительный интерес (см. об этом ниже).

Слова генетически сложной структуры, относящиеся к древнейшим образованиям, встречаются в различных сферах лексики нахских языков — в топонимике, этнонимике, в терминологии, относящейся к культурно-бытовой и социально-экономической сторонам жизни нахских народов: *глагглазкхи* (инг. *глагглазкхье*) «казак», букв. «городской казак» (от *глаг* «город», «крепость», *глазкхи/ие* «казак»); *курхарс* «старинный женский головной убор» (*кур* «темя», *харс* на базе современных нахских языков не поддается этимологизации); *Чабуорз* (имя собственное мужское) (*ча* «медведь», *буорз* «волк»); *мехк/а/ кхиел* «совет старейшин» («страны совет») от *муохк* «страна», *кхиел* «совет», «приговор» и т. д.

¹ В современном чеченском это слово имеет форму *сту*, что является результатом перестановки гласного звука *у* на конец слова, что безусловно произошло до образования слова *устагла* «овца», ср. в этой связи форму *старгла* «бычок», образованную от той же основы, но после указанной метаморфозы.

Как видно из примеров, компоненты древнейших композитов представляют собой различные лексико-грамматические элементы, отражающие разные стороны жизни нахских народов в их историческом прошлом.

Так, например, композиты со вторым компонентом *нана* «мать» отражают эпоху матриархата, в них ярко проявляется культ женщины-матери. Например: *уннана* «мать холеры», *хиннана* «водяной», букв. «мать воды», *дардзнаьнилг* (инг., -лг — суффикс уменьшительный), «мать бурь», *лаьтт/а/нана* «мать земли», *стигал-нана* «мать небес» и другие.

В легендах, поверьях нахских народов обнаруживаются композиты с компонентами-названиями различных культовых понятий; см. *стиелахаштиг* (инг. *снелахашк*) «молния», букв. «горящее полено»; *Стиела* (бог грома и молнии); *стие-лалад* (инг. *сиелалад*) «радуга», букв. «божья дуга»; *Маьлх-Аза/Аьзни* (героиня чеченского фольклора), букв. «солнечная Аза» (семантика последнего композита затемнена); *ц/улл/а/дечиг* «верба», букв. «священное дерево» (ср. также *ц/улл/а/ сара* «священный прут») и другие. В этих композитах наглядно проявляется связь языка с культурой, образом жизни и мышления народа на различных этапах его прошлой истории. Композиты, связанные с различными культовыми понятиями, встречаются в различных сферах лексики, в том числе и в топонимике; см.: *Бейни-Сиела* (*Сиела* — бог грома и молнии), *Маьгер-дела* (*дела* — верховный бог чеченцев и ингушей) — святилища в горах Ингушетии и другие. Процесс образования сложных слов продолжается и в наше время. Бурный рост культуры, техники, науки и экономики порождает массу новых композитов в литературных языках чеченцев и ингушей.

Выше мы отмечали, что словосложение — один из древнейших и продуктивных способов словообразования в нахских языках. Многие исследователи-кавказоведы отмечают распространенность этого способа и в остальных горских кавказских языках (М. Л. Абитов, Н. Ф. Яковлев, М. А. Кумахов — в адыгских языках; Н. Я. Немировский, Д. С. Иманайшвили, А. М. Магомедов — в даргинском, дидойском языках Дагестана и т. д.). В нахских языках этот способ восходит к периоду общенахского языка-основы¹. После распада общенахского языка-основы способ этот в каждом из нах-

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963, стр. 390.

этих языков развивался обособленно, в тесной связи со специфическими условиями развития структурных особенностей этих языков (см. об этом ниже, в разделе «Сравнительный анализ композитов из разных нахских языков и диалектов»).

В истории языковедения делались попытки разгадать причины, обусловившие возникновение и развитие словосложения в разных языках. Так, например, Н. Я. Марр, исходя из своей теории о стадильности в развитии языков, объяснял склонность немецкого языка к основосложению архаичностью его структуры¹. Известно, что во многих языках аффиксы словообразования исторически восходят к компонентам сложений², они представляют собой результат высокой абстракции одного (обычно второго) из компонентов сложения.

Следовательно, словосложение предшествует аффиксации. Это явление говорит не в пользу положения о том, что архаичность языка служит причиной распространения словосложения, а, наоборот, если исходить из этого положения, то архаичность языка должна служить причиной распространения аффиксации как вторичного этапа развития языка, этапа более высокой абстракции и технизации языковых элементов.

Возникновение и распространение словосложения в адыгских языках Н. Ф. Яковлев связывал с развитием общественной и экономической жизни адыгских народов. В частности, он писал: «Уже в первобытной общине развившиеся производительные силы привели к такому обогащению материальной культуры адыгейцев, их общественных отношений и содержания их сознания, при котором запас первичных слов-понятий и весь аморфный строй языка перестали поспевать за развитием обогащенной и усложнившейся жизни общества. Для отражения жизни понадобилось развить в языке новое огромное количество слов-понятий. Поэтому поднявшиеся на более высокую ступень производительные силы и новые общественные отношения ломают устаревший аморфный строй языка. Прежние первичные слова начинают соединяться друг с другом и образуют новые сложносоставные слова — двухсложные и многосложные. Прежнее первичное односложное слово превращается в часть нового слова: в часть составной основы, словообразовательный аффикс, форматив. Аморфный

¹ См.: Н. Я. Марр. Избранные труды. Т. I. М., 1933, стр. 323.

² Например, в немецком. См.: М. Д. Степанова. Словообразование современного литературного немецкого языка. М., 1953.

строй языка превращается в агглютинативный. Этот новый строй сразу обеспечивает возможность образования большого богатства новых слов и ведет к развитию огромного количества их форм. На этой стадии развития в адыгейском языке впервые возникает образование составных основ, словообразование и позднее словоизменение»¹. М. Л. Абитов, исследователь композитов в кабардино-черкесском языке, объясняет развитие словосложения тем, что «язык (кабардино-черкесский. — К. Ч.) был ограничен в своих возможностях обогащаться за счет других языков...»² Мы не можем полностью согласиться ни с одним из этих высказываний, так как в них игнорируется развитие языка по своим внутренним законам: структурные особенности языка, обусловившие возникновение и развитие тех или иных способов словообразования; сделана попытка объяснить явления лингвистического порядка иными, не лингвистическими факторами, что противоречит марксистско-ленинской методологии исследования вопросов науки о языке. Объяснение возникновения и развития словосложения нужно искать в структуре самого языка. Разумеется, при этом мы не можем не учитывать условий социального порядка, в которых развивался тот или иной конкретный язык. Однако в языке есть сферы, которые соприкасаются более тесно с жизненными условиями общества — носителя этого языка, например лексика. Но есть и такие разделы, которые менее реагируют на внешние факторы, например грамматика.

В языкознании есть и такие явления частного характера, причинность возникновения и эволюция которых еще не выяснены, и мы в отношении нахских языков не располагаем фактами, объясняющими причины возникновения и развития словосложения в этих языках. Мы и не ставим в данном исследовании такую задачу. Вопрос о причинах возникновения и развития того или иного способа словообразования — сложный, сугубо теоретический вопрос, который вряд ли можно объяснить архаичностью, степенью развития культуры или иными внешними факторами. По данному вопросу нет еще единого мнения у языковедов.

В отношении нахских языков, как было отмечено, можем

¹ Н. Ф. Яковлев, Д. Л. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М., 1941, стр. 213.

² М. Л. Абитов. Сложные слова в кабардино-черкесском языке (кандидатская диссертация). Рукопись. М., стр. 11.

можно сказать, что языки эти с древнейших времен обладают способом основосложения, уходящим своими корнями к периоду аморфного строя этих языков. Об этом свидетельствуют сложные топонимы горной полосы Чечено-Ингушетии, в которых отсутствуют какие-либо следы материальных показателей грамматических форм; см. название *Пхьамта* (*пхьа* «село», *мта* // *мат* «место»), досл. «место села»; *пхьакоц* (*пхьа* «село», *коц* «верх»), досл. «села верх» и др. Компоненты этих композитов представлены в виде чистых основ. Однако нельзя утверждать, что во всех случаях здесь сочетались древние чистые основы. Вполне возможно, что в ряде случаев мы имеем дело с позднейшими усечениями формальных показателей в процессе длительного употребления композитов в речевой практике (см. об этом ниже).

В структурно-генетическом отношении композиты в нахских языках восходят к синтаксическим сочетаниям слов, агглютинативно сросшихся в одно слово в результате длительного и частого употребления.

Образование композитов по уже существующим в языке моделям, столь развитое в некоторых индоевропейских языках, в частности русском и немецком, не свойственно нахским языкам, если не считать отдельных слов терминологического характера, встречающихся в последнее время в литературе, таких, как *медийша* «медсестра», *кхиетуш-кхиуор* «воспитание», *халкъа-демократически* «народно-демократический» и другие, являющихся полными или неполными кальками с соответствующих русских образцов. Эти композиты-кальки не вошли еще в ткань языка народа и употребляются преимущественно в художественной литературе и публицистике.

В нахских композитах отсутствуют также соединительные гласные и согласные, если не считать отдельных случаев наличия в исходе первого компонента гласных и согласных звуковых элементов *н*, *р/а/*, *л/а/*, *а*, являющихся окаменелыми формантами падежей¹. Таковы композиты: *къинхъиегам* (от *къа* «труд», «грех», *н* — формант род. п., *хъиегам* «испытание») «труд»; *цлеракиема* (*цле* «огонь», *ра* — формант исходного падежа, *киема* «судно») «пароход», досл. «огненное судно»; *цлулласара* (*цлу* «священный», *-ла* — формант направительно-

¹ В дальнейшем такие звукоэлементы в целях удобства изложения мы будем обозначать термином «наращения».

го падежа, *сара* «хворост») «верба», досл. «священный хворост» и другие. Нахские композиты состоят главным образом из двух компонентов, но встречаются и такие, которые состоят из трех, например: *цлецайоккхург* (*цле* «имя», *ца* — отрицательная частица «не», *йоккхург* «извлекающий») «ласка», досл. «имя не извлекающий», то есть «не называющий»; *цлерпушт/а/яй* «паровоз», досл. «огненной почты котел» и др. Этих последних в современных вайнахских языках в сфере имен немного.

Словосложение занимает большое место в пополнении словарного состава современных чеченского и ингушского литературных языков. Этот процесс особенно активен в настоящее время, когда бурный рост науки и техники порождает много новых понятий и представлений, которые в свою очередь порождают массу сложных слов в языках наших народов.

В основной своей массе новые композиты, как указывалось, представляют собой кальки (полные и неполные) с соответствующих русских и интернациональных образцов. Эти композиты встречаются в сфере разных частей речи и в разных областях лексики. Таковы: *халкъ-кхиетуоран* (*буолх*) «политико-массовая (работа)», *сийлахъ-воккха* «великий», *кхиетуш-кхиуор* «воспитание», *медийша* «медсестра» и другие. Много композитов заимствованных, особенно из области научно-технической терминологии. Например: *космодром*, *радиокомитет*, *автострада*, *автоинспектор*, *автоколонна* и многие другие. При этом и калькируются, и заимствуются главным образом сложные имена существительные и прилагательные. В редких случаях встречаются глагольные сочетания — полукальки, состоящие из отыменных глаголов с разными основами на суффикс *-овать* + нахский вспомогательный глагол *дан* «делать», например: *агитировать дан* «агитировать», досл. «агитировать делать»; *пропагандировать дан* «пропагандировать», досл. «пропагандировать делать» и др. Пополнение вайнахских литературных языков новыми композитами идет главным образом под благотворным влиянием русского языка, и значение и функции которого для народов нашей страны ныне всемерно возрастают в связи с невиданными достижениями Советского Союза в области культуры, науки и техники, а также в результате дружественных взаимоотношений народов нашей страны с великим русским народом.

Вопрос о композитах является одним из наименее исследованных в нахских языках. Достаточно сказать, что мы не имеем ни одной работы, специально посвященной этому сложному вопросу.

Правда, отдельные исследователи нахских языков косвенно затрагивали этот вопрос в своих работах, непременно отмечая его чрезвычайную производительность (Х. Яндаров¹, З. К. Мальсагов², Н. Ф. Яковлев³, Ю. Д. Дешериев⁴, Н. М. Немировский⁵). Для нас особенно ценен вывод Ю. Д. Дешериева о бытовании именного словосложения в общенахском языке-основе⁶. Здесь же отметим, что данный вопрос не получил окончательного разрешения и в исследованиях других языков иберийско-кавказской семьи. Правда, по некоторым из них имеются отдельные работы М. Л. Абитова⁷, А. И. Шанидзе⁸, Б. Шинкуба⁹ и других. Менее разработан этот вопрос и в отношении дагестанских языков, которые по своей грамматической структуре ближе к нахским языкам. Здесь также не имеется ни одной специальной работы по композитам.

Разработка вопроса о нахских композитах поможет изучить некоторые вопросы грамматического строя нахских языков, в частности: 1) структурно-генетические особенности композитов, 2) характер сочетаемости и соотношения их компонентов.

Кроме того:

1. Разработка нахских композитов должна выявить то общее, что сближает нахские языки с остальными близкород-

¹ «Грамматика чеченского языка». Грозный, 1934.

² «Грамматика ингушского языка». Владикавказ, 1925.

³ «Морфология чеченского языка». Грозный, 1960.

⁴ «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков...» Грозный, 1963.

⁵ «О словообразовании в горских яфетических языках Кавказа». Ученые записки Северокавказского пединститута. Т. 2. Орджоникидзе, 1934.

⁶ Указ. соч., стр. 390.

⁷ «Сложные слова в кабардино-черкесском языке» (кандидатская диссертация). Рукопись. М., 1948.

⁸ «Основы грузинской грамматики». Тбилиси, 1953.

⁹ «Именное словосложение в абхазском языке» (кандидатская диссертация). Рукопись. Тбилиси, 1944.

ственными языками иберийско-кавказской семьи, и то частное, специфичное, что отличает нахские языки в этой области от остальных языков данной семьи.

2. Так как словосложение является наиболее древним способом словообразования в кавказских языках, то можно будет на материале нахских языков (в историческом плане) проследить процесс развития этого способа от древнейших времен до наших дней, по возможности устанавливая связь этого развития с общественной жизнью нахских народов, а также причины тех или иных лексических, семантических, грамматических изменений, происходящих в композитах в их историческом развитии.

3. На материале сложных слов раскрывается образ мышления и культура народа. Сравнительно-историческое исследование сложных слов дает возможность проследить эволюцию народной жизни, историю народа и его языка.

4. Сравнение разных нахских диалектов проливает свет на многие неясные вопросы сложений, в частности, как было отмечено выше, оно поможет выявить семантику компонентов, утерянную в отдельных диалектах. Путем сравнения данных диалектов выявляется характер сочетаемости компонентов, а также грамматические и фонетические эволюции последних при сложении в сложное слово.

5. Изучение композитов, как и словообразования в целом, имеет большое значение для истории лексики как раздела, который связан со всеми сторонами языка.

Изучение этого вопроса имеет также значение для языковедческой практики:

1) для преподавания нахских языков как в школе, так и в вузе;

2) для унификации орфографии чеченского и ингушского языков.

Правописание сложных слов, как отмечал Ю. Д. Дешериев¹, наиболее слабый раздел орфографии чеченского и

ингушского языков. Отсутствие научно установленных критериев для различения сложных слов и соответствующих синтаксических словосочетаний, с одной стороны, фразеологизмов и сложных слов, с другой, — вот основные причины разноречия в орфографии сложных слов. Особенно часты ошибки в написании композитов, компоненты которых не подверглись фонетической деформации. Проблема правописания чечено-ингушских сложений почти всегда является предметом бурных дискуссий на совещаниях, посвященных вопросам орфографии, но удовлетворительного разрешения этот вопрос еще не получил, да и не мог получить, поскольку раздел словосложения нахских языков не был научно разработан. Известно, что составлению орфографических норм любого языка должна быть предпослана научная разработка грамматики этого языка.

В данном исследовании мы ставим перед собой задачу — по возможности всестороннее освещение композитов как структурно-генетической, так и лексико-семантической точек зрения:

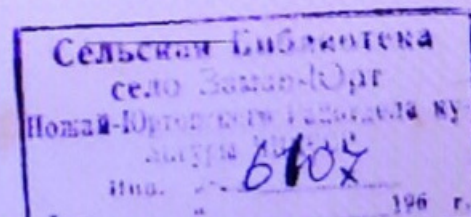
а) установление в пределах наших возможностей критериев различения композитов и соответствующих словосочетаний разных типов с учетом специфики структуры вайнахских языков;

б) рассмотрение структурно-грамматических особенностей, распространенности и продуктивности композитов;

в) освещение вопросов правописания композитов.

К разрешению этих задач сводится основное содержание книги. Более частные вопросы, органически связанные с указанной проблемой, мы надеемся разрешить попутно. Материалом для исследования этого вопроса являются в первую очередь живые чеченский и ингушский языки с их диалектами, а также устное народное творчество и художественная, публицистическая литература.

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Фонетика чеченского языка. Грозный, 1960, стр. 70.

СЛОЖНОЕ СЛОВО И СЛОВСОЧЕТАНИЕ. КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СЛОЖНОГО СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 3. Критерий разграничения сложного слова и словосочетания на морфологическом уровне

Одной из нерешенных проблем языкознания является вопрос соотношения словосочетания и сложного слова. Он не получил удовлетворительного разрешения на сегодняшний день во многих языках. Ученые, исследующие этот вопрос с учетом специфики грамматической структуры того или иного языка, по-разному подходят к его решению.

Так, например, А. И. Смирницкий и В. В. Виноградов главным признаком сложного слова во всех языках считают его внешнюю фонетико-морфологическую цельнооформленность при разнооформленности словосочетания¹.

А. И. Смирницкий и В. В. Виноградов под цельнооформленностью понимают внешнее формальное единство слова.

Но и внешняя цельность слова в разных языках в зависимости от их грамматической природы должна рассматриваться по-разному. Если в языках с развитой системой грамматических показателей, например в русском языке, для определения грамматической цельнооформленности достаточно наличие у композита единой слово- или формообразующей основы, то в нахских языках, как и в других иберийско-кавказских языках, с их аморфным характером, проявляющимся в некоторых типах словосочетания, вопрос о цельнооформленности решить гораздо труднее.

В нахских языках (в частности в чеченском и ингушском) к решению вопроса о цельнооформленности композитов в зависимости от их морфологической структуры нужно подходить дифференцированно.

Например, для именных сложных слов определительного типа с первым компонентом — качественным прилагательным и причастием — критерием грамматической цельности может служить отсутствие материального показателя формы

¹ См.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема отдельности слова). В сб.: «Вопросы теории истории языка». М., 1952; его же. Лексикология английского языка. М., 1956; В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб.: А. А. Шахматов. (1864—1920). Вып. 3. Изд-во АН СССР, 1947.

косвенного падежа у первого компонента. Дело в том, что первый компонент — определение соответствующего синтаксического сочетания при изменении последнего по грамматическим категориям, в частности по категории падежа, согласуется с определяемым в косвенных падежах посредством форманта *-чу*; см.: им. п. *клай куотам* «белая курица», род. п. *клай-чу куотам* «белой курицы», дат. п. *клай-чу куотамна* «белой курице», эрг. п. *клай-чу куотамуо* «белая курица» и т. д.; им. п. *буохна кад* «разбившаяся чашка», род. п. *буохна-чу кед* «разбившейся чашки», дат. п. *буохна-чу кедана* «разбившейся чашке», эрг. п. *буохна-чу кедуо* «разбившаяся чашка» и т. д.

Как видим, словосочетания с первым компонентом — качественным прилагательным и причастием — выступают при склонении раздельнооформленно, что выражается наличием у обоих компонентов (у первого слабее) грамматических (падежных) показателей (*-чу* в первом компоненте). Сложные слова, генетически восходящие к словосочетаниям данного типа, разумеется, должны отличаться морфологической цельностью, которая выражает наличие у них единой слово- и формообразующей основы.

Таким образом, для вайнахских языков критерием того, что словосочетание с первым компонентом — качественным прилагательным и причастием — выделилось в лексическую единицу языка, будет являться отсутствие грамматического показателя *-чу* в первом компоненте в косвенных падежах и наличие единого общего грамматического показателя в исходе второго компонента. Таковы: *лаьрж/а/хьач* «чернослив», (досл. «черная слива»), *хьаьрс/а/хьач* «алыча» (досл. «рыжая слива») и др.; см. их в форме косвенных падежей: род. п. *лаьрж/а/хьоча/га/* «чернослива (ветка)», *хьаьрсхьоча/га/* «алычи (ветка)»; дат. п. *лаьржхьочана* «черносливу», *хьаьрс/а/хьочана* «алыче»; эрг. п. *лаьрж/а/хьочуо* «чернослив», *хьаьрс/а/хьочуо* «алыча»; *йетшура* «простокваша», род. п. *йетшури(кад)*, дат. п. *йетшури (кедана)*, эрг. п. *йетшури (кедуо)* и т. д.

Кроме того, важным показателем грамматической цельности сложений с первым компонентом — качественным прилагательным — будет являться индифферентность последнего в составе композита к образованию форм степеней, присущих нахским качественным прилагательным. См.: чеч. *хьаьрс-уо (-уо — формант недостижимой степени прилагательного)* *мас* «рыжеватый волос»; *лаьрж-уо говр* (инг. так же) «чернявый

конь»; *кѳор-уо стаг* (инг. *кѳор-уо саг*) «глуховатый человек»; инг. *лаѳржа-ѳла* (-ѳла — формант сравнительной степени) *говѳр* «чернее конь», *кѳора-ѳла саг* «глуше человек» и т. д.

В функции первых компонентов собственно композита качественные прилагательные не образуют формы степеней. Например, невозможны такие образования у первых компонентов — качественных прилагательных — в композитах *хѳаѳрс/а/хѳач* (инг. так же) «алыча» (*хѳаѳрс/а/* «рыжий», *хѳач* «слива»); *лаѳрж/а/хѳач* (инг. так же) «чернослив» (*лаѳржа* «черный», *хѳач* «слива»); *кѳор/а/кѳокха* (инг. так же) «горлинка» (*кѳора* «глухой», *кѳокха* «голубь») и др.

Однако следует отметить, что в некоторых случаях в этих формах цельнооформленность может быть нарушена, то есть после первого компонента при склонении появится формант -чу (*хѳаѳрсачу хѳочуо*, *лаѳржачу хѳочуо*), что будет зависеть от темпа речи и от индивидуальной особенности произносительных норм говорящего субъекта. Так что в отношении по крайней мере некоторых сложений данного типа пока еще трудно говорить об окончательной грамматической цельности. Таковы: *хѳаѳрсхѳач*, *лаѳржхѳач* и др.

Но встречаются и такие композиты данного типа, цельность которых не нарушается при любых условиях. Таковы: *кѳор/а/кѳокха* «горлинка», досл. «глухой голубь»; *буочаѳлар*¹ «грецкий орех», досл. «нежный орех»; *ѳетишур* «простокваша», досл. «свернувшееся молоко» и другие. Видимо, в композитах типа *хѳаѳрсхѳач*, *лаѳржхѳач* мы имеем переходный случай от раздельнооформленности к цельнооформленности. Отсутствие у первого компонента значимости в большей степени способствует цельности данных сложений (см. *буочаѳлар*), но это уже сближает их с простыми словами.

Кроме того, могут встретиться сложения этого же типа, между компонентами которых наличествует материально выраженная связь в грамматическом классе и числе, например первый компонент — определение-причастие (или прилагательное), смотря по тому, к какому грамматическому классу отнесен второй компонент, являющийся семантически основным, может иметь в начале один из четырех (а, ѳ, б, д) грамматических показателей (см. *ѳетишур* «простокваша», букв. «свернувшееся молоко»); элемент ѳ в зачине первого компонента — показатель грамматического класса вещей.

¹ Семантика первого компонента этого композита -буоча в чеченском затемнена, но ингушский язык сохраняет его первоначальную семантику — «нежный».

Но это единичный случай проявления грамматической связи между компонентами сложений данного типа. Подавляющее большинство сочетаний этого типа в прямой форме индифферентно к подобным явлениям.

В целом за критерий морфологической цельнооформленности композитов-существительных с первым компонентом — качественным прилагательным и несубстантивированным причастием — можно признать наличие у них единой слово- и формообразовательной основы, нерасчленимой грамматическими показателями при изменении по грамматическим категориям. При этом следует учесть также и нерасчленимость основ таких композитов (в отличие от соответствующего словосочетания) внедрением в него другого слова (подробно об этом ниже).

Единой слово- и формообразующей основой характеризуются двухкомпонентные устойчивые сочетания с первым компонентом — относительным прилагательным, которое также тождественно с формой притяжательности от имен существительных. Сочетания этого типа отличаются от синтаксических сочетаний своей устойчивостью, позволяющей в сочетании с факторами фонетического характера (интонационная целостность и одно главное ударение) подвести их под категорию именного сложного слова. Индифферентность первого компонента сочетаний данного типа к изменениям по грамматическим категориям является специфической особенностью нахских языков. В этом их отличие от структуры соответствующих сочетаний в русском языке. Представляется закономерным, исходя из этой точки зрения, включение в состав лексики в нахских языках таких двухчленных устойчивых сочетаний, как *аѳчг/а/ниекѳ* «железная дорога», *лерг/а/бад* «барабанная перепонка», которые в русском языке, исходя из грамматической структуры последнего (изменяемость первого компонента по грамматическим категориям падежа и числа), рассматриваются как устойчивые словосочетания. Таким образом, одно и то же понятие в разных языках в зависимости от их грамматической структуры бывает выражено разными языковыми единицами — сложным словом или словосочетанием. Факты, тождественные изложенным в данном разделе в отношении нахских языков, имеют место и в других языках иберийско-кавказской семьи, в частности в адыгских языках¹.

¹ См.: М. А. Кумаров. Морфология адыгских языков. Москва — Нальчик. 1964, стр. 43—44.

Однако следует отметить, что включение в состав композитов двухкомпонентных устойчивых сочетаний типа «имя существительное в форме род. п. + существительное со значением родственных отношений» является несколько условным, поскольку их составляющие части на синтаксическом уровне отнесены к разным парадигматическим классам. И это видно из того, что первая часть таких сочетаний вступает в грамматическую связь — согласование с определяющими словами, например: *веш̄и кл̄ант* «брата сын», но: *воккхачу веш̄и кл̄ант* «старшего брата сын», *жимчу веш̄и кл̄ант* «младшего брата сын» и др. Следовательно, определения *воккхачу* «старшего», *жимчу* «младшего» отнесены не ко всему композиту, а лишь к первому компоненту — *веш̄и* «брата».

Но, как показывает анализ, в зависимости от целей и желания говорящего одно и то же определяющее слово может быть отнесено то к целому композиту, то только к одному из компонентов. Так, например, приведенное выше определение может относиться в равной мере и к целому композиту, например: *воккха веш̄и кл̄ант* «старший брата сын», *жима веш̄и кл̄ант* «младший брата сын». При этом, как видно, определяющие слова согласуются в падеже со вторым компонентом; см. это в косвенных падежах: род. — *воккхачу веш̄и кл̄антан*, дат. — *воккхачу веш̄и кл̄антана*, эрг. — *воккхачу веш̄и кл̄ант* и т. п.

Такое же положение наблюдается и в трехкомпонентных сочетаниях данной семантической группы; см. примеры, где определяющее слово согласуется с первым компонентом: *дикачу девеш̄и кл̄ант* «хорошего отца брата сын», *вуочу девеш̄и кл̄ант* «плохого отца брата сын» — согласование с первым компонентом; *дикачу девеш̄и кл̄ант* «хорошего отца брата сын», *вуочу девеш̄и кл̄ант* «плохого отца брата сын» — согласование с комплексом *девеш̄и* «отца брата»; *дика девеш̄и кл̄ант* «хороший отца брата сын»; *вуо девеш̄и кл̄ант* «плохой отца брата сын» — согласование с последним компонентом — *кл̄ант* «сын». Мы видим, что процесс грамматической цельности компонентов композитов данного типа на синтаксическом уровне еще не завершился; и это при всех остальных факторах, говорящих в пользу цельноформальности данных сложений (единая слово- и формообразующая основа, главное ударение, интонационное единство, идномат-

ичность), свидетельствует об их переходном характере, о том, что они занимают промежуточное положение между устойчивыми сочетаниями и сложными словами. Сочетания данного семантического типа, состоящие из четырех и более частей (см. *девеш̄и кл̄ант̄а кл̄ант* «отца брата сын»; *ден̄и-ш̄и кл̄ант̄а кл̄ант* «отца сестры сына сын» и др.), не имеют никаких формальных признаков композита, хотя и обладают функцией выражения единого понятия. Двухкомпонентные устойчивые сочетания типа: имя существительное + имя существительное в нахских языках в отличие от русского имеют все признаки сложного слова (единая слово- и формообразующая основа, отнесенность к одному парадигматическому классу, ударение и т. д.). Исключение из этого, по-видимому, составляют устойчивые сочетания типа: имя существительное в форме род. п. мн. ч. с неподвергшимися редукции формантами указанных категорий + существительное. Таковы, например, устойчивые сочетания, *уосма-луой̄ тапча* «османский пистолет» («османов пистолет»), *цергий̄ луор* «зубной врач» (букв. «зубов врач»), *лаьндий̄ верта* (инг. *ландий̄ ферта*) «андийская бурка», *чергазий̄ верта* (инг. *черсий̄ ферта*) «черкесская бурка» («черкесов бурка»), *чергазий̄н говр* (инг. *черсий̄н говр*) «черкесская лошадь», то есть лошадь черкесской породы («черкесов лошадь»), *нохчий̄ тапча* «чеченский пистолет» («чеченцев пистолет») и др., между компонентами которых сохраняется материально выраженное посессивное отношение. Однако сочетания данного типа имеют тенденцию к переходу в разряд устойчивых сложных слов, чему способствует редукция формантов множественности-притяжательности *-ий̄* и *-уой̄* в первых компонентах устойчивых сочетаний указанного типа. Так перешли в разряд сложных образований сочетания *нохчг̄лабакх* (← *нохчий̄ г̄лабакх*) «чеченская тыква» (сорт тыквы), *нохчмуохк* (← *нохчий̄ муохк*) «Чечня» («чеченская страна»), *г̄алмакх-чай* (← *г̄алмакхуой̄ чай*) «сорт чая» («калмыцкий чай») и другие. Как устойчивые словосочетания следует рассматривать также сочетания типа: существительное в форме род. п. ед. ч. + существительное, между составляющими которых формально сохраняется материально выраженная притяжательная связь. Таковы сочетания: *жлаьли нускал* «гриб» («собаки невеста»), *жлаьли ун* «грипп, насморк» («собаки холе-ра») и т. п.

Единой слово- и формообразовательной основой обладают также глагольные словосочетания. По нашему мнению, правомерно отнесение в разряд композитов устойчивых глагольных словосочетаний. Таковы: *садаккха* «вздыхнуть», *салаца* «прервать дыхание» и др.

В глагольных сочетаниях-композитах наблюдаются случаи материально выраженной грамматической связи между компонентами в грамматическом классе и числе. Причем согласование в классе между составляющими частями будет наблюдаться в том случае, если первый компонент выражен существительным; см. *дуогдаха* «надеяться», *садаккха* «вздыхнуть», букв. «душу изъять», *ладаккха* «зимовать», букв. «зиму изъять», *дедала* «день пройти», *блабстайла* «весна наступить» и т. д. При этом классный показатель наличествует в зачине глагольного компонента. В ингушском классный показатель будет также и в исходе глагольного компонента при употреблении глагола в форме прошедшего времени: *блабстийаьнай* «весна наступила», *ладаккхад* «зиму провел», *садаккхад* «душу изъял» и т. д. Таким образом, согласование второго (глагольного) компонента в классе происходит с первым компонентом, если последний — имя существительное. В остальных случаях глагольный компонент согласован с другим словом, подразумеваемым или имеющимся в предложении; см. *акхадаккха* (цицигах) «заставь одичать (о кошке)», *паргалтаваккха* (клантах) «освободить (о сыне)», *багаваха* (Ахьмадах) «стать объектом обсуждения (об Ахмаде)», *такхада* (залах) «поволочь (о плетне)» и т. д. Но последний случай, с точки зрения внешней цельности, нас менее интересует, хотя и имеет определенное значение.

Для нас интерес представляет случай, когда в классе компоненты композита согласуются между собой с помощью действующих классных показателей.

Дело в том, что отсутствие такой живой связи по грамматическим классам между компонентами приведенного типа композитов могло бы быть одним из надежных критериев их цельюоформленности. Для этого необходимо окаменение или выпадение классных показателей. А такое явление в отдельных глаголах мы уже имеем; см., например, сложные глаголы *дагахьбаллам* (*дагахь* + *балла-м*) «сожаление» (элемент *б* в начале второго глагольного компонента — *баллам* уже утратил функцию показателя класса, он не выражает связи

ни с каким словом — ни в составе композита, ни вне его). *дегабаам* (*дуог* + *баам*) «обида» (здесь также элемент *б* уже не функционирует в качестве живого классного показателя). См. также примеры масдарных и отглагольных существительных с рудиментарными показателями грамматических классов и суффиксами *-р*, *-м*: *буола-р* «походка» от *буола* «ходить»; *баха-м* «хозяйство» от *бах* «жить»; *биекхам* «мечь» от *биекха* «мести» и т. д.

Эти и другие примеры показывают, что процесс затухания связи по грамматическим классам между компонентами композитов уже начался. Но согласование в грамматическом классе между компонентами свойственно не всем сочетаниям. Так, например, индифферентны к такой связи компоненты композитов, представляющие собой неклассные глаголы, например: *сатуоха* «стерпеть», букв. «душу ударить», *вистхила* «заговорить», *гудатуоха* «оштрафовать» и другие.

При этом интересно отметить, что при переходе в многократный вид в этих и других глаголах появляется классный показатель, например: *сатуоха* (однократный вид) «стерпеть», но *саетта* (многократный вид, *д* — классный показатель) «терпеть», *гудатуоха* (однократный вид) «оштрафовать», но *гуданаидиетта* (многократный вид, *д* — классный показатель) «налагать штрафы», *муоттуоха* (однократный вид) «донести», но *муоттбиетта*¹ «доносить» и др. В некоторых композитах, наоборот, классный показатель появляется в однократном виде при отсутствии его в многократном виде. Пример: *дуогдатла* (однократный вид) «опечалиться», букв. «сердце разорваться», *д* — классный показатель, но *дуогбие-тла* (многократный вид) и др.

Но есть и такие сложные глаголы, в которых во всех формах отсутствуют показатели грамматического класса: *дуогкарча* (однократный вид) «гошнить», букв. «сердце перевер-

¹ Возможно, что начальный элемент в однократных формах *-т* является рудиментарным классным показателем, чередовавшимся с классными показателями, наличествующими во многократных формах *-д*, *б*. Что *-т* являлся в прошлом живым классным показателем, легко доказывается парами: *тов* (инг.) «горящие угли», *тоа* (чеч.) «жара», *това* (чеч.) «очаг»; ср. *довха*, *бова*, *вовха*, *довха* «жарко, горячий», где *д*, *б*, *в*, *й* — живые показатели классов при *-т* в предыдущих формах. См. по этому поводу еще: Х. Ошаев. Рудиментарные классные показатели в вайнахских языках. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1, вып. 2. Грозный, 1959.

нуться», но *дуогкиерча* (многократный вид); *дуогкхий* (употребляется только в однократном виде) «почувствовать», букв. «сердце успеть»; *дуоглаза* (употребляется только в однократном виде) «пожалеть», букв. «сердце болеть»; *даквалаца* (только однократный вид) «принять участие», букв. «участие держать». Между компонентами иных из идиоматичных глагольных композитов с первым компонентом-существительным проявляется, как и в соответствующих словосочетаниях, материально выраженная грамматическая связь по категории числа. Первый компонент-существительное снабжается обычным формантом множественности *ш*, второй же компонент-глагол соответственно приобретает форму множественности либо путем изменения классного показателя, либо же изменением фонетической структуры основы, как и при переходе в категорию многократного вида.

Например: *садаккха* (ед. ч.) «вздохнуть» («душу изыять») ¹, но *синуошдаха* (-*нуо* — наращение, *ш* — формант множественности) «вздохнуть» («душу изымать»); *нуохдаккха* (ед. ч.) «жвачку жевать» («жвачку изымать»), но *нахаршдаха* (-*ар* — наращение, *ш* — формант мн. ч.) «жвачку жевать»; *цлетилла* (ед. ч.) «дать имя» («имя положить»), но *цлиерштакха* (-*р* — наращение, *ш* — формант мн. ч.) «давать имена» («имена положить»).

В иных случаях изменение классного показателя и модификация фонетической структуры глагольного компонента происходит одновременно: *йутуоха* (ед. ч.) «ужалить» («жало ударить»), но *йунаш йиетта* («жалы ударять»); *муоттуоха* (ед. ч.) «донести» («язык ударить»), но *меттанаш диетта* («языки ударять») и т. д.

Встречаются примеры, глагольные компоненты которых индифферентны к изменениям по числам: *дуогдаха* «моргать» («сердце изымать»), но *дегнашдаха* «сердце изымать» и др.

См. еще примеры в контексте.

Даккхий синиш дахаррий бен кхин вовшашка йист ца хуьлуш ши шича звах чуьлуш маьрклажан бода кховлабеллира ². «Когда две двоюродные сестры, ничего, кроме как в зды

¹ В скобках даются дословные переводы композитов.

² Здесь и дальше композиты как в оригинале, так и в переводе выделены.

хатъ (букв. души изымания), друг другу не говоря, входили в село, уже стемнело».

(М. Мусаев. На рассвете).

Накхарша юнаш йиттина дегл лозуш ву со. «Пчелами ужаленное (букв. шилами ударяемое) тело болит у меня» (из разговорной речи).

Наличие связи согласования между компонентами по категории грамматического класса и числа свидетельствует о незавершенности цельнооформленности глагольных сложений, несмотря на то, что большинство из них обладает идиоматичностью и отнесено к одной части речи.

Следует отметить также и то, что большинство глагольных сложений, как было уже сказано, имеет единую словоизменительную основу. Вот некоторые примеры: *бляьргтуоха* «окинуть взором» («глаз ударить»), *вайдала* «роиться» («рой образоваться»), *гуолаца* «окружить», *глайглаба* «заботиться» («заботу сделать»), *кбахьиега* «трудиться» («труд испытывать»), *салаца* «захватить дыхание» (душу держать), *катуоха* «схватить» («хватку ударить»), *сахила* «рассветать» («свет иметь») и другие.

В целом можно заключить, что многие устойчивые глагольные сочетания определительного типа в единую основу грамматически оформляются слабо. Они сохраняют некоторые признаки, свойственные соответствующим словосочетаниям, ярким подтверждением чего является и тот факт, что компоненты большинства глагольных композитов (как и части соответствующих словосочетаний) поддаются перестановке и разъединению вставкой других слов (см. об этом ниже).

Однако при всем этом двухкомпонентные глагольные устойчивые сочетания отнесены к одной грамматической парадигме и выражают единое понятие.

§ 4. Критерий разграничения сложного слова и словосочетания на синтаксическом уровне

Словосочетание — это синтаксическая категория, каждая составляющая часть которой представляет собой самостоятельный полнозначный член предложения, связанный с другим грамматической связью, материально выражающейся морфологическими показателями. Как было показано выше, в чеченском и ингушском языках связь между членами син-

таксического сочетания материально выражается в согласовании их в числе, грамматическом классе и падеже. Однако подавляющее большинство сочетаний материально нейтрально к такой связи. Н. Ф. Яковлев, отмечая такое явление относительно качественных прилагательных-определений, писал: «Подавляющее большинство чеченских качественных прилагательных вообще не имеет согласования по грамматическому классу и, находясь впереди своего определяемого, имеет несамостоятельное склонение, которое можно было бы назвать «слабым» склонением. Формы единственного и множественного числа качественного прилагательного в этом случае совпадают, а для всех косвенных падежей имеется лишь одна общая форма с суффиксом *-чу*»¹. Следует еще отметить наличие небольшого числа глаголов, имеющих согласование с объектом или субъектом своего действия по классу и числу. При этом объект или субъект, выраженные существительными, при согласовании в числе приобретают форманты множественности *-ий*, *-ш*, а глагольная основа претерпевает фонетические изменения, например: *дечиг даккха*² (ед. ч.) «дрова рубить», но *дечгаи даха* (мн. ч.) «много дров рубить» и т. д. (см. еще примеры выше). В завершение перечня частей речи, вступающих в связь по разным категориям с другими словами, укажем еще на классное числительное-определение *диъ* «четыре», которое также согласуется в грамматическом классе с именами (определяемыми): *диъ жлабла* «четыре собаки», *биъ устагла* «четыре овцы» и др. (см. также производные от него сложные числительные *дейтта* «четыренадцать» и *дизткха* «восемьдесят»: *дейтта жлабла* «четыренадцать собак», *бейтта устагла* «четыренадцать овец» и т. д.).

В остальных случаях связь слов в нахских языках материально не выражается.

Синтаксически сложное слово в отличие от словосочетания, где каждое слово является самостоятельным членом предложения, должно рассматриваться как один член предложения, вступающий в связь с другими словами в качестве единого целого. К сложному слову с первым компонентом-прилагательным можно приставить определяющее слово, например: *хьаьрсахьач*, но *цйен хьаьрсахьач* «красная алыча», *белх*

лаьрж/а/хьач «длинный чернослив» и др. И эти определения будут относиться к целому комплексу. При словосочетании же, где первая часть прилагательное, определяющее слово может выступать однородным членом рядом с первой частью словосочетания — прилагательным. Например: *къена йоккха куотам* «старая большая курица», *доккха буьрса жлабла* «большая страшная собака» и др.

Данный критерий имеет большое значение, особенно в отношении глагольных композитов, компоненты которых менее монолитны. Поэтому вопрос о том, отнесено ли определяющее слово к первой части глагольного композита или же к целому комплексу композита, имеет важное различительное значение. Например: прилагательное-наречие *члогла* «сильный»¹, «сильно» в отношении композита *муохътуоха* «крикнуть» («крик ударить») выступает в значении наречия (обстоятельства образа действия): *члогла муохътуоха* «сильно крикнуть» — и, следовательно, относится ко всему комплексу, а не к одному (первому) компоненту-существительному как качественное прилагательное-определение. То же можно сказать и в отношении следующих — сочетаний: *дика сатуоха* «хорошо стерпеть», *вуо катуоха* «плохо хватать»; см., например, *вуо катухуи ду жлабла* «плохо хватает собака» и т. д.

При отнесенности определяющих слов не к целому глагольному комплексу, а только к одному первому компоненту — имени как определяемому мы имели бы раздельно-оформленные сочетания типа: дополнение + сказуемое, а не композит, отличающийся цельнооформленностью.

Кроме того, словосочетание как номинативная единица приобретает смысл в предложении, то есть ее номинативная функция опирается на контекст, тогда как аналогичная функция сложного слова независима от контекста.

Например, сложное слово *хьаьрсахьач* имеет смысл вне предложения, тогда как словосочетание такого смысла вне предложения не имеет, то есть словосочетание как синтаксическая категория обычно реализует свою номинативную функцию в контексте, а композит такую функцию осуществляет и вне контекста, как лексическая единица.

Кроме того, контекст способствует также дифференциации

¹ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М.—Л., 1940, стр. 123.

² Здесь начальный звук *д* — классный показатель.

¹ Поскольку прилагательное в нахских языках, равно как и причастие, существительное, местоимение, числительное, глагол, индифферентно к формам грамматического рода, перевод таковых на русский язык здесь и дальше мы даем в форме мужского рода.

сложного слова и словосочетания, состоящих из одних и тех же компонентов; см., например, *Суна Iаьржа/бIаьрйаьла*. «У меня вскочил фурункул (болячка)», но *IаьржбIаьрг бу Ахмада*. «У Ахмада есть черный глаз» и т. д.

Кроме того, различие между именными сложными словами и соответствующими словосочетаниями проявляется при ответе на вопрос *xIy?* (что?) или *мила?* (кто?). Дело в том, что при этом называют все сложное слово, тогда как от словосочетания для такого ответа берут только основное (обычно второе определяемое) слово.

Например, сложные слова: *XIy ю иза?* «Что есть это?», *Хьаьрсахьа ч бара иза-м*. «Алыча есть это», *БуочабIа дара иза-м*. «Грецкий орех есть это», *KIалдаьтта дара иза-м*. «Сыр (творог) с маслом (название блюда) это», *Бох х а хIу ма ю*. «Змея есть» и т. д. Для ответа на эти вопросы употребление словосочетания необязательно. Например, возмем словосочетание *кIай куотам* «белая курица». Первую часть — прилагательное-определение — не обязательно приводить для ответа на вопрос *XIy ю иза?* «Что это?» Достаточно сказать: *Котам ю иза*. «Курица есть это». При этом нужно отметить возможность наличия переходных случаев, когда первые компоненты иных сложных слов тоже могут опускаться при ответе на поставленный вопрос.

Этот критерий в целом подходит также для всех остальных типов именных, глагольных композитов, которые отвечают на один и тот же вопрос.

Иначе ставится вопрос в отношении глагольных композитов и соответствующих словосочетаний. Здесь при ответе на вопрос: *XIy да?* «Что делать?» в словосочетании, как и в сложном глаголе, не будет опускаться первый компонент. Например: *Ахь xIy до?* «Ты что делаешь?» — *глаж туху* «палкой ударяю», *tIyлг кхуссу* «камень бросаю» (словосочетания) или *петуху* «отворачиваюсь», *цетуху* «откусываю» (сложные слова) и т. д.

Так выражается всякое конкретное действие в нахских языках. В неконкретном значении будет употреблен глагол, а имя-объект опущено: *XIy да?* «Что делать?» — *туоха* «ударить», *кхуосса* «бросить» и т. д. Таким образом, установить критерий различения сложного глагола и соответствующего словосочетания по данному способу невозможно, поскольку употребление глагола с именем-объектом для обозначения конкретного действия в нахских языках обычное явление.

Состав словосочетания в отличие от состава сложного слова может также варьироваться при сохранении одного и того же главного или второстепенного члена — ср. *кIай куотам* «белая курица», *кIай ца* «белый дом» или *Iаьржа куотам* «черная курица», *Iаьржа ца* «черный дом» (варьируется вторая часть); *tIyлг кхуосса* «бросить камень», *миш кхуосса* «бросить палку», *Iаж кхуосса* «бросить яблоко» (варьируется первая часть) или *tIyлг туоха* «ударить камнем», *tIyлг лаца* «камень держать» (варьируется вторая часть) и т. д.

Компоненты именного словосочетания в отличие от частей именного композита можно также расчленить вставкой между ними других слов. Например: *боккха Iаж* «большое яблоко», *жима tIyлг* «маленький камень», *ира диг* «острый топор», но *боккха цIие Iаж* «большое красное яблоко», *жима гуорга tIyлг* «маленький круглый камешек», *ира доккха диг* «острый большой топор». В словосочетании данного типа можно вставить разные слова — прилагательные, наречия, числительные, существительные, местоимения, а также служебные слова — послелог, частицы, союзы.

Выбор того или иного слова для вставки зависит от морфолого-синтаксической структуры словосочетания. Цельнооформленные именные композиты не поддаются такому членению.

Но в глагольные композиты (как и в соответствующие словосочетания) можно вставить слова. Чаще такими вставками бывают служебные слова. Например: *катуоха* «цапнуть», но *ка ма туоха* «не цапни» (*ма* — отрицательная частица). При вставке отрицания *ма* в сложный глагол последний употребим только в косвенной форме и в формах наклонения. В этом проявляется сходство его с соответствующим словосочетанием; см. также *ка ца туоха* «чтобы не цапнуть» (*ца* — отрицание); *ка а туоха* «чтобы и цапнуть» (*а* — союз), *ка-м туыйхи* «цапнуть-то цапнул» (*м* — усилительная частица) и другие. Глагольные композиты можно расчленять и другими словами, в частности наречием, например: *ка чIогла туоха* «цапнуть сильно», *ка чиехка туоха* «цапнуть быстро» и другие.

Амма ша буйиш саьрмако юхку дIавише цергаи санна, ка чIогла деттар ду хьалхоша хIинца зайна. «Но как гидра, когда ее убивают, жалит ядовитыми зубами, сильно хватать (цапать) будут богачи теперь нас».

(М. Исаева. Дравшиеся за нас).

сложного слова и словосочетания, состоящих из одних и тех же компонентов; см., например, *Суна Iаьржа/бIаьрйаьла*. «У меня вскочил фурункул (болячка)», но *Iаьржа бIаьрге бу Ахмада*. «У Ахмада есть черный глаз» и т. д.

Кроме того, различие между именными сложными словами и соответствующими словосочетаниями проявляется при ответе на вопрос *хIу?* (что?) или *мила?* (кто?). Дело в том, что при этом называют все сложное слово, тогда как от словосочетания для такого ответа берут только основное (обычно второе определяемое) слово.

Например, сложные слова: *ХIу ю иза?* «Что есть это?», *Хьаьрсахьа ч бара иза-м*. «Алыча есть это», *БуочабIа дара иза-м*. «Грецкий орех есть это», *КIалдаьтта дара иза-м*. «Сыр (творог) с маслом (название блюда) это», *Бов х а хIу ма ю*. «Змея есть» и т. д. Для ответа на эти вопросы употребление словосочетания необязательно. Например, возмем словосочетание *кIай куотам* «белая курица». Первую часть — прилагательное-определение — не обязательно приводить для ответа на вопрос *ХIу ю иза?* «Что это?» Достаточно сказать: *Куотам ю иза*. «Курица есть это». При этом нужно отметить возможность наличия переходных случаев, когда первые компоненты иных сложных слов тоже могут опускаться при ответе на поставленный вопрос.

Этот критерий в целом подходит также для всех остальных типов именных, глагольных композитов, которые отвечают на один и тот же вопрос.

Иначе ставится вопрос в отношении глагольных композитов и соответствующих словосочетаний. Здесь при ответе на вопрос: *ХIу да?* «Что делать?» в словосочетании, как и в сложном глаголе, не будет опускаться первый компонент. Например: *Ахь хIу до?* «Ты что делаешь?» — *глаж туху* «палкой ударяю», *тIулг кхуссу* «камень бросаю» (словосочетания) или *петуху* «отворачиваюсь», *цетуху* «откусываю» (сложные слова) и т. д.

Так выражается всякое конкретное действие в нахских языках. В неконкретном значении будет употреблен глагол, а имя-объект опущено: *ХIу да?* «Что делать?» — *туоха* «ударить», *кхуосса* «бросить» и т. д. Таким образом, установить критерий различения сложного глагола и соответствующего словосочетания по данному способу невозможно, поскольку употребление глагола с именем-объектом для обозначения конкретного действия в нахских языках обычное явление.

Состав словосочетания в отличие от состава сложного слова может также варьироваться при сохранении одного и того же главного или второстепенного члена — ср. *кIай куотам* «белая курица», *кIай ца* «белый дом» или *Iаьржа куотам* «черная курица», *Iаьржа ца* «черный дом» (варьируется вторая часть); *тIулг кхуосса* «бросить камень», *луш кхуосса* «бросить палку», *Iаж кхуосса* «бросить яблоко» (варьируется первая часть) или *тIулг туоха* «ударить камнем», *тIулг лаца* «камень держать» (варьируется вторая часть) и т. д.

Компоненты именного словосочетания в отличие от частей именного композита можно также расчленить вставкой между ними других слов. Например: *боккха Iаж* «большое яблоко», *жима тIулг* «маленький камень», *ира диг* «острый топор», но *боккха цIие Iаж* «большое красное яблоко», *жима гуорга тIулг* «маленький круглый камешек», *ира доккха диг* «острый большой топор». В словосочетании данного типа можно вставить разные слова — прилагательные, наречия, числительные, существительные, местоимения, а также служебные слова — послелог, частицы, союзы.

Выбор того или иного слова для вставки зависит от морфолого-синтаксической структуры словосочетания. Цельнооформленные именные композиты не поддаются такому членению.

Но в глагольные композиты (как и в соответствующие словосочетания) можно вставить слова. Чаще такими вставками бывают служебные слова. Например: *катуоха* «цапнуть», но *ка ма туоха* «не цапни» (*ма* — отрицательная частица). При вставке отрицания *ма* в сложный глагол последний употребим только в косвенной форме и в формах наклонения. В этом проявляется сходство его с соответствующим словосочетанием; см. также *ка ца туоха* «чтобы не цапнуть» (*ца* — отрицание); *ка а туоха* «чтобы и цапнуть» (*а* — союз), *ка-м туыйхи* «цапнуть-то цапнул» (*м* — усилительная частица) и другие. Глагольные композиты можно расчленять и другими словами, в частности наречием, например: *чIогла туоха* «цапнуть сильно», *ка чиехка туоха* «цапнуть быстро» и другие.

Амма ша буйиш саьрмако юхку дIавише цергаи санна, ка чIогла деттар ду хьалхоша хIинца зайна. «Но как гидра, когда ее убивают, жалит ядовитыми зубами, сильно хватать (цапать) будут богачи теперь нас».

(М. Исаева. Дравшиеся за нас).

Здесь мы имеем сходство глагольных композитов с соответствующими словосочетаниями. Такая же особенность наблюдается и в немецком языке, где глагольные композиты также разъединяются, например: *teilnehmen* «участвовать», *teilzunehmen*¹ (*zu* — предлог-вставка) «участвовать в чем-либо».

Вставка знаменательных слов, а также послелога придает особый оттенок глагольным композитам, вставка же отрицаний *ма*, *ца* (не, нет) придает глагольной части сложения отрицательный оттенок, например: *ка ма туюха* «рукой не ударь», *ка ца туху* «рукой не ударяет»; при этом, как видно, глагол с *ма* употребим только в форме повелительного наклонения, а с *ца* — в других формах.

Союз *а* вставляется в глагольные композиты при перечислении, например: *ка а туюха*, *цие а туюха* «и рукой ударить, и зубом ударить», а также для усиления действия: *ка а туюха* «и рукой ударить» и т. д. В композиты данного типа вставляются также и другие частицы. Усилительные частицы: *ка-м туюха* «рукой-то ударить», *ка-х туюха* «рукой же ударить»; ограничительная частица: *ка бие туюха* «только рукой ударить». При этом последнее выражение имеет незаконченный смысл; при употреблении с отрицанием *ца* оно приобретает значение законченности в том случае, если глагол поставлен в форме настоящего времени: *ка бие ца туху* «только рукой ударяет». При употреблении с отрицанием *ма* это выражение имеет законченный смысл в том случае, если глагол стоит в форме повелительного наклонения: *ка бие ма туюха* «ничем, кроме как рукой, не ударь»; см. также словосочетание *Книга бие ма еша*. «Ничего, кроме книги, не читай» и т. д.

Компоненты сложных глаголов, как и части соответствующих словосочетаний, можно переставлять, например: *хелха-бала* «танцевать», но *вала хелха*; *катуоха* «цапнуть», но *туюла ка*; *муоттуоха* «донести», но *туюха муотт* и некоторые другие.

Перестановки компонентов указанного типа композитов встречаются обычно в устной народной поэзии; см., например, отрывок из народной чеченской поэзии:

¹ См.: М. Д. Степанова. Словосложение в современном немецком языке (докторская диссертация). Рукопись. М., 1960, стр. 41.

*Туюха тлараш, ли-ли-ла,
Довла хелха, ли-ли-ла,
Вай хинца бокхург, ли-ли-ла
Тлаьхара бал бу, ли-ли-ла*

Ударьте в ладоши, ли-ли-ла,
Спляшите, ли-ли-ла,
Нам сейчас проводимый, ли-ли-ла,
Последний кон есть, ли-ли-ла.

(Подстрочный перевод).

Сочетания *туюха тлараш*, *довла хелха* даны в инверсии, и в данном случае это не вызывает никакого недоразумения, а является показателем того, что перестановка частей глагольного словосочетания (как и композитов соответствующего типа) — явление закономерное в нахских языках.

Однако не все основы глагольных композитов можно переставлять. Так, например, нами замечено, что компоненты композитов со второй частью *да* (*ба*, *йа*, *ва*), а также *дала* (*б*, *й*, *в*) не поддаются перестановке, например: *хазда* (*в*, *б*, *д*, *й*) «увлечь»; *нисда* (*в*, *б*, *й*) «выпрямить»; *мацда* (*в*, *б*, *й*) «заморить голодом»; *кзахьда* «сделать прогорклым», *жимда* «уменьшить»; *такхад* «волочить»; *дадада* «умчать»; *туода* «исправить»; *язда* «написать»; см. также *такхадала* «мочь волочить», *дададала* «мочь умчать» и др.

Первыми компонентами приведенных сложений являются: качественное прилагательное, глагол, имя существительное.

Во всех этих примерах перестановка компонентов «невозможна» без того, чтобы не изменить смысла.

Трудно сказать, какие по грамматической структуре (исключая глаголы на *-дала*, *-да*) основы в глагольных композитах подчинительного типа переставляются и какие нет. Но нами замечено, что главным образом компоненты глагольных композитов со вторым компонентом — глаголом со значением чувственного восприятия и со значением процессов, происходящих в природе, «не поддаются» перестановке. Например: *дуогкарча* «тошнить», досл. «сердце перевернуть», *дуогда* «захотеть», *сатаса* «забрезжить» и т. д. Этот факт свидетельствует о том, что глаголы указанного типа ближе к композитам. Как было уже сказано, все основы глаголов-сложений можно разъединить, но, как мы видели, не всегда их можно переставлять.

Перестановке можно подвергнуть также части некоторых так называемых координированных глагольных именных, адвербальных и других композитов, но на слух эти слова будут необычными, неестественными. Например, глаголы: *вах-ва* «идти-прийти», но *ва-вах* «прийти-идти»; *ала-дийца* «сказать-сказывать», но *дийца-ала* «сказывать-сказать»; именные координированные композиты: *текх-цаца* «корыто (для месива теста)-сито», но *цаца-текх* «сито-корыто»; *кад-лайг* «чашка-ложка», но *лайг-кад* «ложка-чашка». Иные из таких основ не поддаются перестановке без нарушения их сложной структуры. Например: именные композиты: *туон-тапча* «ружье-наган», *хлуо-молха* «ядро-порох», *йоза-диешар* «грамота», букв. «письмо-чтение». При перестановке части этих композитов превращаются в однородные слова: *тапча*, *туон*: *молха*, *хлуо*; *диешар*, *йоза* и др. Наречные композиты: *диехьа-сиехьа*, досл. «в ту-сю (сторону)»; *хьа-ла-о-хьа* «вверх-вниз»; числительные: *цхьа-ши* «один-два», *кхуо-ди* «три-четыре» и т. д. — также невозможно переставлять. Внедрение в эти композиты других слов влечет за собой разрушение их сложной структуры: см. *ала а*, *дийца а* «и сказать, и говорить»; *кад а*, *лайг а* «и чашка, и ложка»; *хьа-ла а*, *о-хьа а* «и вверх, и вниз» и т. д. Таким образом, в чеченском языке, как и в других языках нахской группы, композиты, с точки зрения возможности или «невозможности» внедрения в них слов и перестановки их компонентов, можно разбить на следующие типы:

1. Композиты, в которые можно вставить слово, но нельзя переставлять компоненты. Таковы некоторые глагольные композиты, преимущественно глаголы: а) со значением чувственного восприятия: *дуогда* «иметь настроение», досл. «сердце прийти»; *дуогхила* «иметь намерение», досл. «сердце иметь» и др.; б) глаголы, обозначающие явления природы: *сахила* «рассветать»; *ладуола* «наступить (о зиме)»; *блабстала* «наступить (о весне)»; в) глаголы со вторыми компонентами *дала* (в, б, й): *сихдала*, *хаздала*, *нисдала* и др.; г) глаголы с *да*: *хазда*, *нисда*, *туода* и другие.

2. Композиты, части которых можно переставлять (при этом звучание их будет необычное, неправильное), но нельзя расчленивать без разрушения их сложной структуры. Таковы

координированные именные композиты: *текх-цаца*, *уьстагла-газа*, *чуоа-гловатал*, *куьг-куог* и др.

Перестановка частей некоторых из таких композитов не вызывает необычности звучания, порядок расположения частей композитов здесь двоякий. Например, можно: *уьстагла-газа* «баран-коза» и *газа-уьстагла* «коза-баран», *ков-киерт* «ворота-забор» и *киерт-ков* «забор-ворота» и др.

3. Композиты, компоненты которых нельзя ни разъединять, ни переставлять. Таковы некоторые координированные композиты и именные детерминативные композиты типа: определение + определяемое: *хлуо-молха*, *муотт-йоза*, *йоза-диешар*, *хьа-рсхьа* «алыча», *ла-ржхьа* «чернослив» и др.

4. Композиты, составляющие части которых можно и разъединять и переставлять. Таковы: *катуоха*, *хелхавала*, *дуогда* и др.

Возникает в связи с приведенными примерами вопрос: можно ли считать композитами те из сложений, которые поддаются разъединению, перестановке? Академик А. С. Чикобава, подходя к грузинским композитам с точки зрения «невозможности» перестановки их компонентов или внедрения другого слова, указывает на то, что там, где возможна перестановка и новое сочетание слов звучит только непривычно для слуха, процесс оформления композита еще не окончен¹. Этот вывод А. С. Чикобава можно отнести и к нахским композитам, компоненты которых разъединяются и переставляются. Именно к таким в нахских языках относятся глагольные и частично именные координированные композиты (см. ниже).

Интересно отметить также и то, что некоторые исследователи немецких композитов (О. И. Москальская² и др.) употребляют термин «полусложные слова» в отношении сложных глаголов, исходя из членимости их на составляющие. А. К. А. Левковская по тем же соображениям относит все сложные глаголы к фразеологическим сочетаниям³.

Признавая оправданным термин «полусложные» в отношении сложных глаголов, в то же время мы не считаем удачным вывод К. А. Левковской, которая отрицает наличие

¹ См.: А. С. Чикобава. Общее языкознание. Т. 1. Тбилиси, 1946, стр. 162.

² См.: «Грамматика немецкого языка» (теоретический курс). Морфология, 1956.

³ См.: К. А. Левковская. Лексикология немецкого языка. М., 1956, стр. 214—223.

сложных слов в сфере глагола и стирает тем самым грань между словом и фразеологическим словосочетанием. Уместно здесь же напомнить композиты из русского языка, части которых переставляются, но при этом сохраняют признаки сложного слова: см. *«лизоблюд//блюдолиз, скалозуб//зубоскал»* и др.¹

Что же касается редупликативных композитов, то для тех из них, которые во второй части не имеют суффикса, перестановка не имеет смысла, а перестановка основ тех редупликатов, где вторая часть оформлена суффиксом, невозможна без того, чтобы не разрушить сложную структуру композита. Таковы: редупликаты *вог/у-вог/уш* «постепенно идя» («иду-идя»), *вуоьду-вуоьдург* «те, которые идут» («иду-идуший»), *хаз-хазаниг* «те, которые красивы» («красивый-красивый»).

Но здесь имеются и такие композиты, компоненты которых тесно срослись, чему способствуют также и фонетические изменения, например: *пхиз* «пять», но *пхинпа* (выпадает предполагаемый звук *х* во втором компоненте и происходит одновременно геминация начального звука того же компонента *п*); *цхьацца* (те же изменения, что и в предыдущем композите: выпадение айны *хь* во втором компоненте и геминация начального звука *ц* того же компонента) и др.

Таким образом, если те композиты, компоненты которых переставляются (хотя и с некоторым нарушением звучания), подобно соответствующим словосочетаниям мы не в праве считать «классическими», то вряд ли «невозможность» перестановки компонентов будет являться критерием цельности для тех композитов, которые в основе своей восходят к таким словосочетаниям, части которых «невозможно» переставлять вообще; см. *хьаьрс а хьач* «рыжая алыча», *акхакуотам* «дикая курица», *дечгпондар* «деревянная гармонь» и др. У этих композитов есть одно отличие от соответствующего словосочетания: между частями их «нельзя» вставить слово, тогда как в соответствующие словосочетания это возможно: см. *боккха /аж* «большое яблоко», но *боккха ц/ие /аж* «большое красное яблоко» (см. еще примеры выше) и др. Такое явление может служить одним из показателей цельности композита. Однако «невозможность» перестановки составляющих частей как критерий цельнооформленности не подходит для

¹ См.: М. И. Привалова. К определению понятия сложного слова в русском языке. «Вестник Ленинградского университета», № 8, вып. 2, 1956, стр. 74.

сложный, восходящих в своей основе к словосочетаниям с определенным порядком расположения частей. Критерий этот применим в отношении сложений, восходящих к свободным сочетаниям, части которых не имеют твердого порядка расположения. Интересно при этом отметить, что вставка другого слова невозможна даже в некоторые именные подчинительные устойчивые сочетания, которые не подверглись еще окончательной грамматической цельнооформленности. Таковы сочетания *воккх/а/стаг* «старик», *йоккх/а/туоп* «пушка» и другие, первые части которых при изменении по падежам снабжаются материальным показателем косвенных падежей *-чу*: род. п. *воккхачу* *стеган* «старика», дат. п. *воккхачу* *стагана* «старик» и т. д.

§ 5. Словосочетание и композит с логико-семантической стороны

Части словосочетания нами воспринимаются как лексически полновесные слова, каждое из которых служит для обозначения предмета, понятия, признака, тогда как части сложного слова в совокупности выражают единое значение.

В процессе долгого употребления в частях словосочетания происходит семантический сдвиг, первоначальное семантическое соотношение теряется, происходит смысловое сближение компонентов сочетания, приводящее к их семантической монолитности. Образованное таким образом сложное слово иногда обладает идноматичностью, то есть компоненты сложения теряют свою первоначальную семантическую расчлененность и в комплексе дают не сумму своих значений, а некое новое значение, необусловленное значениями компонентов.

Например, композиты *садаа̄*, *дуйбаа̄* ныне воспринимаются не в первоначальном значении — «душу есть» (*садаа̄*), «клятву есть» (*дуйбаа̄*) (*са* «душа», *даа̄* «есть» — «душу есть»; *дуй* «клятва», *баа̄* «есть» — «клятву есть»), а имеют значение «приставать, надоедать, беспокоить» (*садаа̄*) и «дать клятву, поклясться» (*дуйбаа̄*). Современное значение композита *луот-туоха* не выводится из значений его компонентов. Это «не языком ударить» (то есть «языком ударить»), как гласит соответствующее словосочетание, а «донести, наклевать, на-ябедничать»; *лаьржаб/аьрг* — это «не черный глаз», как гласит сумма компонентов (*лаьржа* «черный», *б/аьрг* «глаз»), а

вид нарыва — «фурункул». Это общее положение идиоматичности, присущее в той или иной мере всем языкам. Но этот большой языковедческий вопрос в зависимости от особенностей структуры того или иного языка имеет много частных, специфических особенностей, которые еще не получили своего разрешения в науке о языке.

Так, композиты в нахских языках могут обладать идиоматичностью различной степени, то есть в одних композитах мы имеем значение, более или менее выводимое из суммы значений компонентов, например *хъаърсахъа* «рыжая слива» («алыча») (она действительно имеет рыжий цвет), *къор/а/кхокха* «глухой голубь» («горлинка») (она действительно глухая, по народному поверью).

Как видим, современное значение этих композитов в какой-то мере ассоциируется со значением их компонентов как в отдельности, так и в сумме. Правда, композиты эти дают новое, отличное от суммы их компонентов значение, хотя и сохраняющее ощутимую связь со значением компонентов в совокупности. Например, *къор/а/кхокха* — это действительно «глухой голубь», *хъаърс/а/хъа* — это действительно «рыжая слива», то есть рыжего цвета. В нашем сознании в какой-то степени увязывается современное значение этих композитов со значением их компонентов в совокупности. В основе значения этих компонентов лежит один из признаков означенного ими предмета.

Но есть композиты, значение которых совершенно отлично от значений компонентов как в отдельности, так и в совокупности, то есть значение таких композитов не выводится из значений их компонентов. Таковы, например, композиты: *лаърж/а/б'лаърг* «фурункул», досл. «черный глаз», *изтмаъ/из* «улитка», досл. «коровья рожка», *б'локъажуо* «струсить», «спасовать», досл. «глаз сощурить» и другие. Нетрудно заметить, что в основе своей эти композиты восходят к словосочетаниям, выражающим переносное значение. Этим фактором и объясняется немотивированность их современного содержания значениями составляющих их частей.

К третьему типу будут относиться композиты, состоящие из компонентов с немотивированным смысловым соотношением и имеющие значение, невыводимое из суммы компонентов. Таковы: *сатуоха* «стерпеть», досл. «душу ударить»; *дуогла* «иметь расположение к чему-то», досл. «сердце приклеиться, прилипнуть»; *саласта* «получить удовольствие (от еды), на-

сладиться», досл. «душа трясти»; *дуогда* «утешить», досл. «сердце сделать»; *дуогъиза* «успокоить», досл. «сердце взять»; *сада* «надоедать, приставать», досл. «душу есть» и др.

Таким образом, идиоматичность (невыводимость значения композита из суммы компонентов) может быть разных степеней у композитов; встречаются композиты, значения которых частично выводятся из значения компонентов, но есть и такие, значения которых совершенно не мотивированы значениями компонентов. Это композиты, восходящие к словосочетаниям, употребленным в переносном значении.

Имеются композиты, в которых соотношения между компонентами не мотивированы, в результате чего они имеют иное, чем сумма компонентов, значение (см. примеры выше).

Идиоматичность — это, безусловно, явление историческое, результат сдвига первоначального значения компонентов в процессе долгого употребления и дальнейшего развития композитов. Об этом свидетельствуют и свободные синтаксические словосочетания, в которых обычно отсутствует идиоматичность, а также и композиты, не обладающие идиоматичностью. Появление идиоматичности могло быть обусловлено расхождением семантического соотношения между компонентами в результате изменения первоначального значения одного или обоих компонентов. Не исключена возможность, что изменению первоначального значения компонентов в некоторых случаях могло способствовать и фонетическое изменение в их основе, а также и другие факторы.

Так, например, если вставить приставку *духа* «от» между компонентами композита *сатуоха* «терпеть», идиоматичность в данном сложении в значительной мере исчезнет и слово это будет иметь мотивированное значение — *садухатуоха* «душу отбить». Не исключена возможность, что первоначально в этом композите наличествовала приставка *духа*, но впоследствии она выпала. Возможность такого явления подтверждается многочисленными случаями гаплогии в словах вайнахских языков. Например, форма прошедшего совершенного времени — *вахав* — в ингушском языке образовалась из *вах/а/на/ва* (чеч.) «пошел есть» в результате выпадения форманта *-на* основного глагола + стяжение вспомогательного глагола и основы *вах* «пойти», ср. также *дийшад* «прочитал» при чеченском *диешна ду/а/* и др. В горах Чечни есть местность *Циечааьхкие* «Красная речка»; от этого названия происходит название тайпа *ц'иечуой*, при этом вторая часть про-

изводящей основы *аьхкие* отбрасывается. Список примеров гаплогонии можно продолжить. Но приведенных достаточно для предположения возможности этого явления в композитах. Результатом же его может быть появление идиоматичности у композитов, с одной стороны, и немотивированности смыслового соотношения компонентов — с другой.

Таким образом, переосмысление компонентов и изменение на этой основе первоначального семантического соотношения между ними вызывает затемнение семантической мотивированности композитов. Это и есть идиоматичность, присущая композитам, как было показано, в разной степени, в зависимости от того, насколько их значение отошло в процессе долгого и частого употребления от первоначальной мотивированности.

Идиоматичность нужно рассматривать как одно из условий композита, но она, как правильно указывает М. Д. Степанова, «неокончательный критерий отличия композита от словосочетания»¹.

Признавая основным признаком сложного слова цельно-оформленность, А. И. Смирницкий писал: «Мы не должны признавать таким же признаком и идиоматичность»².

А. И. Смирницкий допускал, что сложным слово может быть, если даже компоненты не обладают идиоматичностью³.

Как известно, некоторые устойчивые сочетания обладают идиоматичностью, например: чеч. *цлехала хьуо белха*, *цлейуо-жа хьуо гуллакха*, *уьнтла вила* и др. Однако они не могут относиться к сложным словам, поскольку не обладают грамматической цельностью (см. подробно о критериях разграничения композита и фразеологизмов ниже). Многие сложные слова не обладают идиоматичностью, но тем не менее это не нарушает их грамматическую и семантическую цельность. Таковы, например, сложные прилагательные *сапаргал* «спокойный», ср. *сашуорта* (инг.) в том же значении; *дуогдика* (инг. так же) букв. «сердце хороший», то есть «благодарный»; *дуогцлена* (инг. так же) «чистосердечный»; см. также распределительные числительные: *шишша* «по два», *кхоккха* «по три», *пхилла* «по пять» и другие, не обладающие идиоматич-

ностью, но воспринимающиеся как цельные лексемы. Идиоматичность больше всего присуща глагольным композитам подчинительного типа: *дуогдах*, *сатийса*, *сатуоха*, *муоттуоха*, *летуоха* и др.

Менее всего идиоматичность свойственна именным композитам разных типов. Надо полагать, что идиоматичность — это результат долгого употребления композитов и показатель их архаичности.

Кроме чисто языковых критериев различения словосочетания и композита, можно указать на факторы психологического порядка, которые могут быть использованы для различения словосочетания и сложного слова.

Разумеется, эти факторы могут носить, как отмечают ученые, субъективный характер, что может быть следствием:

- 1) неправильного восприятия индивидуумом значения одного из компонентов;
- 2) неясности для индивида значения одного или обоих компонентов;
- 3) непонимания индивидом лексико-грамматического соотношения между компонентами.

Приведу пример из личной языковой практики.

По соседству с нами (селение Шали) жили два человека. С самого раннего детства, с того возраста, когда я научился говорить, до последнего времени, мне иначе не приходилось слышать их имена как *Мудилела*, *Воккулмахма*. В моем языковом сознании эти слова были однозначными простыми собственными именами этих людей. Впоследствии, когда для меня стало ясно, что первые части *Муди* (форма род. п. от *Му-да*) и *Воккул* (усеченная форма род. п.) являются именами отцов этих людей и что они назывались так по именам отцов, употребляемым в форме родительного падежа со значением принадлежности, мое языковое сознание стало воспринимать эти слова как свободные словосочетания определительного типа, где первый член словосочетания в форме родительного падежа служит определением ко второму члену.

Разумеется, факторы субъективного восприятия языковых явлений, основанных на указанных выше причинах, могут иметь место в языке, но нельзя забывать при этом и того, что индивидуальное восприятие может стать общим, то есть провести резкой грани между восприятием отдельного индивида и восприятием всего языкового коллектива нельзя. Вполне возможны случаи, когда в языковом сознании одного или не-

¹ См.: М. Д. Степанова. Словосложение в современном немецком языке (докторская диссертация). Рукопись. М., 1960, стр. 63.

² А. И. Смирницкий. К вопросу о слове. Вопросы теории и истории языка. М., 1962, стр. 202.

³ См. там же.

скольких индивидов то или иное словосочетание квалифицируется по указанным причинам как композит, тогда как на самом деле здесь раздельнооформленное свободное словосочетание (см. приведенные выше примеры). Такие факты субъективного порядка не могут быть отнесены к общезыковой системе. Коренным образом отличаются композиты, воспринимаемые основной массой носителей языка вследствие семантического сближения (а на этой основе и фонетико-морфологической спаянности составляющих их частей (компонентов) в процессе долгого и частого употребления.

По-разному воспринимает языковое сознание свободное словосочетание и композит. Если для композита является характерным восприятие нашим сознанием как целостной лексической единицы, служащей для обозначения одного понятия, то для словосочетания характерно членение на два звена, происходящее в сознании или подсознании. Эти психологические факторы в разные времена отмечались в исследованиях по данному вопросу у разных ученых¹. В последнее время изучение вопросов языковедения с привлечением смежных дисциплин приобретает особую актуальность. Нужно отметить игнорирование смежных дисциплин при решении языковедческих проблем младограмматиками (Ф. Д. Соссюр и др.). Так как язык — это средство выражения и продукт мысли, то неучет факторов мыслительной деятельности, связанной с психологией, при рассмотрении языковых проблем неправилен. Однако злоупотреблять психологическими факторами в отношении языка, разумеется, не следует, так как язык обладает своей, присущей только ему спецификой и имеет свои собственные законы. А так как сложные слова равно как и словосочетания, — это категория языковая, то критерий отграничения их от словосочетаний нужно искать в самом языке. Для нахских языков, как было указано, таким критерием является, как и для других горских языков Кабарды², отнесенность композита к единой грамматической

¹ См. «Очерки по языковедению и русскому языку» (М., 1939) Ф. В. А. Богородицкого, «Граматику болгарского языка» (М., 1940) Л. Андреева и работы венгерского языковеда Д. Пайжа по данной теме в венгерском языке, в частности „Kérdések és szempontok a szóösszetételek vizsgálatához“, „Magyar nyelv“, XLVII. Budapest, 1955.

² См.: Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933.

³ См.: М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. Ч. 1. М., 1964.

парадигме при отнесенности частей словосочетания к разным грамматическим парадигмам.

Следует остановиться на отношениях и различиях между устойчивыми (фразеологическими) и свободными словосочетаниями, с одной стороны, и между композитом и фразеологическим словосочетанием — с другой.

По нашему мнению, фразеологическое словосочетание от свободного словосочетания будет отличаться семантической целостностью (выражает одно единое или расчлененное понятие) и устойчивостью своей структуры¹. Фразеологизм дан в предложении, как и слово, в готовом виде, тогда как свободное словосочетание создается в речи вновь. Нагляднее различие между фразеологическим и свободным синтаксическим словосочетаниями выступает при сравнении их омонимов, например: *буьбха хлума* «грязная вещь» (свободное словосочетание) и *буьбха хлума* «змея» (фразеологическое словосочетание); *воккха стаг* «большой человек» (свободное словосочетание) и *воккха стаг* «старик» (фразеологическое словосочетание); *йоккха туоп* «большое ружье» (свободное словосочетание) и *йоккха туоп* «пушка» (фразеологическое словосочетание) и др.

Большинство фразеологических сочетаний, будучи семантически целым, обладает в отличие от свободных словосочетаний идиоматичностью. Однако этот признак не будет являться основным критерием различия свободного словосочетания и фразеологического сочетания, поскольку последние могут быть и неидиоматичными. Таковы, например, некоторые географические названия: *Жима Атагла* «Малые Атаги», *Йоккха Атагла* «Большие Атаги» (села) и др., а также некоторые термины общественно-политического характера: *«Цие байракх»* «Красное знамя», *«Къинхъиегама байракх»* «Знамя труда» (названия газет) и др.

По признаку идиоматичности могут отличаться от свободных словосочетаний лишь идиоматичные фразеологические словосочетания, так называемые идиомы, или, по терминологии В. В. Виноградова, «фразеологические сращения»².

¹ При этом мы исходим из общепринятого в лингвистике определения фразеологического словосочетания о том, что фразеологизм — это раздельнооформленное устойчивое словосочетание, выражающее единое понятие и выполняющее номинативную или экспрессивную функцию.

² См.: В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб. «А. А. Шахматов (1864—1920)», Вып. 3. Изд-во АН СССР, 1947.

От свободного словосочетания фразеологическое сочетание отличается еще и тем, что оно имеет синонимы в виде словосочетания, например: *буьыха хлума* «змея», но *лаьхьа* или *тиекхарг* в том же значении и др.

Фразеологическому сочетанию в одном языке соответствует лексическая единица в другом языке; ср. чеч. *аьчгнисек* (комполит, инг. *машинникъ*), русск. «железная дорога» (устойчивое сочетание), чеч. *лергбад*, русск. «барабанная перепонка», чеч. *члунуост*, русск. «берцовая кость» и т. д.

От слова фразеологическое словосочетание отличается как и свободное словосочетание, раздельнооформленностью.

Однако решение вопроса о критерии раздельнооформленности некоторых типов фразеологических словосочетаний их отличий от сложного слова вызывает в нахских языках как было отмечено, значительные трудности. Таковы:

1. Двухчленные устойчивые именные словосочетания первыми компонентами-существительными, которые обладают всеми признаками сложного слова (единая слово- и формообразующая основа, выражающаяся в неизменяемости первого компонента при изменении композита по грамматическим категориям). В сфере устойчивых сочетаний такого типа, как фразеологизмы, можно выделить лишь те, у которых притяжательное окончание в составе первого компонента не подвержено редукции (см. *жлаьли нускал* «гриб» («собака невеста»), *цергий луор* «зубной врач» («зубов врач»), *ночий муотт* «чеченский язык» и др.) и новообразования терминология, возникшая в советскую эпоху в публицистической литературе: «*Къинхъегема байрахх*» «Знамя труда» («труда знамя»), «*Ленинниекъ*» «Ленинский путь» («Ленина путь») и др. (см. еще раздел «Правописание композитов»).

2. Глагольные устойчивые сочетания с первым компонентом-существительным: *катуоха* «хватать» («рукой ударить»), *салаца* «перехватить дыхание» («душу держать»), *къахьига* «трудиться» («труд испытывать») и т. д.

К фразеологическим сочетаниям, по нашему мнению, можно отнести лишь те из приведенных глагольных сочетаний, первый компонент которых подвержен изменению по грамматическим категориям, в частности при образовании мн. ч.; ср. *садаккха* «вздыхнуть» («душу вырвать»), но *синца* (мн. ч. — формант мн. ч.) *даха* «вздыхать», («души вырывать»), *дуогдаха* «сердце говорить», но *дегнаш* (мн. ч. — формант мн. ч.)

«сердце говорить» и т. д. (см. еще об этом выше). Относительно легко решить вопрос о критерии разграничения сложного слова и фразеологического сочетания в сфере именных устойчивых сочетаний типа: качественное прилагательное или несубстантивированное причастие + существительное: *хьаьрсахьа* «алыча», *лаьржахьа* «чернослив» и др.

К фразеологическим сочетаниям следует отнести те из приведенных сочетаний, которые раздельно оформлены (формант -чу в косвенных падежах в исходе первого компонента при изменении композита по падежам); см. им. п. *буьыха хлума* «змея», род. п. *буьыхачу хлумана* «змеи», дат. п. *буьыхачу хлуманна* «змее», эрг. п. *буьыхачу хлумануо* «змею» и т. д.; им. п. *совсийна бепиг* «хлеб из дрожжевого теста», род. п. *совсийначу баьпка*, дат. п. *совсийначу баьпкана*, эрг. п. *совсийначу баьпкано* и т. д.

Речь шла о двухкомпонентных устойчивых сочетаниях, в сфере которых трудно разграничить композиты и фразеологические сочетания. Подавляющее большинство трех-, четырехкомпонентных устойчивых сочетаний всех типов будет относиться к фразеологическим сочетаниям; см. *кла ору машиг* «молотилка» («пшеницу молотящая машина»); *хьожайоглу буц* «богородская трава» («запах издающая трава»); *дуй биьна дуоттагла* «клятву съевший (то есть давший) друг»; *давса хьа!* «отец да останется у тебя!»; *жлаьлеша яа хьуо!* «собаки да съедят тебя!» и т. д.

Известно, что в широком смысле к фразеологическим сочетаниям относятся пословицы, поговорки, крылатые выражения, состоящие из целых предложений и тем самым легко отграничиваемые от сложных слов.

В заключение следует отметить отсутствие специальных исследований по нахской фразеологии, что служит препятствием к окончательному разрешению вопроса о критериях разграничения фразеологических сочетаний и сложных слов, с одной стороны, и фразеологических сочетаний и свободных синтаксических словосочетаний — с другой.

Завершая изучение вопроса о критериях разграничения словосочетаний разных типов и сложного слова, можно отметить, что сложное слово от словосочетания должно отличаться отнесенностью к одному парадигматическому классу при отнесенности частей словосочетаний к разным парадигмам.

Это, по нашему мнению, основной критерий разграничения сложного слова и словосочетания в нахских языках.

К второстепенным следует отнести критерии иного характера, как-то:

- а) централизующее ударение и интонационная цельность;
- б) идиоматичность;
- в) слитное написание.

При этом, как отмечалось выше, во многих случаях границы между словосочетанием и сложным словом зыбки, существует, как и в любом другом языке, «...много более или менее тесных словосочетаний, которые находятся на пути к образованию одного сложного слова»¹.

§ 6. О критериях разграничения композитов и аффиксально-производных слов

Говоря о различиях между сложными и аффиксально-производными словами, прежде всего нужно остановиться на их структуре, так как это наиболее заметный признак различия сложных и аффиксально-производных слов. Сложное слово состоит из двух и более слов-основ, соотносящихся с самостоятельными словами. Кроме того, сложные слова характеризуются наличием определенных семантико-грамматических соотношений между их компонентами.

Производные слова состоят из одной основы-корня, которая соотносима с самостоятельным словом. Эта часть производного слова обычно служит базой для образования другого слова посредством аффикса. Аффикс же не соотносится ни с каким-либо другим словом языка и представляет собой лишь «немой» инструмент для образования новых слов. Аффикс в слове не имеет применения в языковой практике. (Разумеется, речь идет об аффиксах, окончательно грамматикализовавшихся, а не о тех, которые находятся в стадии перехода от слов к морфемам, каковыми являются глагольные провербы нахских языков). Композиты исторически восходят к словосочетаниям, компоненты их сохраняют определенную синтаксическую подобную связь между собой, тогда как производные слова — это результат присоединения к производящей основе аффикса; связь между основой и аффиксом только внутренняя

или словообразовательная. Например, в производном слове *белхалуо* «рабочий» легко усмотреть смысловую связь со словом *буолх* «работа» и т. д.

Разнятся композиты от производных слов также по степени обобщенности составляющих их частей. Аффиксы словообразования имеют высокую степень обобщенности и могут для производства новых слов регулярно присоединяться к большому количеству основ, тогда как компоненты композитов сочетаются с сравнительно небольшим количеством основ.

Имеются также семантические различия между композитами и аффиксально-производными словами. Известно, что каждый компонент вносит определенную лепту в общую семантику композита, хотя носителем основного значения в композитах выступает один из компонентов. В аффиксально-производных словах носителем семантического значения является корневая морфема при отсутствии семантики у аффикса. При этом, как было указано, встречаются аффиксы, которые еще окончательно не грамматикализовались. Таковы глагольные провербы *tue* (инг. *tla*) «на», *kluel* (инг. *klal*) «под» и другие.

Наблюдаются расхождения между композитами и аффиксально-производными словами также в фонетическом отношении. Они сводятся к следующему.

Аффиксально-производные слова обладают одним ударением, локализующимся на ударном (первом) слоге, тогда как композит имеет два ударения: главное, локализующееся на ударном слоге первого компонента, и побочное (ослабленное), локализующееся на ударном слоге второго компонента.

Наблюдаются и некоторые схождения между именными композитами определительного типа и аффиксально-производными именами, с одной стороны, глагольными композитами и приставочно-производными глаголами — с другой.

1. Во-первых, отметим, что названные типы словообразования производят новые лексические единицы со всеми теми лексико-грамматическими и фонетическими признаками, необходимыми для слова как целостной единицы языка.

2. Части именных композитов определительного типа невозможно ни переставить, ни разъединить, точно так же, как невозможно это в отношении аффиксально-производных имен. Заметим при этом, что именные слова в вайнахских языках обычно производятся посредством суффиксов, которые, как было отмечено, получили высокую степень абстракции и грамматикализации.

¹ А. И. Томсон. Общее языкознание. Одесса, 1906, стр. 342.

3. Составные части производных глаголов, как и част многих глагольных композитов, можно и переставлять, разъединять (причем словопроизводство глаголов происходит преимущественно путем префиксации), например: *ɖlaɐa* (*ɖla* — приставка) «уйди от», но *ɖla* «не уйди от» и др.

В целом можно заключить, что сложное слово в нахских языках в отличие от простого производного слова состоит из двух и более компонентов, которые сохраняют свое вещное значение и соотносятся с самостоятельными знаменательными словами; между компонентами сложного слова сохраняется синтаксикоподобная связь; исторически сложное слово восходит к синтаксическому словосочетанию.

§ 7. Вопрос о классификации сложных слов

Классификация сложных слов по синтаксическим признакам является общепринятой в лингвистической литературе.

Согласно этому принципу, сложные слова подразделяются на подчинительные (*Determinativkomposita*) и сочинительные (*Kopulativkomposita*).

Разумеется, синтаксический принцип деления сложных слов, как правильно на это указывал М. А. Кумахов, имеет свои недостатки. Дело в том, что при классификации композитов по данному принципу в исследовательской практике в отдельных случаях бывает затруднительно отнести композит к тому или иному из указанных типов. Сказанное относится не только к тем композитам, между компонентами которых разрушаются синтаксические связи, характерные для словосочетания¹, но и к тем, между компонентами которых первоначально такая связь формально не выражена.

Однако, несмотря на указанные недостатки, мы считаем возможным (в целях удобства изложения) проводить классификацию композитов вайнахских языков по синтаксическим признакам, оговаривая при этом случаи, когда отнесение композита к тому или иному типу невозможно по указанным выше причинам.

При этом мы исходим из того факта, что, несмотря на отдельные исключения, синтаксические отношения между компонен-

ентами композитов все же ощущаются. Например, легко угадать подчинительную связь между компонентами композитов: *ɖlaɐrg/a/ɐnɛgɭar* «веко», *ɖlaɐrg/a/* «глаза» (*a* — формант род. п.), *ɐnɛgɭar* «крышка», досл. «глаза крышка»; *ɐnɛgɭar* «ноздря», *ɐnɛgɭar* «нос» (*a* — формант род. п.), *ɐnɛgɭar* «дыра», досл. «носа дыра» и т. д.

Легко усмотреть сочинительную связь между компонентами композитов: *ɖlaɐrg-ɖloɖkɕam* «глаз-бровь», *ɖlaɐrg-ɖloɖkɕam* «гусь-курица» (то есть «домашняя птица») и др.

Сложные слова современных нахских языков в целом могут быть подразделены на несколько групп, исходя из разных лексико-грамматических принципов, а именно:

1) из синтаксических отношений между компонентами, находящихся «опору» в отношениях между членами соответствующих синтаксических соединений (семантико-синтаксическая классификация);

2) из структуры сложных слов, выражающейся в морфолого-синтаксическом оформлении их компонентов (структурная классификация);

3) из отнесенности сложных слов к различным частям речи (морфологическая классификация).

При рассмотрении вайнахских композитов мы будем придерживаться последнего принципа как наиболее соответствующего структуре вайнахского языка, а внутри каждой части речи будем рассматривать все остальные типы и отдельные виды сложных слов, исходя в основном из современного состояния вайнахских языков. Ниже кратко охарактеризуем основные типы сложных слов в современных вайнахских языках.

Определительные (подчинительные) сложные слова по типу связи между компонентами восходят к соответствующим именным и глагольным словосочетаниям, где один из компонентов занимает подчиненное положение. Для именных словосочетаний таковым является первый компонент, который служит определением ко второму компоненту, ср. *ɖlaɐrg/a/xɕaɕ* «чернослив», букв. «черная слива», *akɕaɕuɔtam* «фазан», букв. «дикая курица», *ɖɛɕg/a'pɔndar* «музыкальный инструмент наподобие балалайки», букв. «деревянная гармонь» и т. д. Определяющими членами в именных сложных словах определительно-подчинительного типа выступают слова, относящиеся к различным частям речи: существительным, прилагательным, числительным и т. д. Причем существительные, выступающие в роли первых компонентов, нередко быва-

¹ См. М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. Москва — Нальчик, 1964, стр. 105.

ют оформлены в каком-либо падеже, чаще в родительном редуцировавшимся притяжательным формантом: *стунан* «теща», букв. «жены мать», *ц/ийда* «хозяин дома» и др. Числительные — определяющие компоненты — выступают главным образом в форме им. п.: *биъс/а/берг* «бубен», дос. «четыре угла имеющий», *шубста* «упряжь (воловья)», дос. «два быка (вола)» и др., но встречаются числительные и в форме напр. п., ср. *шалгуо* (*шалши* «два», *л* — формант напр. п.) «двухрожковые вилы», букв. «двойные вилы», *кхуолгуо* (*кхуо* «три», *л* — формант напр. п.) «трехрожковые вилы» и др.

Носителем основного семантического значения в именны́х композитах является второй компонент. Централизованное ударение в этих композитах, как правило, падает на ударный слог первого компонента.

В глагольных композитах управляющим компонентом, как правило, выступает второй (глагольный) компонент, первый же компонент выступает управляемым — дополнением к обстоятельству места, образа действия (ср. *дуогдах* «надеяться», «моргать», букв. «сердце изымать», *садаа* «надоедать», «быть назойливым», букв. «душу есть», *гладвах* «обрадоваться», букв. «в радость войти» и т. д.). Однако основное семантическое значение в глагольных композитах заключено в первом, именном, компоненте, и глагольный компонент, как правило, согласуется с именным компонентом в грамматическом классе и числе.

Среди сложных существительных определительного типа выделяются слова, получившие в лингвистике название «бахуврихи»¹, сущность которых представляет собой перенос значения слова, обозначающего характерный признак человека, животного, на самого носителя данного признака: *цераков* «щербина», то есть «человек с щербиной»; *мер/а/луф* «ноздря», букв. «носовая дыра», то есть «человек с большими ноздрями» и пр. Таких образований в пахских языках немало. В значении бахуврихи часто употребляются словосочетания с первым компонентом — качественным прилагательным: ср. *йоккха бага* «большой рот», то есть «человек с большим ртом»; *беха мара* «длинный нос», то есть «человек с длинным носом»; *гома б/аьрг* «косой глаз», то есть «человек с косым глазом», и т. п.

¹ Бахувриха — термин, взятый из индийских грамматик, означающий «много риса», то есть «человек, имеющий много риса, богатый человек».

Сочинительные сложные слова состоят из грамматически равнозначных слов, соотносимых со словесными рядами, ср. *да-нана* «родители», букв. «отец-мать», *йиша-ваша* «родственники», букв. «сестра-брат», *нохч-г/алг/ай* «чечено-ингушский» и др. Слова этого типа могут состоять из компонентов как сходных по значению (см. приведенные примеры), так и антонимичных друг к другу: *дика-вуо* «происшествие», букв. «добро-зло», *диехъа-сиехъа* букв. «по ту-сю (сторону)» и др. Копулятивные слова встречаются в сфере разных частей речи (подробное рассмотрение этого вопроса см. ниже). Принадлежность к той или иной части речи, или к той или иной парадигме склонения, спряжения и т. д. как копулятивных, так и детерминативных композитов определяется по последнему компоненту.

В особую группу следует выделить сложные слова, представляющие собой синтаксические соединения, застывшие в определенной грамматической форме, независимо от того, к какой части речи относится их последний компонент.

Такие сложные слова в лингвистической литературе называются «сложносинтаксическими». К таковым в чеченском относятся:

1. Субстантивированные глагольные или причастные сочетания: *дубхълоцу* «налыгач», *кагтуху* «грабли», *ц/етуху* «огниво» и т. д.

2. Прономинализированные и адвербиализированные синтаксические соединения: *кхиверг* «другой (ая, ое)», *цхъаверг* «иной», *вайша* «мы (вдвоем)», *шубша* «вы (вдвоем)», *цхъа-цуьрг* «несколько» и т. п.

3. Синтаксические соединения, превратившиеся в прочие лексемы, как-то в служебные и вводные слова: *бакъду*, *цхъа-бакъду* «правда», *цхъадика* «кстати» и т. п.

Сложно-синтаксические образования — это результат сочетания двух словообразовательных способов — сложения и перехода в ту или иную часть речи, независимо от морфологического значения второго компонента. Слова данного типа до некоторой степени сходны со словами типа безаффиксального образования, но отличаются от последних тем, что имеют сложную структуру, тогда как безаффиксные образования — это переход любого простого слова в категорию той или иной части речи.

Наиболее продуктивным следует считать определительно-подчинительный тип сложных слов; менее продуктивен сочинительный тип; малопродуктивен сложносинтаксический тип.

По структуре сложные слова делятся на полносложные и неполносложные. Полносложные сложные слова — это такие, которые состоят из «чистых» основ слов (данных в начальной форме и не снабженных флексией); ср. *дакъалац* «принять участие», *къахцета* «проявить жалость», *буй тларс* досл. «кулак-ладонь» и т. п.

Неполносложные композиты — это такие, первый компонент которых флексирован; ср. *къинт/иеравала* «простить», *ц/еравала* «уйти из дома», *дуьхъалвала* «стать наперекор», где первые компоненты *къинт/иера*, *ц/ера*, *дуьхъал* снабжены флексией исходного (-ра «из») и направительного (-л) падежей.

В заключение нужно отметить наличие многочисленных переходных случаев между разными типами сложных слов, которые и служат, как указывалось выше, главной помехой для четкой классификации сложных слов в нахских языках. Неисследованность композитов и, следовательно, отсутствие каких-либо установившихся традиций также могут быть причиной пробелов, по-видимому, имеющих место в данной работе, как и в любом первоначальном исследовании того или иного раздела науки.

ФОНЕТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

ГЛАВА III

СТРУКТУРА ОСНОВЫ

§ 8. Определение основы

В языкознании известно множество определений основы. Вот некоторые из них.

«Основа — это часть слова, которая остается, если отбросить формообразовательные и словоизменятельные аффиксы»¹. «Корень вместе с аффиксами образует основу слова»². «Это (основа. — К. Ч.) часть слова без словоизменяющего аффикса»³.

«Постоянную часть слова принято называть основой, независимо от того, содержится в ней только корень... или сочетание корня с другими словообразовательными элементами (суффиксами, приставками)»⁴.

Ни одно из этих определений не охватывает многообразия специфических особенностей структуры основы. Основной недостаток данных определений заключается в том, что они рассматривают основу как статичный звукокомплекс, данный раз и навсегда и присущий всем языкам.

Например, о каких словоизменятельных аффиксах может идти речь в отношении именных основ, которые по грамматическим категориям (по падежам и числам) изменяются путем агглютинации, то есть путем присоединения готовых стандартных звукоэлементов — «прилепов», данных в готовом виде, а в прямой форме (в форме им. п. ед. ч.) именные слова в нахских языках имеют флексию, равную нулю. Например, возьмем слово *говр* (чеч.) «конь» и просклоняем его для ил-

¹ «Грамматика русского языка», Т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1960.

² Ф. А. Булагов, Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 199.

³ «Грамматика осетинского языка», Т. 1, Орджоникидзе, 1959, стр. 45.

⁴ Л. А. Андрейчин, Грамматика болгарского языка, М., 1949, стр. 54.

люстрации сказанного: им. *говр* «конь», род. *говран* «коня», дат. *говрана* «коню», эрг. *говруо* «конь» и т. д. Мы видим, что основа имени существительного в нахских языках не подводится под приведенные выше определения, рассчитанные на флексирующие языки, каким является, например, русский, что здесь мы имеем иную структуру слова и, следовательно, иную основу.

Что в нахских языках отсутствует постоянный звукокомплекс в функции основы, показывает анализ некоторых классов глаголов. Так, глагол-сказуемое *да* (чеч.) «сделать» не имеет постоянного устойчивого звукокомплекса, представляющего собой основу. В зависимости от грамматических (словоизменительных и словообразовательных) форм, приобретаемых классными глаголами приведенного типа, меняется фонетическое обличье их основы: см. *да* (инфинитив) (*д* — классный экспонент, *а* — формант инфинитива). Как видим, все звуки основы приведенного глагола при постановке его в форме инфинитива и в некоторых других формах (например, в форме только что прошедшего времени *-ди* (*-а* — *и*)) превращаются в показатели разных грамматических категорий. В масдарной форме *-дар* (*-да*) звук *а* можно квалифицировать как тематический (*д* — показатель класса, *р* — аффикс масдара).

Подобные явления наблюдаются и во всех нахских языках. Вот что об этом (в отношении бацбийского языка) писал проф. Ю. Д. Дешериев: «Некоторые классные глаголы, выступающие в предложении в функции сказуемого, и в их современном звучании не представляют собой лексических единиц предикативной семантики, выраженной относительно устойчивым, постоянным материальным (звуковым) единством. В этом смысле формы любого классного глагола являются супплетивными¹. Это общее для нахских языков явление, присущее также и другим горским кавказским языкам, например дагестанским (см. лакск. *дан* «сделать», *д* — классный показатель, *ан* — формант инфинитива) и т. п.

Кроме того, встречаются и иного характера случаи, иллюстрирующие несостоятельность существующих определений основы. Так, например, в нахских языках встречаются словесные единицы-основы, не употребляемые в самостоятельном значении без формо- и словообразовательного аффикса. Тако-

вы переходные по своей семантике глагольные основы: чеч. *лахоуо* (*-уо* — суффикс с переходным значением, основа *лах* не имеет самостоятельного употребления в современных нахских языках) «собрать»; *гулда* (*-да* — аффикс с переходным значением, *гул* не имеет самостоятельного значения) «привести сбор» и т. д. Такие основы мы квалифицируем как связанные (см. подробно об этом ниже).

§ 9. Фонетическая структура основы

Общепризнанным в кавказоведении считается положение об односложной структуре основ древнейшего типа¹. Ю. Д. Дешериев в своей «Сравнительно-исторической грамматике...» (стр. 386—389 и др.) впервые подробно описывает звуковые составы основ в количественном отношении и фонетические процессы, которые усложнили структуру древнейших односложных основ в нахских языках. Однако в названном исследовании, впервые осветившем состав односложных основ (нахских языков) с точки зрения количества согласных и гласных звуков, их составляющих, обойден вопрос о качественной стороне последних, то есть здесь оставлен в стороне вопрос о том, из каких именно согласных и гласных состоят односложные основы древнейшего типа в нахских языках².

Выделены односложные основы следующих структурных типов:

- а) согласный + гласный (чеч., инг., бацб. *кла* «пшеница», *чла* «дом», *са* — «душа», чеч. *хи*, инг. *хи* «вода», чеч., инг. *ка* «баран» и др.);
- б) гласный + согласный (чеч. *аз*, инг. *оаз* «голос», *ах* «половина» и др.);
- в) согласный + гласный + согласный (чеч., бацб. *лам*, инг.

¹ См.: Н. Ф. Яковлев. Материалы для кабардинского словаря. Вып. 1. (Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога). М., 1927; Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941. Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956; Ю. Д. Дешериев. Основные особенности нахских (вапнахских) языков. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1, вып. 2. Грозный, 1959; его же. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963; Ш. Микаилов. Очерки аварской диалектологии. Л., 1960 и др.

² В адыгских языках такая попытка сделана М. А. Кузнецовым в его работе «Морфология адыгских языков» (Москва — Нальчик, 1964).

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 147.

лоам «гора», чеч., инг. т/уом, бацб. бухь «война», чеч., бацб. т/ам «крыло», чеч., инг. дуог, бацб. докл «сердце» и др.).

Вряд ли приведенными примерами можно исчерпать все разнообразие структурных типов односложных основ.

Углубленный анализ лексики нахских языков показывает, что односложные основы древнейшего типа нахских языков представляют и иные структурные типы. Например, можно было бы отметить односложные основы, состоящие:

1. Из одного гласного звука (см. чеч. у «доска», чеч. и, чеч. а «он/она»; чеч., инг. а — союзное слово, равнозначное русскому союзу и; см. также основы, состоящие из назальных звуков: чеч., инг. а «ревматизм», у «чума» и т. д.).

2. Из сочетания: гласный + согласный + согласный (чеч., инг. ахх «пропасть», «горная речка», чеч., инг. урх «вожжа», улах «соты» и т. д.).

3. Из сочетания: согласный + согласный + гласный (чеч., инг. тха «шерсть», пха «жила», пхьа (бацб. так же) «кровная месь», «селение, населенный пункт» и т. д.).

4. Из сочетания: согласный + гласный + согласный + согласный (чеч., инг. барт «согласие, союз», малх «солнце», тарх «глыба» и т. д.)¹.

5. Из сочетания: согласный + согласный + гласный + согласный + согласный (чеч., инг. пхьарс «рука», чеч. цкзарг «стрелка черемши», чеч. б/аьрг, инг. б/ларг «глаз» и т. д.).

Как видно из этих примеров, односложные основы древнейшего типа в нахских языках характеризуются наличием разных согласных фонем:

Консонантизм, представленный в таких основах, мало чем отличается в качественном и количественном отношении от системы консонантов современных нахских языков². Но зато по линии вокализма в них наблюдаются значительные расхождения с системой гласных современных нахских языков, а в особенности современных чеченского и ингушского литературных языков. Дело в том, что в составе тех из приведенных односложных основ, которые восходят к нахскому языку-основе, не могло быть лабиализованных, дифтонгических, палатальных и носовых гласных звуков, а также некоторых долгих дифтонгов и монофтонгов, возникших в чечен-

¹ Некоторые из таких основ вторичного образования (см. об этом ниже).

² Правда, нужно отметить отсутствие в них в препозитивном положении вбиранта -р, а также -ф в любом положении, которые являются поздними заимствованиями в нахских языках.

ском и ингушском языках в период их обособленного развития, после распада общенахского языка-основы¹.

Отсюда становится понятным наличие в односложных основах древнейшего типа таких гласных фонем, как а (долгий

и краткий): чеч. к̄а (инг. так же) «грех», чеч. ла (инг. так же) «зима», чеч. к̄ла (инг. к̄ла) «пахотное поле», чеч. т̄ла (инг. так же) «передняя нога (у животных)», чеч. ка (инг. так же) «рука, хватка», чеч. ц̄ла (инг. ц̄ла) «дом», чеч. да (инг. так же) «отец», п̄хьа (бацб.) «село» и др.: и (краткий, долгий):

чеч. хи (инг. х̄и) «вода», чеч. ц̄л̄и (инг. так же) «кровь»; чеч. нитт (инг. так же, бацб. нитт/и) «крапива» и др.: у (краткий и

долгий): чеч. цу (инг., бацб. так же) «толокно»; чеч. шу (инг. так же) «вы», ш̄и «межа» и др.: ӣе (краткий): инг. ц̄л̄е, чеч. ц̄л̄ис

«сия», чеч. д̄ие «день», чеч. д̄иег/и «тело» и др.: о (краткое): бацб. шо (чеч., инг. шуо) «год», бацб. моц/и (чеч. муоз, инг. модз) «мед», бацб. докл (чеч., инг. дуог) «сердце», бацб. кхор

(чеч., инг. кхуор) «груша» и др.

Возникновение в односложных основах дифтонгических

гласных уо, ие и др., а также гласных переднего ряда уь, аь и др. — явление, безусловно, вторичное в нахских языках².

Об этом свидетельствуют также факты некоторых архаичных горных диалектов (чеберловский, хилдехаровский и др.) и бацбийского языка, где указанные гласные отсутствуют и в наше время³.

К древнейшему типу следует отнести те из односложных основ, которые состоят из согласного и гласного. Именно эти основы, по утверждению Ю. Д. Дешериева, по своей струк-

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... стр. 517—519.

² См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... Грозный, 1963; его же. Современный чеченский литературный язык. Ч. I. Фонетика. Грозный, 1961.

³ Этим, между прочим, и объясняются расхождения в приведенных выше односложных основах из разных нахских языков: ср. бацб. де, чеч. д̄ие «день», бацб. шо, чеч. шуо «год» и др.

туре представляют собой первичные образования¹. Основ же типа согласный + гласный + согласный Ю. Д. Дешериев относит к основам вторичного образования, которое происходило путем разнообразных фонетических, морфологических (словоизменительных и словообразовательных) процессов.

К основам вторичного образования следует отнести также и некоторые основы типа: гласный + согласный. А то, что основы данного типа могли быть образованы в результате слияния двух основ, подтверждается наличием односложных основ, состоящих из одной гласной фонемы. Например, *y* «до ска», *a* — союзное слово, *u* (чеч. *a*) — указательное местоимение «этот/эта/та», которые могли быть осложнены в результате слово- и формообразовательных процессов, происходивших на всех этапах развития языка, то есть согласный звук в исходе таких слов может быть реликтом присоединившегося слова или словообразовательного элемента. См., например, инг. вариант названия доски *uɔg*, где *g* — исторически уменьшительный аффикс, *ɔ* — наращение (ср. чеч. *y* в том же значении). Следовательно, некоторые односложные основы типа: гласный + согласный могут быть основами вторичного образования. Часть односложных основ древнейшего типа восходит к тому периоду развития нахских языков, когда существительные, прилагательные и глаголы еще не получили дифференциации². Отсюда вывод о том, что односложные основы древнейшего типа охватывали все ныне выделившиеся знаменательные части речи (то есть они представляли собой нейтральную в грамматическом отношении структуру: имя — глагол и др.), что подтверждается наличием односложных основ в сфере различных частей речи. См.: *ɔu* «я», *hɔu* «ты» и «тот/этот/эта/это» и др. — местоимения; *ɕhɔ* «один», *ɕhi* «два», *khɔ* «три» и др. — числительные; *ɕɦe* «красный», *klai* «белый» и др. — прилагательные; *la* «вы

держат», *da* «сделать», *ta* «помириться» и др. — глаголы. Нейтральный характер односложных основ древнейшего типа подтверждается также и другими фактами современных нахских языков, но об этом см. ниже (стр. 71). С процессам морфологического порядка связан процесс усложнения фон-

етической структуры первообразных основ и возникновение в нахских языках основ из двух и более слогов.

Прослеживаются следующие грамматические процессы, осложнившие структуру односложных основ:

1. Сращение двух основ, каждая из которых состоит из одного слова, и образование одной сложной основы. Таковы сложные основы: *к̆оркхокха* «горлица» (*к̆ора* «глухой», *кхокха* «голубь»), *к̆алдаьтта* «творог с маслом (блюдо)» и т. д. Основы этого типа встречаются в разных слоях лексики, чаще всего в сфере слов, обозначающих древнейшие понятия и представления, например, космические понятия *стиел/а/хьаьштг* (инг. *сиелахьаьшк*) «молния» (из *стиел/а/сиела* «бог грома», *хьаьштг/хьаьшк* «горящее полено»), *т̆урна* «богиня камней и скал» (из *т̆ур/* — *т̆уо* «камень», *-р* — наращение, *на* «мать»); топонимические названия: *сема́лашка* (из *се* — *сай* «олень», *малаш* «рога», *ш* — формант мн. ч., *ка* — словообразовательный суффикс) букв. «к оленьим рогам».

2. Присоединение к односложным основам разных словообразовательных аффиксов. Такими могут быть аффиксы (суффиксы) имен *-ха*, *-ла*, *-ра*, *-хуо*, *-руо* и т. д.; глагольные превербы: *-т̆ие*, *-к̆иел*, *-чуо* и т. д.

3. Присоединение к односложным основам аффиксов словоизменения — падежные форманты: *-ца*, *-ха*, *уо* и др., форманты мн. ч.: *-ий*, *-ш* и т. д.

Мы иллюстрировали факты присоединения к односложным основам материальных показателей разных грамматических категорий, которые в результате опрощения таких форм превращают односложные образующие основы в многосложные. Таковы опрощенные формы: чеч. *диелк̆а* «полдень» (от *ди* — «день», *лк̆а* — «йук̆а» «середина»); *дархуо* «раненый» (от *дар* «рана», *хуо* — суффикс лица); *иччархуо* «снайпер» (от *ичч* — семантика неясна, *хуо* — словообразовательный суффикс лица) и т. п. Особенно много таких опрощенных форм встречается в топонимике (см. об этом нашу работу «Аффиксальное словообразование топонимических названий в вайнахских языках». Сборник статей ЧИННИИЯЛ. Грозный, 1964). Подобные процессы могли иметь место в нахских языках и в далеком прошлом.

Опрощение производных основ может в свою очередь сопровождаться обратным процессом — сокращением производных основ. Имеются в виду различного рода усечения концов слов, мататеза звуков и т. д.; см. *ɕɦенк̆а* «*ɕɦенйук̆а*)»

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... стр. 408.

² См. там же, стр. 390.

«пол» («середина дома»); *чӀуеглардиг* (← *чӀуеглаш* дерг «ласточка» и т. д.

Подобного рода процессы в конце концов вызывают появление односложных основ. Таковы, в частности, односложные основы, состоящие из одного назального гласного, являющегося результатом утери последующего сонорного звука. Например: *а* (← *ан*) «ревматизм», *у* (← *ун*) «чума» и др. см. также односложные основы типа: согласный + назальный гласный *ка* (← *кан*) «кочан», «клок шерсти», *ха* (← *хаа*) «время». Особенно наглядно это обнаруживается в заимствованных словах, у которых в процессе их освоения нахскими языками отбрасываются как отдельные конечные звуки, так и цельные конечные слоги, например: *вагу* (← *вагон*), *машие* (← *машина*) и др. Этот процесс, который Ю. Д. Дешериев объясняет переходом ударения на первый слог¹, имеет широкое распространение в нахских языках.

Таким образом, если осложнение первичных односложных основ вызвано факторами грамматического порядка (сложение основ, изменения по грамматическим категориям числа, падежа, словообразование посредством аффиксов), то обратный процесс — сокращение — обуславливается факторами фонетического порядка — редукцией, вызванной в свою очередь переходом ударения на первый слог. Что же касается других фонетических эволюций (перегласовки, наращення и др.) происходящих в основах при изменении их по грамматическим категориям и при словообразовании, то они не только не вызывают сокращения основ, а, наоборот, некоторые из них (например, наращення) служат увеличению количества зву-

ков и даже целых слогов в слове. Ср. чеч. *цӀа* — *цӀелиг* (← *цӀа* — наращення, -г — исторически суффикс уменьшительности «дом → домик», *бӀал* → *бӀелиг* (← *бӀал* — наращення, -г — суф-

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 24.

² Следует отметить, что перегласовка в основе представляет собой нечто иное, как дистантную неполную регрессивную ассимиляцию корневого гласного, исходному аффиксальному гласному при изменении слова по грамматическим категориям или при словообразовании: ср. *чӀари* (чеч.) «берий» (здесь *а* → *е* под воздействием -ий аффиксального); *хал-хелиг* (← *хал* под воздействием *и* в исходе формы *хелиг* — уменьшительная форма от *хал* и т. д.; см. Д. И. Иманшвили. Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской (чеченской) группы. Иберийско-кавказское языкознание. Т. 13. Тбилиси, 1962. Под наращеннием следует понимать окончательные форманты разных словоизменительных грамматических категорий: см. Ю. Д. Дешериев. Современный чеченский язык. Ч. I. Фонетика. Грозный, 1961.

фикс уменьшительности) «ком — комок», *буолх* → *белхи-луо* (← *бу* — наращення, -луо — суффикс лица)¹ «работа → рабочий» и т. д.

Исходя из современного состояния нахских языков, можно отметить наличие в них непрямых основ, состоящих из одного, двух и более слогов, например: чеч. *у* (инг. *улг*) «до-ска»; чеч. *цӀие* (инг. *цӀи*, бацб. *цӀе*) «огонь, имя»; чеч. *цӀа* (инг., бацб. так же) «дом»; чеч. *ча* (инг., бацб. так же) «медведь»; чеч. *хи* (бацб. так же, инг. *хий*) «вода»; чеч. *шуо* (бацб. *шо*, инг. *шу*) «год»; чеч. *ша* (инг. так же, бацб. *пша*) «лестница»; чеч. *уьстагла* (инг. *уьстагла*, бацб. *уьстхо*) «овца»; чеч. *дуоттагл* (инг. *дуоттагла*) «друг»; чеч. *накӀуост* (инг. *новкӀост*, бацб. *накӀбист*) «товарщик»; чеч. *саца* (инг. так же) «остановиться»; чеч. *хӀуотта* (инг. *уотта*, бацб. *отта*) «статья» и др.

Как видно из примеров, основы (именные) в нахских языках различаются по признаку открытости и закрытости конечных слогов, а также количеству составляющих их фонем. В бацбийском глагольные основы повелительного наклонения прямой формы в отличие от чеченского и ингушского встречаются чаще всего в закрытом виде. Ср. чеч., инг. *хаза*, бацб. *хац* «услышь»; чеч., инг. *довза*, бацб. *данц* «ознакомься»; чеч., инг. *вах*, бацб. *вах* «пьяней»; чеч., инг. *хьажа*, бацб. *хьач* «посмотри»; чеч., инг. *дуотта*, бацб. *дотт* «налей»; чеч., инг. *ала*, бацб. *ал* «скажи» и др. Причем бацбийские слова сохранили более древнее состояние основ.

В форме инфинитива глагольные основы во всех нахских языках носят открытый характер, причем по признаку назальности конечного гласного бацбийский тождествен с чеченским, ингушскому в большинстве случаев несвойственна назальность в окончаниях инфинитива. Ср. чеч., бацб. *вах*, инг. *вах* «идти»; чеч. *хӀуотта*, бацб. *отта*, инг. *уотта* «статья»; чеч., бацб. *хаа*, инг. *ха* «знать»; чеч. *виеза*, бацб. *вецӀа*, инг. *веза* «любить»; чеч. *язда*, бацб. *цӀерадда*, инг. *яздие* «писать» и т. д.

Среди именных основ встречается значительное число заимствований, проникших в различные нахские языки в разные периоды их развития из разных источников. Эти заимствован-

¹ Одновременно с наращеннями здесь происходят и перегласовки (ассимиляции).

ные основы относительно индифферентны к фонетическим изменениям, происходящим при образовании новых слов форм слов, но они, как было уже отмечено, в соответствии фонетическими особенностями нахских языков подвергаются усечению.

§ 10. Грамматическая (морфологическая) структура основы

Об исходной форме глагола современных нахских языков

Как правило, исследователи нахских языков выделяют в качестве начальной одну из трех основных форм глагола: инфинитив (авторы школьных учебников), масдар (Р. И. Долакова) и основную форму повелительного наклонения (Н. Ф. Яковлев). Задача состоит в том, чтобы определить, какая из этих трех форм является наиболее удобной для использования в качестве исходной (производящей при словообразовании и спряжении). Это особенно важно в таких агглютинирующих языках, какими являются нахские языки.

Выделение масдара в качестве основной формы глагола нам представляется неправомерным, потому что масдар, несмотря на то, что выражает процесс действия и может быть образован от любого глагола, не является по своим грамматическим признакам глагольной формой, а отнесен к грамматической парадигме имени существительного (склоняется по первому склонению имени существительного, изменяется по числам и т. д.). Показательно также и то, что масдарные формы, теряя свое отглагольное значение, имеют тенденцию к превращению в имена существительные с предметным и отвлеченным значениями; см., например, опрошенные формы масдаров: чеч. *диекх-а-р* (от *диекх* «уплатить, рассчитать») «долг»; *хьакх-ар* (от *хьакх* «тереть, смазать») «животное сало»; *лазар* (от *лаза* «болеть») «болезнь»; *кхаллар* (от *кхалла* «проглотить») «хлеб» и т. д. Эти формы представляют собой исторически отглагольные имена существительные, в процессе развития языка подвергшиеся опрошению, перестали восприниматься в своем первоначальном, отглагольном значении и перешли в разряд существительных с предметным и отвлеченным значениями. Больше того, Масдарные существительные и структурно представляют собой осложненную

посредством суффикса *-р* основу, что также вызывает неудобство при их использовании в качестве исходной основы при спряжении глагола.

Основную форму повелительного наклонения, которую Н. Ф. Яковлев считал наиболее удобной как с практической, так и с теоретической точек зрения, по нашему мнению, нельзя квалифицировать как исходную прежде всего потому, что она представляет собой одну из косвенных форм глагола — форму повелительного наклонения, являющуюся по своему грамматическому значению производной и выражающую приказ, просьбу первого лица в отношении второго, например: *Схьада кеглат*. «Принеси бумагу». *Схьайа буйрка*. «Принеси мяч» и т. д. Этот факт говорит о пристрастности формы повелительного наклонения к определенной грамматической категории, а основная форма должна быть нейтральна ко всем категориям. Больше того, Повелительное наклонение образуется не от всех глаголов, что также должно служить веским доказательством несостоятельности доводов, приводимых в пользу форм повелительного наклонения в качестве исходной.

Правда, при всем этом повелительное наклонение имеет и некоторое удобство для использования в качестве производящей формы, но это удобство фонетического характера, заключающееся в том, что повелительное наклонение имеет окончание, не осложненное никакими формантами, отбрасываемыми при спряжении глагольной основы. Но это единственное удобство формы повелительного наклонения, которое при отсутствии других признаков, указанных выше, само по себе недостаточно для того, чтобы ее можно было считать исходной формой глагола.

Инфинитив нахского глагола является наиболее общей формой выражения действия, он свойствен всем глаголам и в то же время нейтрален ко всем грамматическим категориям глагола — к категории лица, времени, наклонения и т. д. Правда, инфинитивная форма глагола в противовес чистой основе повелительного наклонения имеет осложненное назальностью окончание, например: чеч. *да* «сделать», *ала* «сказать», *саца* «остановиться». В бацбийском назальность чувствуется сильнее, чем в чеченском. Этот факт вызывает некоторое неудобство в использовании инфинитива в качестве исходной формы глагола. Примечательно, что в ингушском инфинитив не имеет в исходе назальности.

Что же касается остального довода Н. Ф. Яковлева том, что свойство некоторых глаголов начинаться с корневого согласного в форме повелительного наклонения, отбрасывая классные показатели, например *дала* «дать», *луо* «дай», *дахьа* «идти», *гьуо* «иди» и т. д., якобы может быть одним из признаков исходности основы повелительного наклонения, то он не имеет доказательной силы, потому что такое явление нахских языков встречается и в других формах глагола, например в форме настоящего времени. Ср. чеч. *дала* «дать», *луо* «дает»; *дахьа* «нести», но *хьуо* «несет» и т. д. Если при определении исходной формы глагола исходить только из этого признака, то форма настоящего времени имела бы больше основания претендовать на исходную форму, но почему-то сторонники повелительного наклонения обошли молчанием форму настоящего времени, которая имеет то преимущество перед формой повелительного наклонения, что она при указанных общих с последней качествах образуется от любого глагола, тогда как форма повелительного наклонения образуется, как указывалось выше, не от всех глаголов. Расщепление основы глагола при образовании тех или иных форм глагола — распространенное явление в нахских языках, которое можно отнести к разряду обычных фонетических изменений в структуре основы. Кроме того, Н. Ф. Яковлев также признавал удобство инфинитива «для школьных и практических целей»¹. Об удобствах инфинитива для использования также в теоретических целях и о его преимуществе перед остальными формами говорят и приведенные факты.

Выделяя инфинитив в качестве начальной формы глагола в нахских языках, не лишне будет сослаться и на то, что отдельные исследователи и других горских кавказских языков, например адыгских², поступают так же.

При этом надо отметить, что, устанавливая инфинитив как основную форму, мы исходим из современного состояния языка. Исследование этого вопроса в диахронном плане выявляет иную форму глагола как исходную.

¹ Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского языка. Грозный, 1966, стр. 195.

² См.: М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. Москва, Нальчик, 1964, стр. 76.

Таблица спряжения глаголов

Неформальная основа	Повелительное наклонение	Инфинитив	Масдар	Настоящее время
Чеч. <i>ал</i> (инг. <i>ал</i>), баш. <i>алъ</i>	Чеч. <i>ал-а</i> (инг. <i>ал-а</i>), баш. <i>алъ-а</i> «скажи»	Чеч. <i>ал-а</i> (инг. <i>ал-а</i>), баш. <i>алъ-а</i> «сказать»	Чеч. <i>ал-а-р</i> (инг. <i>ал-а-р</i>), баш. <i>алъ-а-р</i> «скажи»	Чеч. <i>ол-у</i> (инг. <i>оал-а</i>), баш. <i>алъ-о</i> «говорит»
Чеч. <i>хьаж</i> (инг. <i>хьаж</i>), баш. <i>хьаж</i>	Чеч. <i>хьаж-а</i> (инг. <i>хьаж-а</i>), баш. <i>хьаж-а</i> «смотри»	Чеч. <i>хьаж-а</i> (инг. <i>хьаж-а</i>), баш. <i>хьаж-а</i> «смотреть»	Чеч. <i>хьаж-а-р</i> (инг. <i>хьаж-а-р</i>), баш. <i>хьаж-а-р</i> «смотри»	Чеч. <i>хьож-у</i> (инг. <i>хьож</i>), баш. <i>хьаж-о</i> «смотрит»
Чеч. <i>лалл</i> (инг. <i>лалл</i>), баш. <i>лалл</i>	Чеч. <i>лалл-а</i> (инг. <i>лалл-а</i>), баш. <i>лалл-а</i> «гони»	Чеч. <i>лалл-а</i> (инг. <i>лалл-а</i>), баш. <i>лалл-а</i> «гнать»	Чеч. <i>лалл-а-р</i> (инг. <i>лалл-а-р</i>), баш. <i>лалл-а-р</i> «гонит»	Чеч. <i>лолл-у</i> (инг. <i>лолл</i>), баш. <i>лалл-о</i> «гонит»
Чеч. <i>лар</i> (инг. <i>лар</i>), баш. <i>лар</i>	Чеч. <i>лар-а</i> (инг. <i>лар-а</i>), баш. <i>лар-а</i> «почитай»	Чеч. <i>лар-а</i> (инг. <i>лар-а</i>), баш. <i>лар-а</i> «почитать»	Чеч. <i>лар-а-р</i> (инг. <i>лар-а-р</i>), баш. <i>лар-а-р</i> «почитает»	Чеч. <i>лор-у</i> (инг. <i>лорхл</i>), баш. <i>лар-о</i> «почитает»
Чеч. <i>вах</i> (инг. <i>вах</i>), баш. <i>вах</i>	Чеч. <i>вах-а</i> (инг. <i>вах-а</i>), баш. <i>вах-а</i> «живи»	Чеч. <i>вах-а</i> (инг. <i>вах-а</i>), баш. <i>вах-а</i> «жить»	Чеч. <i>вах-а-р</i> (инг. <i>вах-а-р</i>), баш. <i>вах-а-р</i> «живет»	Чеч. <i>вах</i> (инг. <i>вах</i>), баш. <i>вах-о</i> «живет»

Сравнительно-исторический анализ разных нахских языков и наречий показывает, что исторически исходной является неоформленная основа глагола, например: чеч. *ал*, баб. *ал* инг. *ал* «сказать»; чеч. *лалл*, баб. *лалл*, инг. *лалл* «гнать»; чеч. *хъаж*, баб. *хъач*, инг. *хъадж* «смотреть»; чеч. *хаз*, баб. *хац*, инг. *хоз* «слышать» и др.

Неоформленные основы носили нейтральный характер отношении грамматических категорий и служили для выражения действия в наиболее общем виде.

Неоформленная глагольная основа древнейшего типа послужила базой для спряжения глагола в нахских языках.

Общая часть приведенных в нашей таблице форм (см. таб. на стр. 65) представляет собой ту исходную, неоформленную основу, о которой шла речь выше. С точки зрения современных нахских языков, указанная основа может быть квалифицирована как корень, но ни в коем случае не может рассматриваться как основная форма глагола (она вообще не является какой бы то ни было формой глагола в современных нахских языках). Исходной глагольной формой в современных нахских языках мы считаем инфинитив, хотя он исторически и представляет собой форму, производную от неоформленной основы, равно как и все другие грамматические спрягаемые формы глагола. При этом, как показывают примеры, формообразование сопровождалось изменением первичного фонетического облика первоначальных основ глагола. Это вызывалось, как объясняют Ю. Д. Дешериев («Сравнительно-историческая грамматика нахских языков»), Д. С. Имнашвили («Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской (чеченской группы)» и др., вторичными чередованиями (регрессивной ассимиляцией) гласных производящей основы (см. чеченские формы настоящего времени *лор-у* (← *лар*), *соц-у* (← *сац*), *хъож-у* (← *хъаж*) и др., в которых корневой гласный *а* → *о* под влиянием конечного *у* (форманта настоящего времени).

Морфологические типы основ

Вопрос о морфологических типах основ в нахских языках совершенно не исследован. Однако в имеющихся грамматических работах основы, как правило, подразделяют на производные, непроизводные и сложные.

При этом не проводят грани между производными и членимыми основами, сливая эти два разных понятия в одно целое.

Другие типы основ не отмечены в лингвистической литературе по нахским языкам.

Исходя из современного состояния нахских языков, можно отметить в них следующие основные морфологические типы основ: производные и непроизводные, связанные и несвязанные, производящие и непроизводящие, прерывистые и непрерывистые, нейтральные и ненейтральные.

Производные и непроизводные основы

Как уже было сказано, в нахождении вопрос о сущности производной и непроизводной основ не получил своего освещения, а в практических грамматиках отождествляют понятия производности и членимости основ, с одной стороны, словообразовательный, морфологический и этимологический анализ основ — с другой.

Следует отметить, что понятия производной и членимой основ не совпадают, ибо не всякая производная основа может быть членимой. Например, от слова *йокъа* «сушь, засуха» производно слово *йекъа* «сухой» посредством перегласовки корневого гласного звука *о* → *е* (*йокъа* → *йекъа*), тем не менее оно не поддается членению. То же самое можно сказать и о других словах, образованных способом конверсии. Таковы, например, существительные — собственные имена *Воду*, *Ваха*, *Йаха*¹ и др., соотносимые с глаголами *воду* «бежит», *ваха* (о мужчине) «живи», *йаха* (о женщине) «живи». Таким образом, мы видим, что производная основа не всегда может быть членимой. Однако следует отметить, что любая членимая основа производна по своей морфологической структуре.

При этом в понятие производной основы мы включаем такую основу слова, которая с помощью того или иного способа словопроизводства образована от другой основы, представляющей собой, с точки зрения современного языкового сознания, исходную корневую морфему. Производная основа предполагает наличие в языке соотносительной с ней в лексико-семантическом отношении другой, непроизводной основы. Стоит такой исходной основе исчезнуть из языка или подвергнуться десемантизации, как производное слово переходит в разряд непроизводных и теряет свойство членимости на морфемы.

¹ При этом начальные звуки *в*, *й* здесь представляют собой выделяемые классные префиксы. Но выделяемость их не обусловлена фактором производности, поскольку они в том же виде наличествуют в соответствующих непроизводных основах.

Лишь путем историко-этимологических и сравнительно-исторических разысканий мы можем установить производный характер таких основ в историческом прошлом. Так, например, слово *гиланча* «конный вестовой», в этимологическом плане представляющее собой производное слово от *гила* + суффикс *-ча*, с точки зрения современного языкового сознания в значительной мере подвергнуто опрощению, ввиду того что производящая основа *гила* почти не имеет самостоятельного употребления и встречается лишь в произведениях устного народного творчества в значении дородного ездового коня. См. также *дар-хуо* (*дар* «рана» (этимологически) + суффикс лица *-хуо*) «раненый» и т. д. В сложных словах опрощение происходит в результате десемантизации одного или обеих составляющих частей. Таковы топонимы *пхьакуоч*, *пхьам-та*, *цлайпхьиеда* и другие, сложная структура которых восстанавливается лишь путем сравнительно-исторических разысканий: см. об их этимологии выше, во введении (стр. 11).

При решении вопроса о соотношении производной и соответствующей непродутой основ, а также вопроса о критериях морфологического членения слова (основы) в плане словообразовательного анализа мы исходим из современного состояния языкового сознания, следуя при этом указанию И. А. Бодуэна де Куртене, который писал: «Все подобного рода деления (то есть деление слова на морфемы) должны быть не досужими выдумками исследователя, а только должны быть извлечены из объективного языкового мышления индивидов, входящих в состав данного племенного или же национального коллектива. Мы руководствуемся при этом не лингвистическим мышлением, основанным на истории языка и на ученых этимологических выводах сравнительной грамматики, а только тем, что читаем в душе обыкновенного человека, определяя своиственные ей взаимоотношения между отдельными элементами языкового мышления...»¹

Таким образом, с точки зрения современного состояния нахских языков именная производная основа в них может состоять из корня, классного префикса и суффикса: чеч. *деха-лла* «длина» (*д* — классный префикс, *аха* — корень, *-лла* — суффикс) и др. Имеется мнение некоторых кавказоведов, согласно которому в именных основах в историческом прошлом

¹ И. А. Бодуэн де Куртене. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, стр. 104—105.

было грамматически значимых классных префиксов¹. Вопрос этот представляет большой интерес для науки и требует специального изучения.

Глагольная же производная основа состоит из преверба, классного префикса, корня и суффикса глагольных форм: чеч. *дла-в-а-ла* «уходи» (*дла* — преверб, *а* — классный префикс, *а* — корень, *ла* — суффикс повелительного наклонения), *дла-кхуосса* «выбрось» (*дла* — преверб, *кхуосс* — корень, *а* — суффикс повелительного наклонения) и др.

В глагольных производных основах необязательно одновременное наличие преверба и классного префикса (см. *туох-а* «ударь», но *тлue-туоха* (*тлue* — преверб), *вах-а* «идти» (*в* — классный префикс), но *дла-в-ах-а* (*дла* — преверб, *в* — классный префикс) и т. д.

Непроизводная основа глагола состоит из корневого элемента, классного префикса и суффикса грамматической формы: *вах-а* «идти» и др. — или из корня и форманта: *туох-а* «ударить» и др. Именная непродутой основа состоит из корня и классного префикса: *диь* «четыре», *деха* «длинный» — или из одного корня: *суо* «я», *цла* «дом» и т. д.

Связанные и несвязанные основы

В нахских языках встречаются основы, которые, как правило, употребляются лишь в сочетании со словообразовательным аффиксом. Такие основы называются связанными основами. Такова, например, глагольная основа чеч. *глатта* «встать», которая в конкретном значении употребляется лишь в сочетании с локальным превербом *хьала* «вверх» — *хьала-глатта* «встать вверх».

Вне сочетания с глагольными превербами не употребляется также основа *хаа* (инг. *ха*): чеч. *охьахаа*, инг. *лоха* «сесть вниз», баиб. *чуха* «сесть вовнутрь, вниз»; чеч. *тлеххаа*, инг. *тлаха* «сесть наверх»; чеч. *клуелхаа*² «сесть подо что-либо» и т. д.

¹ См.: Б. Б. Талибов. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках. Тезисы докладов на научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа. Махачкала, 1965, стр. 48.

² Надо отметить, что при ответе на вопрос эти основы употребляются в чистом виде; ср. *Хьо хьаьла глаттин?* — *Глатти*. «Ты встал (вверх)? — Встал». *Хьуо охьа хиин?* — *Хиин*. «Ты сел вниз? — Сел» и т. д.

Несвязанными (свободными) называют основы, употребляемые в языке как вне сочетания со словообразовательными аффиксами, так и в сочетании с ними.

Производящие и непроизводящие основы

В языкознании под термином «производящая основа» понимается исходная основа производного слова. Тот же смысл вкладывается и в термин «образующая основа». Например, в производном слове *белх-а-луо* производящей или образующей основой является *белх* (← *буолх*), а — соединительная гласная, *луо* — словообразовательный суффикс.

Однако в последнее время отдельные лингвисты (М. А. Кумахов и др.) в термин «образующая основа» вкладывают иной смысл. Под образующей основой понимают такую основу, которая независимо от ее морфологической структуры (производность или непроизводность, членимость или нечленимость) может служить «базой для образования новых слов»¹. Необразующей основой считается такая, от которой не производят новых слов. Например, основы чеч. *инг. куор* «окно», *инел* «дверь» и т. д.

Прерывистые и непрерывистые основы

Прерывистыми в нахских языках могут быть лишь членимые основы. Однако исключение из сказанного составляют аффиксальные и сложные основы именных частей речи, в которые нельзя инкорпорировать другое слово; см. *белхалуо* «рабочий»; *ахархуо* «пахарь, крестьянин»; *дечгпондар* «горская балалайка» («деревянная гармонь»); *цлерпуошта* «поезд» («огненная почта») и др. В нечленимые основы нельзя внедрить слово.

В приставочные и сложные глагольные основы можно внедрить слова.

В приставочные глаголы инкорпорируются служебные слова (частицы): *тлue-туоха* «ударить на», но *тлue ма туоха* «не ударь на»; *схьакхуосса* «сюда бросить», но *схьа ца кхуоссу* «сюда не бросает»; *схьа ма кхуосса* «сюда не бросай». В сложные глаголы внедряются служебные и знаменательные слова; см. *сатуоха* «притерпеть», букв. «душу ударить», но *са*

¹ См.: М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. Москва — Пальчик, 1964. стр. 83.

дуоха «душу не ударь»; *дуогдаха* «надеяться», букв. «сердце изымать», но *дуог члогла даха* «сердце сильно изымать» (то есть «сильно надеяться») и т. д.

При этом, как видно, основа часто приобретает форму иной грамматической категории. (О прерывистых основах говорилось также выше, в вводной части).

Нейтральные и ненейтральные основы

В нахских языках, как и в других иберийско-кавказских языках, встречаются основы, которые включаются в разные парадигматические классы слов. Такие основы мы называем нейтральными.

Например, слова *дика*, *вуо. хаза*, *сиха*, *чиехка* и другие без изменения своей структуры с помощью контекста свободно включаются в разные грамматические классы слов, в частности в классы: а) качественных прилагательных и б) качественных наречий; см. *Дика клант ву Ахьмад*. «Хороший (добрый) парень есть Ахмад». Но *Дика доьшу Ахьмада*. «Хорошо учится Ахмад». Как видно, нейтральная основа «дика» в приведенных примерах включена то в класс прилагательных (в первом примере), то в класс наречия (во втором предложении).

В древний период развития нахских языков нейтральных основ в них, по-видимому, было больше. В частности, односложные основы древнейшей структуры типа согласный + гласный, по утверждению Ю. Д. Дешериева¹, а также (в отношении адыгских языков) Н. Ф. Яковлева², представляли собой основы нейтральные.

«Следует учитывать, — писал Ю. Д. Дешериев, освещая вопрос о структурных особенностях односложных основ древнейшего типа, — весьма важное теоретическое положение, подтверждаемое фактическим материалом, о нерасчлененности основ имени и глагола, о нейтральности основ имени и глагола, основ переходных и непереходных глаголов в иберийско-кавказских языках в древние времена. Это положение имеет большое значение для правильного освещения вопроса об образовании новых имен путем основосложения, а также через

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков...

² См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Аухамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1941.

посредство присоединения к нейтральной основе детерминатива — определителя имени и глагола»¹.

Факты исторической недифференцированности глагола и имени в нахских языках встречаются во множестве².

Выше мы указывали на свидетельство Н. Ф. Яковлева о наличии таковых в адыгских языках.

Д. С. Имнайшвили засвидетельствованы подобные факты в дидойских языках³.

«Историческая недифференцированность глагола и имени, — указывал А. С. Чикобава, — общее явление для всей иберийско-кавказских языков»⁴.

Факты о происхождении имени и глагола из одного общего корня засвидетельствованы и в индоевропейских языках, в частности в русском языке⁵, а также в тюркских языках⁶.

В нахских языках прослеживаются пути происхождения из одного корня не только имени и глагола, но и наречия, разных типов служебных слов. Этот интересный языковедческий вопрос должен стать предметом углубленного изучения и исследования, что в свою очередь выявит древнейшую структуру основ и пути дальнейшего развития частей речи в нахских языках.

Кроме того, основы в нахских языках можно подразделять на основы с открытым и закрытым исходом, или на вокалические и консонантные⁷. В исходной форме (форме инфинитива) глагольные основы во всех нахских языках, как правило, носят открытый (вокалический) характер, например: чеч. *ала*, инг. *ала*, бацб. *алта* «сказать»; чеч. *х/уотта*, инг. *уотта*, бацб. *отта* «стать»; чеч. *угла*, инг. *увгла*, бацб. *дугла* «реветь»; чеч. *саца*, инг. *саца* «стать» и др. То же можно сказать и в отношении многих других форм глаголов нахских языков.

¹ Ю. Д. Дешериев. Указ. соч., стр. 390.

² См. об этом, в частности, нашу работу «Из топонимики нагорной Чечено-Ингушетии. Ахк» (рукопись).

³ См.: Д. С. Имнайшвили. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршийским языками. Тбилиси, 1963.

⁴ А. С. Чикобава. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, стр. 75.

⁵ См.: В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, стр. 202; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Изд. 2. Харьков, 1888, стр. 83.

⁶ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 359—365 и др.

⁷ См.: Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 190.

Именные основы подразделяются на вокалические и консонантные: см. примеры на вокалические основы: чеч. *вата*, инг. *воша*, бацб. *ватю* «брат»; чеч. *бацб. шича*, инг. *шича* «двоюродный брат»; чеч. *бекъа*, бацб. *бакъа* «жеребенок» и др.; на консонантные основы: чеч. *лахар*, инг. *лахар*, бацб. *лахроб* «ягненок»; чеч. *кхел*, инг. *кхал*, бацб. *кхадал* «кобыла»; чеч. *инт*, бацб. *интI* «крапива» и т. д.

Основы сложной структуры подчиняются указанному принципу деления на вокалические и консонантные.

§ 11. Способы основообразования в нахских языках

В нахских языках встречаются различные по степени продуктивности, одновременно возникшие способы образования основ.

Так, в современных нахских языках действуют главным образом следующие способы образования основ:

1. **Основосложение**, подразделяемое на несколько разновидностей (см. выше): чеч. *кзоркхокха*, инг. *кзоркхокха* («глухой», *кхокх/а/* «голубь») «горлянка»; чеч. *хьаьрсхьач*, инг. *хьаьрсхьач* (*хьаьрс/а/* «крыжий», *хьач* «слива») «алыча»; чеч. *лаьржхьач*, инг. *лаьржхьач* (*лаьрж/а/* «черный», *хьач* «слива») «чёрнослив»; чеч. *къахьиега*, инг. *къахьиега* (*къа* «труд», *хьиега/хьиега* «испытывать») «трудиться»; чеч. *сакъиера*, инг. *сакъиерда* (*са* «душа», *къиера/къиерда*) «вселиться» и т. д.

2. **Аффиксальный**, подразделяемый на: а) префиксальный и б) суффиксальный.

Префиксальный способ функционирует в сфере глагола: чеч. *т/иетуоха*, инг. *т/атуоха* (*т/иет/* — приставка, *туоха* — основа глагола «ударить») «ударить на»; чеч. *чутаса*, инг. *чутасса* (*чу* — приставка, *таса/тасса* — глагол «бросить») «бросить вовнутрь»; чеч. *аракхуосса*, инг. *аракхуосса* (*ара* — приставка, *кхуосса* «бросить») «выбросить» и т. д.

Суффиксальный способ функционирует преимущественно в сфере имен: чеч. *белх/а/-луо*, инг. *болхлуо* (от *буолх/болх* «работа» + суффикс лица *-луо*) «рабочий»; чеч. *зурманча*, инг. *зурмач* (от *зурма* «флейта», *-ча/-ч* — суффикс лица («флейтист»)); чеч. *хьар-хуо*, инг. *хьайрхуо* (от *хьар/хьайр* «мельница» + *хуо* — суффикс лица) «мельник» и т. д.

3. **Фонетический способ**. Сущность фонетического способа образования основ заключается в том, что посредством пе-

перегласовки корневого гласного образуется новое слово: *йокъа* — *йекъа* «сушь, засуха» — «сухой» ($\bar{o} \rightarrow \bar{e}$), *жа* — *жэ* «стадо (овец) — овца» ($\bar{a} \rightarrow \bar{i}$) и др. Способ непродуктивный.

4. **Конверсия.** Сущность конверсии в нахских языках заключается в том, что основа из одного парадигматического класса без изменения своей структуры переходит в другой парадигматический класс. Образование новой основы при конверсии происходит посредством контекста, в зависимости от того, с каким словом производящая основа в контексте сочетается. Так, глаголы *ваха* «живи» (о мужчине), *воду* «бежит» (о мужчине), *йаха* «живи» (о женщине) и другие перешли в разряд существительных — собственных имен: *Ваха*, *Воду*, *Йаха*; см. *Ваха vogly* «Ваха идет». *Воду*с добычу. «Воду учится». Прилагательные *дика* «хороший», *вуо* «плохой» при сочетании с отдельными глаголами переходят в парадигму существительного: см. *Дика дахъаш ца веана хьуо*. «Не добры принесши пришел ты» и т. д. К данному способу как его разновидность можно отнести образование омонимов, имеющих большое распространение в нахских языках.

При образовании основ посредством основосложения аффиксации производящие основы претерпевают различные рода фонетические изменения. Эти изменения суть: перегласовка гласных *ха* — *хехуо* ($\bar{a} \rightarrow \bar{e}$) «охрана — охранник» и др.; наращение *лам* — *ламан-хуо* (*-ан* — наращение) «гора — горец» и др.

Иногда наращение и перегласовка происходят одновременно: *цлue* — *цлархуо* ($\bar{u}e \rightarrow \bar{a}$, *-р* — наращение), *буолх* — *белхалус* ($\bar{u}o \rightarrow \bar{e}$, *-а* — наращение), *йурт* — *йуррта-хь* ($\bar{u} \rightarrow \bar{u}b$, *-а* — наращение) и др. Подробнее о типах фонетических изменений, происходящих при основообразовании посредством разных способов, см. ниже.

Для образования новых основ при основосложении сочетаются разные именные и глагольные основы, точно так же при аффиксации в качестве производящих основ используются основы как имен, так и глаголов.

§ 12. К вопросу о морфологическом типе нахских языков

По вопросу о характере морфологического типа нахских языков у ученых-исследователей нет единого мнения. Имеются

разные точки зрения на этот счет. Нахские языки считаются агглютинативными (Н. Ф. Яковлев), агглютинативно-флективными (Д. Д. Мальсагов, А. Г. Мациев, И. Г. Арсаханов и др.).

Наиболее ярко агглютинация проявляется в словообразовании (посредством аффиксации и основосложения), в спряжении и склонении; см. **аффиксация:** *тлуетуох̄а* (*тлue* — префикс, *туох̄а* — корень) «ударить на», *белха-луо* (*белха* — корень, *-луо* — суффикс лица) «рабочий» и др.; **основосложение:** *к̄эинхьетам* (*к̄эин* «жалость», *хьетам* «считание») «жалость», *дечгпондар* (*дечг* «дерево», *пондар* «гармонь») «вид балалайки» («деревogarмонь») и др.; **спряжение:** *дийца* — *дийца-ра* «говорить-говорил», *дийца-хьа* «говори же» (повелительное наклонение); **склонение:** им. п. *говр* «лошадь»; род. п. *говр-ана* «лошади», тв. п. *говр-аца* «с лошады» и т. д. Интерес представляют также случаи последовательного присоединения к образующей основе нескольких формантов — «прилепов», каждый из которых выражает отдельное слово- и формообразовательное значение: см. *белха-луо-чуьн-га-ра* «от рабочего» (*белх* — *буолх* «работа», *-луо* — суффикс лица, *чуьн* — формант род. п., *га* — формант напр. п., *ра* — формант исх. п.); *диеша-хьа-ра* (*диеша* «учиться», *хьа* — формант просительной формы повелительного наклонения, *ра* — застывший формант одной из форм прошедшего времени) «учился бы». Как видим, в приведенных примерах представлена совокупность признаков, характеризующих агглютинативность (стандартность структуры, моносемантизм морфем и пр.). Причем часто встречаются факты окаменения и сращения формантов. Агглютинация имела большое значение для развития структуры нахских языков, как впрочем и других горских иберийско-кавказских языков — адыгских и дагестанских.

Посредством агглютинации в нахских языках произошло образование серии местных послеложных падежей, сложной системы спряжения и развился способ основосложения. Агглютинация сыграла значительную роль в развитии вторичных чередований и перестройке на этой основе структуры именных и глагольных основ. По свидетельству Ю. Д. Дешериева, агглютинация привела к образованию многопадежной системы и в дагестанских языках. В адыгских языках агглюти-

нация обусловила развитие полисинтетизма, «начальные формы которого до сих пор бытуют и в нахских языках»¹.

Во многих основах агглютинация сопровождается внутренней флексией: чеч. *ха* — *хехуо* (*a* → *e*), *цла* — *цлинан* (*a* → *e*) и др.

Кроме того, флексией сопровождается состав формант при последовательном присоединении их друг к другу: *белха-луо-чун* (род. п.), *белха-луо-чуьн-ца* (*чун* → *чуьн*, *y* → *y*) «рабочего — рабочим».

Такая флексия носит исторический характер и не играет роли слово- и формообразовательного фактора. Внутренняя флексия в приведенных формах обусловлена агглютинацией. В отдельных случаях флексия служит для образования грамматических форм.

Так, например, образование категории многократности действия нахских глаголов происходит путем изменения ко-

нечного гласного звука; чеч. *саца* — *сиеца* (*a* → *ie*) «стать — остановиться — останавливаться»; чеч. *лачкба* — *личкба*

(*a* → *ie*), баиб. *лачкба* — *лечкба* (*a* → *e*) «спрятаться, скры-

ться — прятаться, скрываться»; чеч. *мала* — *миела* (*a* → *ie*), баиб.

мала — *мела* (*a* → *e*) «пить — попить»; чеч. *кхуосса* — *кхисса*

(*yo* → *y*), баиб. *кхоса* — *кхепса* (*o* → *ep*) «бросить — бросать» и т. д.

Кроме того, путем изменения звукового состава основы глагола происходит образование форм, требующих субъекта мн. ч.: чеч. *хьаж* — *хьовса* (баиб. *хьачла* — *хьапса*) «посмотреть (один) — посмотреть (многим)»; чеч. *саца* (инг. *саца*) «остановиться (один)» — *совца* (инг. *совца*) «остановиться (многим)»; чеч. *дада* (инг. *дада*) «побежать (один)» — *довда* (инг. *довда*) «побежать (многим)» и т. д.

Таким образом, различаются флексии двух типов: исторические, обусловленные агглютинативным образованием грамматических форм, и формообразующие.

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... стр. 492.

Однако надо думать, что в древний период развития нахских языков в них имела место флексия, служившая для образования новых лексических единиц; ср. чеч. *йокба* — *йекба* (*o* → *e*) «сушь, засуха — сухой (ая)»; *жа* — *жу* (*a* → *y*) «ста-

до (овец) — овца»; *ц/у* — *ц/уе* (*y* → *ue*) «кровь — красный» и др. Природа этого типа флексий неясна, и она требует дополнительного исследования. Вместе с тем, исходя из приведенных выше данных современного состояния нахских языков, мы можем заключить, что в нахских языках преобладает агглютинация, а флексия в них развита в меньшей степени и, за редким исключением, не является действующим фактором слово- и формообразования. В меньшей степени флексия проявляется в диалектах нагорной Чечни, в частности чеберловском. Более она развита в чеченском плоскостном диалекте, легшем в основу чеченского литературного (письменного) языка.

В целом рассмотренные факты говорят о смешанном агглютинативно-флективном типе морфологии нахских языков, с возрастающим преобладанием флективности в литературном чеченском¹.

ГЛАВА IV

СЛОВСОЖЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 13. Общие сведения

Словосложение как способ словообразования довольно активно функционирует в сфере существительных. В сложных существительных представлены различные области лексики: топонимика, ономастика, общественно-политическая и научно-техническая терминология и т. д.

Наиболее архаичный слой лексики нахских языков падает на имя существительное. Вместе с тем имя существительное — наиболее пронизываемый раздел в отношении заимствований из других языков. Отсюда наличие в сфере существительного большого числа композитов с компонентами, отображающими древнейшие понятия и представления нахских народов, а также многочисленных неологизмов, обозначающих достижения современной науки и техники и являющихся кальками с русских и интернациональных образцов. Встречаются также

¹ В этой связи заслуживает внимания тезис Г. А. Климова о том, что в восточнокавказских языках, куда он включает и нахские языки, черты флективности нарастают «постепенно с юга на север, достигая своего максимума в аварском и нахской подгруппе». («Кавказские языки», стр. 52).

многочисленные заимствования из русского, тюркского, персидского и арабского языков, восходящие к разным эпохам.

По характеру грамматической связи между компонентами сложные существительные делятся на следующие типы:

1. **Сложные существительные определительного типа** — один из компонентов которых (обычно первый) диахронно является определением, выраженным качественным и относительным прилагательными, существительным в форме посессива, числительным, а также причастно-деепричастными формами глагола. Второй компонент в таких композитах служит определяемым, выраженным, как правило, именем существительным. Примеры: *кзор/а/кхокха* «горлянка» («глаз-хоч голубь»); *дечгпондар* «горская балалайка» («деревянная гармонь»); *дестие* «мачеха» («отца жена»); *ях/у-ма* (инг. *ях/ама*) «кушанье» («кушающий предмет»); *шувсте* (инг. *шуст*) «волово упряжь» («два вола, быка») и т. д.

2. **Сложные существительные сочинительного (копулятивного) типа**, компоненты которых грамматически независимы друг от друга и восходят к ряду однородных членов предложения: *ков-киерт* (инг. *ков-керт*) «усадыба» («ворота-забор»); *глаз-куотам* (инг. *глаж-куотам*) «домашняя птица» («гусь-курица») и т. д.

3. **Сложные существительные сложно-синтаксического типа**, являющиеся результатом превращения сложных образований в имена существительные, независимо от грамматической категории второго компонента. Таковы: *кагтуху* «грабли»; *ц/иетуху* «огниво»; *дубхьлоцу* «налыгач» и др., вторым компонентом которых выступает причастие.

4. **Сложносокращенные образования (аббревиатуры)** различных типов. Аббревиатуры в чеченском и ингушском языках возникли после создания письменности для этих языков и являются преимущественно кальками с русских образцов на заимствования из русского, например, *нохч/а/аг/зорб* «Чечингиздат — Чечено-Ингушское издательство», *комсомол* «комсомол», *сберкасса* «сберкасса», *госбанк* «госбанк» и др.

Кроме того, встречаются различные типы сложных лексем, являющихся результатом повторов разных по грамматической и фонетической структуре основ. Сложные существительные по фонетической структуре составляющих частей подразделяются на полносложные (*к/антстаг* «парень», «мальчик-человек» и др.) и неполносложные (*ц/еракиема* «пароход» и др.).

Композиты-существительные состоят главным образом из двух компонентов, но встречаются (редко) и трехкомпонент-

ные композиты: см. топоним *ц/ай/пхьеда* (*ц/ай* «святыня, божество», *пхье* ← *пхьа* «село, населенный пункт», *да* (→ *та* → *г/а*) послелог «на»); *лаждарбуц* (*лаж* (← *ларж*) «черный», *дар* «делающий», *буц* «травы») и др.

Компоненты некоторых композитов претерпели фонетические изменения. Чаще это наблюдается в первом компоненте сложных существительных определительного типа.

Происходят следующие фонетические изменения в первых компонентах композитов определительного типа: редукция концовок (*нохч/а/аг/баж* (← *нохчий/а/аг/баж*) «сорт тыквы», букв. «чеченская тыква»; *дечгпондар* (← *дечиг/а/пондар*) «вид горской балалайки», букв. «деревянная гармонь»; перегласовка корневых гласных: *глодаюк* (← *гладаюк*) «талия», букв. «стана середина», *дэда* (← *дида*) «дедушка по отцу» («отца отец») и др.

Компоненты иных композитов-существительных (к таким относятся преимущественно компоненты композитов сочинительного типа: *текх-цаца* «корыто-сито», *кад-лайг* «чашка-ложка» и др.) индифферентны к фонетическим изменениям.

§ 14. Сложные существительные определительного типа

Сложные существительные данного типа генетически восходят к синтаксическому словосочетанию типа определение + определяемое. Синтаксическая связь между членами словосочетания определительного типа продолжает ощущаться и после превращения его в сложное слово. Некоторые исследователи немецких композитов (М. Д. Степанова и др.) такую связь между членами композита назвали «синтаксикоподобной». Этот термин применим и к нахским композитам определительного типа.

В качестве первых компонентов в таких сложениях выступают разные части речи: имена существительные (чаще в форме косвенных падежей), прилагательные (как качественные, так и относительные), деепричастно-причастные формы и числительные. Второй компонент обычно выражен существительным.

§ 15. Сложные существительные определительного типа с первым компонентом-существительным

Как уже было указано, существительное в функции первого компонента-определения преимущественно выступает в форме род. п. единственного числа. В отдельных случаях пер-

вые компоненты не имеют притяжательного окончания и представляют собой исходную форму (им. п. ед. ч. и редко мн. ч.): *к/антстаг* «парень», букв. «мальчик, человек», *куон-даркхуоба* «вид фасоли», букв. «куст-фасоль», *нохчглабака* «тыква» (особый сорт), букв. «чеченская тыква» и др.

Форму им. п. имени существительного мы рассматриваем как основную, исходя из синхронного состояния языка. Рассмотрение этого вопроса в диахронном плане показывает иную структуру основы существительного, как исходную, которая выявляется в формах косвенных падежей. Например, слово *дуог* (инг. *дуог*, баб. *док/*) «сердце» здесь приведено в форме им. п. современных нахских языков. Однако в своем первоначальном обличье (*даг*) оно представлено в формах некоторых косвенных падежей; дат. п. *даг-на* «сердцу», эрг. п. *даг-уо* «сердце», вещ. п. *даг-ах* «о сердце», местн. п. *даг-ие* «на сердце» и т. д.; см. также *буолх* (им. п.) «работа», но: дат. п. *балх-ана* «работе», эрг. п. *балх-уо* «работе», местн. п. *балх-ие* «на работу» и т. д. Изменение первоначальной структуры именных основ, как указывают Ю. Д. Дешериев и Д. С. Иманайшвили, вызвано вторичными чередованиями (ассимиляцией), перестроившими первоначальную структуру именных и глагольных основ нахских языков¹.

Иногда встречаются композиты-существительные с первым компонентом существительным в форме мн. ч. им. п., например: *кешьюкз* «переулок», букв. «ворота середина», т. е. «проход между воротами»; *глашьюкз* «промежность», букв. «шаги середина» и др. В зависимости от того, оформлен или не оформлен первый компонент в косвенном падеже, подразделяем сложные существительные данного типа на оформленные и неоформленные сложения имен существительных (иначе: на неполносложные и полносложные композиты-существительные).

§ 16. Оформленное словосложение имен существительных с первым компонентом-существительным

В качестве первого компонента в таких сложениях выступает имя существительное, оформляемое в род. п. при помощи обычных притяжательных флексий *а, е, и, уо/у* и др. (назальные), или *а, е, и, аь, уь* и др. (неназальные), например:

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... стр. 27 и др.

наьнамайра (инг. *наьнамар*) «отчим» («матери муж»); *даьда* (инг. *даьда*) «дедушка» («отца отец»); *йишк/ант* (инг. *йишк/ант*) «племянник» («сестры сын»); *вешк/ант* (инг. *вешк/ант*) «племянник» («брата сын»); *ц/ийда* (инг. *ц/ийда*) «хозяин дома», букв. «дома хозяин», *ц/инана* (инг. *ц/инана*) «хозяйка дома», букв. «дома хозяйка» (ср. «домохозяйка»); *тедечиг* (инг. *тевординг* букв. «нити арба», чеч. *теда-чиг*, кист. *тейкуочиг* «катушка ниток») букв. «нити дровинка»; *хидахка* (инг., кист., акк. *хидахка*) «ондатра», букв. «водянаямышь»; *хибад* (чеч. *хибад*, кист. *хибад*) «кулик», букв. «воды утка»; *хибуц* (кист., акк. так же) «водоросль», букв. «воды трава»; *хичуо* (инг. *хичуо*) «волосатик», букв. «воды волосинка»; *клирадие* (чеч. так же, инг., кист. *клиранди*, акк. *клирен-дие*) «воскресенье» («воскресенья день»); *стуна* (чеч. так же, кист., акк. так же) «теща» («жены мать»); *студа* (чеч. так же, инг., акк., кист. *устда*) «тесть» («жены отец»); *стуйиша* (инг., акк. *устийиша*, кист. *устйоша*, баб. *устйошо*) «свояченица» («жены сестра»), *стуваша* (чеч. *стувашо*, инг., акк., кист. *уствоша*) «шурин» («жены брат»); *стун-ц/а* (чеч. так же, акк. *устц/а*) «дом жены»; *уьндечиг* (чеч. *ундачиг*, инг. *наларсанаг/*) «порог»; *бетт/а/са* (чеч. *баттиса*, инг. *бетт/а/сиердал*) «лунный свет» («луны свет»). В этих примерах первый компонент оформлен в род. п. (в чеченском). Такому оформлению первого компонента не всегда соответствуют формы первых компонентов в параллелях из других близкородственных языков и диалектов, например, инг., акк., кист. *уствоша, устийиша, йоша* и др., где первый компонент имеет форму им. п.

В отдельных примерах падежные окончания в первых компонентах выпадают, например: *пхьарц/ерг* («*пхьар-ан* *ц/ерг, ан* — формант род. п.) «клык»; *мер/уьрг* («*мер-ан* */уьрг, ан* — формант род. п.) «ноздря» («носа дыра») и т. д., а конечный гласный звук — формант — подвергается в отдельных случаях деназализации, что может служить подтверждением известной тенденции многосложных слов к сокращению. В ингушском процесс деназализации конечных гласных окончаний почти завершился. В чеченском назальность в основном сохраняется в окончаниях односложных слов. Первые компоненты в форме род. п. в приведенных композитах служат показателями того, что их реалити принадлежат предме-

ты, обозначенные вторыми компонентами. Этот факт находит опору в синтаксическом словосочетании с первым членом в притяжательной форме; ср. например, *Ахмада́ клант* «Ахмада сын», *Султана́ йол* «Султана дочь» и т. п.

Реалиями первых компонентов могут быть разные предметы: люди, части тела и т. д.

Особо надо отметить оформленные композиты-существительные с первым компонентом — относительным прилагательным, выраженным также формой род. п. и указывающим на материал, из которого сделан предмет, означенный вторым компонентом¹. Например: *дечг/а/ маьнга* «топчан», букв. «деревянная кровать» (здесь первый компонент *дечг/а/* поставлен в род. п.; им. п. — *дечиг*); *аьчг/а/ маьнга* (первый компонент *аьчг/а/* «железный» в род. п.; им. п. *эчиг* «железо») «железная кровать»; см. также *аьчг/а/ пхьар* «кузнец», букв. «железа мастер», то есть «мастер по железу»; *дашюпхьар* «ювелир», букв. «золота мастер», то есть мастер по золоту; *дечг/а/ пхьар* «столяр» («дерева мастер»). Как видно, значения последних трех композитов не имеют предметной соотносительности, в основе их лежит переносное значение.

Рассмотренные сложные существительные мы квалифицируем как оформленные, исходя из того, что первый компонент их материально оформляется в род. п.² и между частями их существует ощутимая притяжательная связь.

Здесь нужно отметить композит с первым компонентом-существительным в форме дат. п. с послелогом — *тла* — *уьн-тлапхьид* (*уьн* ← *у* «доска», *н* — формант дат. п., *тла* — послелог («на»), *пхьид* «лягушка», букв. «лягушка на доске»). В аккинском, ингушском, кистинском понятие «черепаха» выражено композитом с иным, чем в чеченском плоскостном диалекте, первым компонентом, имеющим иную форму падежа без послелога *тла*; ср. кист. *кедарпхьид* — *кедар* («чашка», *р* — формант исходного падежа); *пхьид* «лягушка», инг. *буогапхьид* (*буога* «миска», *пхьид* «лягушка»), акк. *кадпхьид* (*кад* «чашка», *пхьид* «лягушка»). Грамматическая связь между компонентами в последних двух диалектах затемнена, что затрудняет определение формы падежа первого компонента.

¹ Как правило, относительное прилагательное выражается в нахско-абхазских языках формой род. п.: ср. *кехата куй* «бумажная шапка» от *кехат* «бумага»; *дечга лайг* «деревянная ложка» от *дечиг* «дерево» и др.

² При этом оговариваем случаи, где формант притяжательности подвержен редукции.

компонента. Надо, однако, полагать, что в чеченском мы имеем форму дат. п., а в кистинском форму исх. п.; на вероятность такого предположения в отношении чеченского языка указывает звукоэлемент *-н* в исходе первого компонента *уьн* (им. п. *у*). Легко усмотреть форму падежа первого компонента в варианте этого слова из кистинского диалекта — *кедарпхьид*, где первый компонент *кедар* имеет ясно выраженную форму исх. п. с обычным формантом *-р*.

Встречаются случаи, когда первый компонент имеет форму других косвенных падежей, например, мест. п.; см. примеры, в которых первый компонент оформлен в напр. п. с формантом *-л(а)*: *ц/улласара* (инг. *ц/уонсарг*) «прут вербы» (*ц/у* «священный», *л* — формант напр. п.); *ц/улладечиг* (инг. *ц/уондахча*)¹ «верба»; *лаьвл/а/лаж*² «яблоко зимнего сорта» («зимы яблоко»); *лаьвл/а/кхуор* (чеч. *лавл/у/ кхуор*, акк. *лавлкхуор*, кист. *лаьнкхуор*) «груша зимнего сорта» («зимняя груша»)³; *ловл/а/лахар* (чеч. *лавл/у/лахар*, инг. *ловлар*) «ягненок зимнего окота» («зимы ягненок»); *лаьвл/а/буьччалг*⁴ «колосье» («зимы нарос»). Как указывалось выше, наблюдается процесс дефлектизации первых компонентов-существительных (см. примеры выше). Это прежде всего относится к компонентам в форме род. п., которые подвержены усечению своих притяжательных флексий. Данное обстоятельство служит свидетельством спаянности компонентов композита и их внешней оформленности. Часто бывает трудно отграничить композиты определительного типа с первым компонентом, подвергшимся усечению падежного форманта, от композитов сочинительного типа. Но встречаются композиты-существительные, первый компонент которых не оформлен. Такие сложные существительные мы выделяем в особую группу не-оформленных сложных существительных.

¹ В ингушских примерах первый компонент оформлен в род. п. с формантом *-н*. Можно допустить, что *л* (в чеченском) восходит исторически также к *н*.

² Первый компонент восходит к *ла* «зима».

³ Понятия *лаьвл/а/кхуор* и *лаьвл/а/лаж* в ингушском выражаются описательно — *лай буа кхуор* «зимой съедаемая груша», *лай буа лаж* «зимой съедаемое яблоко».

⁴ Компонент *лаьвл* (+ *ла*) в данных примерах подвергается перегласовке: *а* → *аьн/*-ов, что вызывает затемнение семантики этого слова-компонента.

§ 17. Неоформленное словосложение имен существительных с первым компонентом-существительным

Первый компонент-существительное в таких сложных существительных сочетается со вторым компонентом в виде чистой основы (в форме им. п.), без каких-либо притяжательных формантов, например: *цергков* «щербина на месте выпавшего зуба» («зуб ворота»); *кахъар* (инг. *келхъар*) «ручная мельница» («рука мельница»); *дукъарц* «заноза» («ярмо стропила»); *ниелсагла* (инг. *наьларсанагл*)¹ «косяк двери» («двери угол»); *марда* (инг. *маьрда*) «свекор» («мужа отец»); *марнана* (инг. *маьрнана*) «свекровь» («мужа мать»); *марваша* (инг. *маьрвоша*) «деверь» («мужа брат»); *маьрийиша* (инг. *маьрийиша*) «золовка» («мужа сестра»). Интересно отметить, что компонент *мар* в иных композитах оформляется в род. п., например: *меразуда* «замужняя женщина», букв. «мужа женщина»; *мерайуол* «падчерица», букв. «мужа дочь»; *мериклант* (инг. *маьравуол*) «пасынок», букв. «мужа сын». В этих композитах слово *мар* представлено в древнейшей форме (правда, с перегласовкой корневого *a* → *аь/е*), которая сохраняется в настоящее время в ингушском, кистинском, аккинском и других диалектах и бацбийском языке в самостоятельном употреблении. В чеченском литературном языке слово это в настоящее время в самостоятельном употреблении наличествует в виде *майра*. В данном обличье оно приобретает иную парадигму склонения, сходную с парадигмой склонения качественного прилагательного или существительных четвертого склонения, то есть во всех косвенных падежах к основе наращивается элемент *ч/у'*:

Им.	<i>майра</i>	«муж»
Род.	<i>майра-чу</i>	«мужа»
Дат.	<i>майра-чунна</i>	«мужу»
Акк.	<i>майра-ч-уо</i>	«мужем»
Твор.	<i>майра-ч-уь-нца</i>	«мужем»
Мест.	<i>майра-ч-уь-нга</i>	«мужу»
Сравн.	<i>майра-чу-л</i>	«мужа»
Соедин.	<i>майра-чу-х</i>	«мужем», «о муже»

¹ Здесь и в композите *келхъар* первые компоненты в ингушском сохраняют следы оформленности (см. формант *-л* в первом компоненте композита *келхъар* и *-ра* в исходе первого компонента композита *наьларсанагл*).

Таким образом, в свободных словосочетаниях компонент *майра* оформляется в род. п. согласно указанной парадигме, например: *майра-чу дуоттагла* «мужа друг», *майра-чу куоч* «мужа рубашка» и др.

Полносложные композиты-существительные по характеру структурно-генетических особенностей первого компонента можно подразделять на два типа:

1. Композиты-существительные, первый компонент (существительное) которых сочетается со вторым компонентом в изначально неоформленном виде, то есть в виде чистой основы, что является свидетельством древности данного слова, восходящего по времени к аморфному строю нахских языков.

2. Композиты-существительные, в которых первый компонент-существительное изначально был оформлен, но впоследствии деформировался, так как в процессе долгого употребления износился падежный формант.

Провести резкую грань между указанными двумя типами сложений трудно, поскольку в том и другом случае первые компоненты выступают без флексий. Надо полагать, что к первому типу относятся композиты с первым компонентом, восходящим к древнейшему слою лексического фонда нахских языков, с такими, как *цие* (< *церг*) «зуб», *мар* (< *майра*) «муж», *ка* (< *куьг*) «рука» и т. д.

Ко второму типу могут быть отнесены композиты с первой частью, относящейся к более позднему лексическому пласту. Сюда мы относим слова, обозначающие орудия труда, продукты животноводства, понятия, относящиеся к земледелию, и т. п. Таковы первые компоненты *дукъ* «ярмо» (см. *дукъарц*, инг. *дукъоарц*, акк. *дукъгаз* «заноза»); *тлуо* «сметана» (см. *тлуобиерам*, инг. *тлайбиерхл* «сметана с творогом (блюдо)»); *блал/блуо* «войско» (см. *бланакъуост* «соратник по оружию»); *глал/а* «город», см. *глалглазкхи* «казак» («города казак») и т. д. С другой стороны, важным отличительным признаком бывшей оформленности компонента может служить и наличие в его основе перегласованного гласного звука как результата морфологического изменения слова; см., например, компонент *маьр* (< *мар*, *аь* < *а*) «муж» в композитах: чеч. *маьрийиша*, инг. *маьрийиша* «золовка» («мужа сестра»); см. также инг. *маьрнана* «свекровь» («мужа мать»); *маьрда* «мужа отец» и др.

Дефлектизация, или износ падежного (притяжательного) окончания первых компонентов, совершается следующим образом: гласные окончания род. п., как уже было сказано, подвер-

гаются деназализации, то есть такие гласные теряют носовой оттенок, ср. *нен/а/да* вместо *ненан да* «дедушка» («матери отец»); *к/ент/а/клант* вместо *к/ентан клант* «внук» («сына сын»); *аьчг/а/ниекъ* вместо *аьчган ниекъ* «железная дорога» («железа дорога») и т. д.

Но данный процесс этим не ограничивается, а идет дальше: вслед за утерей назальности происходит частичная или полная редукция гласного окончания. Так, например, сильной редукции подвержены окончания первых компонентов в следующих композитах: *йилбазговр* «стрекоза» («черта лошадь, конь»); *букъсурт* «позвоночный столб» («спины рисунок»); *букъдаь/хх* (инг. *букът/лехк*) «спинной хребет» («спины кость») и др. Этот факт закреплен в орфографии: первый компонент этих композитов принято писать без окончаний.

Ярче этот процесс прослеживается на примерах первых компонентов, где при редукции притяжательного окончания сохраняется наращенный звукоэлемент *р* как мертвый реликт косвенных форм слов. Таковы: *б/аьр/а/са* (инг. *б/аргиса*) «зрение» («глаза свет»); *кер/а/йукъ* (инг. *т/аьрйукъ*) «ладонь» («руки середина»); *ц/ерпушта* (инг. *ц/ермашин*) «поезд» («огня почта»); *ц/еркиема* «пароход» («огня судно») и т. д.

Как видно, первые компоненты в отдельных композитах определительного типа подвергаются фонетическим изменениям — перегласовке, наращению, усечению концовок. Выше приводились примеры, где первые компоненты, представляющие собой изначально нефлектированные основы, не подвергаются таким изменениям. Сложные существительные определительного типа как с изначально нефлектированными, так и дефлектированными первыми компонентами имеют внешнее сходство с некоторыми сложными существительными сочинительного типа. Отсюда возникает значительная трудность в различении определительных композитов данного типа и некоторых композитов сочинительного типа только на базе внешних факторов. Однако различение композитов указанных типов можно провести, исходя из лексико-грамматических соотношений между компонентами композитов. Например, между компонентами композита *ниелсагла* «двери косяк» ярко выраженное притяжательное отношение, то есть мы легко угадываем, что предмет, обозначенный вторым компонентом, является принадлежностью реалии первого компонента. На это указывает также ингушский вариант этого композита — *наларсанаг/*, где первый компонент дан в форме косвенного (родительного) падежа (на

это указывает, как было уже сказано, наращенный элемент *-р* в исходе первого компонента). Иное соотношение мы видим между компонентами композита *к/алдаьтта* (инг. *даьтк/лодар*) «название блюда, состоящего из масла и сыра». Части этого композита восходят к однородным членам предложения *к/алд* «сыр», *даьтта* «масло» и их реалии не могут принадлежать друг другу: между ними (компонентами) не было подчинительной связи, они просто сопологаются. Композит этот возник на основе сращения однородных членов предложения — *к/алд*¹, *даьтта*; см. также *к/алдмарза* «молозиво» (от *к/алд* «сыр», «творог», *марза* «сыворожка»); *буобер* (от *буо* «беспризорный», *биер* «ребенок») и т. д.

К неоформленным следует отнести также композиты-существительные определительного типа, восходящие к сочетанию с первым компонентом — приложением, выраженным существительным. Таковы: *буг/к/уорни* (инг. *буг/к/уориг*) «буйволенок», («буйвола детеныш»), *гомашк/уорни* (инг. *гамашк/уориг*), букв. «буйволыцы детеныш», *н/аьн/а/к/уорни*, инг. *борг/алк/уориг* («петушок», «петуха детеныш»); *йуолстаг* «девушка» («девочка-человек»); *к/лантстаг* «парень» («парень-человек»); *динбекъа* (инг. *дибакъилг*) букв. «конь-жеребенок»; *кхелбекъа* букв. «кобыла-жеребенок»; *элаэпсар* (инг. *аьла-эпсар*²) букв. «князь-офицер».

Компоненты этих композитов, представляющие собой семантически прозрачные основы, настолько срослись, что с точки зрения современного языкового сознания воспринимаются как единое целое, а не как определение — приложение и определяемое. Былое соотношение между компонентами данных сложений восстанавливается лишь путем историко-лингвистического анализа. На данном этапе композиты этого типа трудно отличить от композитов сочинительного типа. Главное ударение в таких композитах локализуется на ударном слоге первого компонента, а второстепенное ударение — на ударном слоге второго компонента. Они также характеризуются интонационной цельностью.

См. тексты из художественной литературы с композитами, где первый компонент — существительное разных фонетико-грамматических структур.

Дог/а даза дукха хан йолуш х'аьжк/а/ш мажъеллера, г/ийла лаьттара, лод х'аьрчина о/лаеллера, латта дакъа —

¹ Конечный *д* выпадает на стыке соединения данного компонента со вторым компонентом *даьтта* «масло».

² Вторым компонент *эпсар* восходит к русскому «офицер».

дела лилхинера. «Оттого, что давно не было дождя, кукуруза пожелтела, и стояла вяло, листья, скрутившись, повисли, земля потрескалась от засухи».

Цул тлабхъа йоккха хан ялале юххехъо стелахъштиг туьй-хира, инзаре боккха кхакха батлош санна, дукха члогла тата и доккхуш. «Вскоре после этого неподалеку, будто порвалась большая овчинная шкура, ударила молния».

Не! херйинчухула доттагичуьнга топ дла а елла, урамнов-кха велира Удди. «Через дверную щель, отдав ружье другу, на улицу вышел Удди».

Сайн карахъ шалготоп хилчахъана жинаш кховха, элазп-сар а хлумма а йоцург хета суна. — элира Уддис, коьртара куй маьлаг саттийна раз а боккхуш. «Когда у меня в руках двухствольное ружье, не только с нечистыми духами, с князем-офицером я не считаюсь», — сказал Удди, искривив шапку тем, что загнул ее верхний край».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Хлусамнана цлийнконалла дичхъана йолу, амма массар-на а даар. духар латто дезарг майра ву. «Домохозяйке только домоводством заниматься, а обеспечивать всех питанием и одеждой должен муж».

Собаре а, векхавелла а, волу хлусамда шайца къамеле валарой, машинахъ некъ барой кхетаме валийнера ши хъаша. «Разговорчивость терпеливого и обходительного хозяина (букв. домохозяина), езда на машине привели двух гостей в чувство».

(Н. Музаев. Марш смелых).

§ 18. Сложные существительные с первым компонентом — качественным прилагательным

Сложные существительные этого типа восходят к словосочетаниям типа: определение + определяемое, где первый член выражен качественным прилагательным, обозначающим различные признаки — цвет, вкус, объем. Таковы композиты: муьст/а/биерам (инг. мистбиерхла, чеб. муьстбиерам) «рассол из сыворотки», букв. «кислый рассол»; лаьрж/а/хъач (инг. лаьржхъач, чеб. ларжихъач) «чернослив», букв. «черная слива»; къор/а/кхокха (инг. къоркхокх) «горlinkа» и т. д.

При этом, как видно из примеров, основы прилагательных выступают в чеченском в модифицированном виде с палатальными гласными *уь, аь* в основе — *муьста* «кислый», *лаьржа* «черный», возникшими в чеченском после распада общенарского языка-основы¹.

В своем первоначальном обличье компоненты-прилагательные даны в чеберловском диалекте — *ларж, мусти*² и т. д. В чеченском в данном (первозданном) обличье компоненты — качественные прилагательные даны в глагольных композитах — *ларжда* «черный сделать», *муьста* «кислый сделать»; см. также: *мажда* «желтый сделать», *цланда* «чистый сделать»; *мацда* «голодный сделать» и т. д. В самостоятельном употреблении качественные прилагательные из этих примеров также выступают в модифицированном виде: *можа* (← *маж*), *лаьржа* (← *ларж*), *муьста* (← *муст*), *цлен* (← *цлан*), *меца* (← *мац*)³.

Композиты этого типа обладают идиоматичностью. Идиоматичность композитов данного типа определяется тем, что первый компонент-прилагательное перестает восприниматься в своем первоначальном значении признака, теряет функцию определения, органически сливаясь со вторым компонентом в единое, семантически и грамматически нерасчленимое целое. Значение признака отодвигается на задний план. Номинативная функция в сложении превалирует. Второй компонент таких композитов несет в себе основное значение.

Среди композитов данного типа встречаются также и такие, которые по своей структуре восходят к словосочетанию, употребленному в переносном значении, откуда отсутствие соотношенности их значения с реальными. Таковы: *лаьрж/а/блаьрг* (инг. *лаьржклаьд*, чеб. *ларжибларг*, акк. *лаьрж/а/блаьрг*) «фурункул», букв. «черный глаз». В этом композите оба компонента не имеют соответствия с реальными. Однако встречаются и такие композиты, в которых лишь один (первый) компонент употреблен в переносном значении. Таковы, например, *лаьрж/а/у* (акк. так же, кист. *лердж/а/у*, чеб. *ларжиу* «чума») «черная чума». Полукалькой с арабского является

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков...

² См.: А. Г. Мациев. Чеберловский диалект. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 6, вып. 2. Грозный, 1965, стр. 57.

³ См. по данному вопросу: Д. С. Иманайшвили. Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской (чеченской) группы...

комполит *астаг/гэлл* (инг. *астаг/галан*) букв. «хромая буква»¹.

Переносное употребление словосочетания может быть вызвано разными причинами. Так, например, в основе композита *астаг/гэлл* («хромая буква») лежит, видимо, название данное по сходству формы.

В основе некоторых композитов лежит переносное значение как по сходству функции, так и по внешнему виду. Таковы, например, композит *бубьхалума* (инг. *блехал*) «змея» и «грязная вещь, предмет».

Композиты данного типа по своей структуре относятся к полносложным, что обуславливается особенностью нахского качественного прилагательного-определения, у которого в начальной форме отсутствует материальный показатель согласования с определяемым-существительным. Правда, иные компоненты-прилагательных подвергаются усечению концовки *астаг/гэлл* (→ *астаг/а/элл*) и др.

Композиты данного типа состоят в основном из двух компонентов.

Исходя из семантической структуры компонентов, композиты данного типа (как те, у которых первый компонент — качественное прилагательное, так и те, у которых первый компонент — относительное прилагательное) можно подразделять на две группы.

В первую группу отнесем композиты, где первый компонент имеет прозрачную семантику. Таковы, например, композиты с первым компонентом — качественным прилагательным: *к/юмбиерам* (чеб. *к/юмбиерам*, акк. *к/юмбиерам*) «острая подливка из чеснока» («горькая подливка»); *миерзч/лара* (инг. *маджч/лара*, чеб. *марзинч/лара*, акк. *мерзачабакх*) «рыбасущ» («вкусная, сладкая рыба»); *лаьржак/ла* (инг. *эрсик/ла*, чеб. *ларжик/ла*, акк. *лаьржак/ла*) «рожь», букв. «черная пшеница»; *т/едактамкварг* (инг. *т/аьдактамирг*, чеб. *т/аьденктамкварг*) «пищевод», букв. «мокрый пищевод»; *лаьржаб/лаьр* (акк. так же, инг. *лаьржак/лаьд*, чеб. *ларжиб/лариг*) «фурункула», букв. «черный глаз»; *лаьржау* (акк. так же, чеб. *ларжиу*, кист. *ларджай*). «чума», букв. «черная зараза»; *мерз/а/лаж* (инг. так же, акк. так же, чеб. *лаж*) сорт яблока, букв. «сладкое яблоко».

мусть/а/лаж (акк. так же, чеб. *мусти/лаж*, кист. *муьста/ладж*) — сорт яблока, букв. «кислое яблоко»; *т/едагай* (инг. *шоаршк*) «желудок», букв. «мокрый желудок»; *лаьржат/ладам* «пики», букв. «черная точка, пятно»; *акхакуотам* (инг. *акхакуотам*) «фазан», букв. «дикая курица»; *хьаьрсахьач* (чеб. *хьарсехьач*, инг. *хьарсахьач*, акк. *хьаьрцхьач*) «алыча», букв. «рыжая слива»; *лаьржахьач* (акк. так же, чеб. *ларжихьач*) «чернослив», букв. «черная слива» и т. п.

См. также композиты с первым компонентом — относительным прилагательным: *ниелармача* «обувь из сыромятной кожи», букв. «кожи обувь»; *мангалкомар* «ежевика», букв. «кошьягода»; *чайтал* (инг. *чайтолг*) «медвежонок», букв. «медведь дитя»; *чаг/ларкгонза* «винный уксус» и т. д.

*Цу хьаннийн кортошкахь кьоркхокхий декаш,
Лазьелла еар, тов, блаьстенан ва суьйре.
«На этих лесных вершинах горлинки воркуя,
Украшившись пришел весенний вечер».*

(Из фольклора).

*Вешина деш дериг
Шен даго ца лайна,
ц/юькчалом ва санна,
Ша араиккхи, бах,
И баьчча ва Балу.*

*«Над братом делающее
Своим сердцем не перенося,
Подобно тигру (букв. полосатый лев)
Выскочил, говорят,
Этот бачча Балу».*

(Из фольклора).

Руслан, чухчахьера ма лакхазьла...

*«Руслан, как высоко поднялась Малая Медведица...»
(М. Мусаяев. На рассвете).*

При семантической прозрачности первого компонента легко устанавливается также его лексико-грамматическая структура.

Так, в названных композитах с прозрачной семантикой легко установить принадлежность первого компонента к относительным или качественным прилагательным.

Такое разграничение компонентов невозможно провести в тех случаях, когда их семантика затемнена. Этот факт на-

¹ Такое название дано букве *гамза* арабского алфавита, второй компонент этого композита — *элл* восходит к арабскому *алиф* (название первой буквы арабского алфавита).

глядно иллюстрирует единство формы и содержания, грамматической и семантической структуры слова как единицы языка, взаимообусловленность внешних и внутренних факторов языка.

См. примеры композитов с первыми компонентами, семантика которых затемнена: *мук/а/дахка* (чеч., акк. так же «крыса»; *лабдаблахк* (чеч. *алдаблахк*, акк. *лаблахк*) «особый вид кости» (*даблахк/лахк* «кость»); *лонтизурма* — вид музыкального инструмента (зурма «флейта»); *набвициг* «гусеница» (*циг* «кошка»); *цйормала* (чеч. *цйормал(у)* «мелокосса» (*мала* «рожок»); *цлаз/а/нелг* (инг. так же, акк. *цлиц/наблг*) «мизинец» (*нелг/наблг* «палец»); *чухч'а/хьа* «Малая Медведица» (*хьа* «мельница»); *чирба* «чертополох»; *бунуост* (чеч. *буонуост*) «бедренная кость»; *эртханкуол* (чеч. *цертханкуол*) «держи-дерево» (*куол* «кустарник»); *суйлгч'ара* (акк. *суйринчабах*) — вид рыбы (*чабах* «рыба»); *йич'ара* (акк. *йайа*) «сом»; *цинжи* (чеч., кист. *цленджи*, акк. *цленджи*) «овца в возрасте более одного года». Ср. также *цлентуо* (чеч., кист. так же, инг. *цлентув*) в том же значении; *миндаблахк* (инг. *динтлахк*, кист. *вортунтлахк*) «шейный позвонок»; *лонтиз'айглар* (чеч. *лантиз'айглар*) «конь особом породы»; *хьенап/а/шалта* (чеч. *хьанип/а/шалта*) «вид книжки»; *буочаблар* (инг., чеч., акк. так же) «грецкий орех»; *савтберг* (инг. *сартабарг*), «копытный сгиб у лошади».

Весьма редки случаи, когда второй компонент подвергается десемантизации. Таковы композиты: *стигалларч* (семантика второго компонента *ларч* неясна) «небесная высь»; *чайтал* (второй компонент *тал* подвергся десемантизации, но семантика его восстанавливается при сравнении с парами *йуол* «дочь, девушка», *вуол* «сын». Это сравнение показывает, что десемантизация компонента *тал* обусловлена рудиментарным классным показателем *-т*¹ + корневая перестановка (*-а* → *уо*) «медвежонок», букв. «медведя детеныш»; *лерг/а/яхар*² (чеч. *ларгияхар*) «заяц»; *туьтлабжг* (первый

¹ См.: Х. Ошаев. Рудиментарные классные показатели в чеченских языках. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1, вып. 2. Грозный, 1959.

² Можно предположить, что второй компонент *яхар* восходит к *йа* «ягненок». В таком случае данный композит можно этимологизировать как «уха ягненка», то есть «ягненок с ушами» (*лерг* «уха»). Такое толкование соответствует внешнему виду зайца; ср. кабард. *тхьах'а* «заяц» (*тхьах'а* «уха», *х'а* «длинный» — «длинноухий») (ср. М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. Москва — Научная, 1964, стр. 106). Ср. также *лергалахар* (нагтеренный говор), где семантика *лахар* «ягненок» более прозрачна.

компонент *туьта* «череп») «маска»; *нарт'эртхуо/эриштхуо* (инг. *нарт-орстхуо*, чеч. *нартархистхуо*, акк. *нарт-аьриштхуо*)¹ — чечено-ингушское название представителя нартов — легендарных героев нартского эпоса.

Как видим, некоторые из компонентов, подвергшихся в современных нахских языках десемантизации, поддаются этимологизации лишь путем историко-лингвистических разысканий. Результаты таких разысканий в отношении некоторых основ не всегда могут быть успешными. Особенно затруднительными могут быть случаи, когда компонент представляет собой заимствованное и подвергшееся народной этимологии слово.

Ценным подспорьем в этимологических разысканиях может служить сравнительный и сравнительно-исторический анализ данных близкородственных языков и их диалектов. Слово, утерянное в одном из языков (диалектов) той или иной языковой семьи или группы, восстанавливается с помощью другого языка той же группы или семьи. Например, первый компонент композита *буочаблар* «грецкий орех» — *буоча* — не имеет семантической значимости в чеченском литературном языке, аккинском и чеберловском диалектах, тогда как в ингушском его семантика сохраняется как «нежный», «дорогой».

Затемнение семантики компонента композита, как и слова вообще, является результатом долгого и частого употребления, в процессе которого и выветривается значение компонента слова, при этом внешняя форма слова может сохраниться. Частое и долгое употребление как бы стирает внутреннюю форму слова, чему способствует также исчезновение реалий последнего. Таковы, на наш взгляд, компоненты: *цйу/цлай*, *пхьа*, *стиела* (инг. *сиел/а*), *буоча* (чеч.) и другие в композитах *цйулсара*, *цйулдечиг*, *цйайпхьаеда*, *стиелахьаштиг*, *буоч'а/блар* и др.

Встречаются и такие компоненты, затемнение семантики которых обусловлено деформацией фонетического облика в результате фонетических изменений — ассимиляция корне-

¹ Второй компонент данного композита представляет собой название одного из чеченских племен, известного в русских источниках под названием *карабулаки* (из кумыкского). Компонент этот может быть этимологизирован как живущие на поле, равнине, плоскости, если восстановить его первоначальную структуру как *ариенаштлахуо* (*ариенаш* «поля», *тла* — послелог «на», *-хуо* — словообразовательный суффикс лица).

вых гласных, наращений, усечения концовок и т. д. Например значение последнего компонента композита *цлайпхьеда* затемнено для чечено-ингушского языка. Объясняется оно как послелог из кистинского¹, где чеч., инг. *tlue//tla* соответствуют да; ср. *ламда*, *тховда* (чеч. *лаmtlue*, *тховtlue*, инг. *лаmtla*, *тховtla* «на гору», «на крышу» и др.). Иногда этимология частей композита объясняется из разных наречий. Так, например, этимология частей композита-топонима *цлайпхьеда* объясняется из трех языковых единиц нахской группы: баббийского, кистинского и ингушского: бабб., кист. *пхь* (← *пхьа*) «село, населенный пункт», инг. *цлей//цлай* «священный, святой», кист. *да* — послелог «на». Таким образом, дословный перевод данного топонима представляется нам таким: «на город святых» или «на святой населенный пункт» «на святое место» и т. д. Неточность перевода данного топонима как «город божества»², осуществленного археологом А. Исламовым, очевидна из вышеизложенного. См. компоненты *йахар//лахар*, *кба//лкба* (← *йукъ/а/*) и другие в композитах *лерг-йахар* (ср. надтеречный диалект *лергалахар*, где компонент этот сохраняет свою прежнюю фонетическую структуру), *цлуенкба* (← *цлуйнайукъ/а/*) «пол» («середина дома»), *диелкба* (← *оиейукъ/а/*) «полдень» («середина дня») и др.

При этом отметим, что для выяснения семантики слов, подвергшихся десемантизации независимо от фонетических эволюций, необходимо наличие этого слова в самостоятельном употреблении в родственных языках или диалектах.

А для выяснения значения тех слов-компонентов, которые подверглись десемантизации в результате фонетических модификаций, необходимо:

1. Наличие данного слова в самостоятельном употреблении, но уже в недеформированном виде. Это так называемые опорные слова. Так, например, в составе композита *лажда* первый компонент *лаж* (← *ларж*) ввиду выпадения конечного *-р* подвергнут десемантизации, однако наличие в языке опорного слова *ларж* (← *ларж*) способствует реконструкции его первоначального облика и, следовательно, его семантики — «черный». См. также чеч. *йиетшура* (*йиет* — *йет*

на) (ср. кист. *йетина шура*) «простокваша» («свернувшееся молоко») и т. д.

2. Наличие в диалектах композита данного типа, где компонент, подвергшийся деформации в одних диалектах, наличествует в своем первоначальном фонетическом облике, ср. из надтеречного говора *маршмертла* «сопля на носу», *лергалахар* «суха ягненок», где вторые компоненты в отличие от чеченского литературного (*маршмеда*, *лергаяхар*) и некоторых других диалектов не подверглись фонетическим эволюциям и где семантика их выступает прозрачно.

3. Путем исследования фонетических изменений можно реконструировать первоначальный облик деформировавшегося в результате фонетических эволюций слова. Так, например, композит чеч. *диелкба* (инг. *делкба*, *ие* — формант напр. п.). «полдень» исторически возник в результате сращения частей словосочетания *дие* «день», *йукъ* (← *йакъ*, ср. *йаккбаш* «середины») «середина» («дня середина»). При слиянии в композит произошла гаплогия начального сонорного звука — классного показателя *й(а)* (*йот*) второго компонента (ср. также чеч. *цлуенкба* (← *цлуенйакъ*), инг. *цлуенйукъ* (← *йакъ*) «середина пола», где *й* сохраняется). Кроме того, в этом же примере в исходе первого компонента наблюдается переход сонорного *-н* (форманта притяжательности) в сонорный *-л* (см. также чеч. *цлулсара//цлулдечи* (← *цлулсара//цлулдечи*) (ачхой-мартанский говор плоскогорного чеченского диалекта, ср. также инг. *цлонсарг//цлондахча* «божий прут, божье дерево», где *-н* сохраняется).

По нашему мнению, гаплогия *й* вызвана влиянием исторически предшествовавшего ему на стыке двух слов сонорного *-н* — форманта притяжательности, так как факты подобного рода имеются и в современном чеченском, когда чеченцы не произносят *-н* перед *й*; см. *диенйа* (← *диенйа*, ср. инг. *денйие*) «сделать живым»; *хьайна* (← *хьанйа*, ср. инг. *хьанйие*) «сделать жирным» и т. д. Правда, здесь мы имеем факты не только иного порядка: замены *-н*, *й* под воздействием последующего *-й*. Но это явление не противоречит нашему тезису о том, что чеченский язык не допускает стечения *-н*, *й* на стыке двух основ, а, наоборот, подтверждает его.

Семантически затемненными могут быть также компоненты, восходящие к заимствованным словам; ср. *сармасиекх*, инг. *сармасиекх* «чеснок» (из тюркского — *сарм*//*сармар*); ср. ку-

¹ См.: И. Ю. Алироев. Кистинский диалект чеченского языка. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 3, вып. 2. Грозный, 1962.

² См.: А. И. Исламов. К вопросу о средневековых потребностях в оружии в верховье Чанты-Аргуна. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 3, вып. 1. Грозный, 1963, стр. 142.

мык. *сарым* «горький», *сохх* «лук» — «горький лук»; *чабакх* «лара «лещ» (*чабакх* — кумык.), *ч/ара* (чеч. «рыба») — вид рыбы. Как видим, заимствованными могут быть как композиты в целом, так и один из компонентов композита. Во всех случаях для выявления семантики заимствованного компонента необходимо знание языка — источника заимствования или же знание того, что данное слово-компонент означает в языке, из которого оно заимствуется.

Компоненты композита данного типа могут различаться по степени частоты употребления: одни из них более употребимы, а другие менее, встречаются и такие, которые перешли в разряд архаизмов, употребляемых лишь определенной частью населения. Таковы компоненты *сту* (инг. *уст*) «жена», *Мисир* (арабск.) «Египет» в композитах *стуннана* (инг. *уст-нана*) «теща», *стуйиша* (инг. *устийиша*) «свояченица», *стунда* (инг. *устда*) «тесть», букв. «жены отец», *стунваша* (инг. *уст-воша*) «свояк» («жены брат»), *мисирбуолат* «египетская сталь», *мисирмаха* (инг. так же) «египетская игла». Некоторые из первых компонентов данных композитов являются заимствованными из разных языков.

Мисирмаха хилла яйн-кх хью. «Как египетская игла, потерялась ты». *Мисирбуолат санна, ч/огла стаг ву хью*. «Как египетская сталь, крепкий ты человек». (Из разговорной речи).

Указанные композиты *мисирмаха*, *мисирбуолат* почти не встречаются: они стали редко употребительными.

Компонент *сту* самостоятельно употребляется лишь в речи старшего поколения и в фольклоре. В таком употреблении компонент этот имеет значение женщины княжеского, благородного происхождения.

Да эла хиллийца хъан, баба сту хиллийца хъан,
Хъо эла веца хъо, х/ай эла ва Мусост.

«Отец князем был же у тебя, мать княгиней да была
у тебя,

Сам же ты есть князь, эй же Мусост».

(Из чеченского фольклора)

Интересно отметить, что компоненты с затемненной семантикой можно разъединить, внедрив между ними другое слово, чаще всего служебное. Такое разъединение происходит, как

правило, в фольклоре путем внедрения частицы *ва*. Например:

Хъенапа ва шайлта ша буйна ва къуьйлуш, ша ара-хъадир, бах, и баьчча Балу. «Хенапийский кинжал¹ в руке сжимая, убежал, говорят, этот бачча Балу».

При этом отметим, что можно внедрить слово в композит, который подвергся затемнению как в одной, так и другой части. В композит можно вставить также и указательное местоимение «этот, эта». Например:

Хъенапа и шайлта ша буйна къуьйлуш... «Хенапийский этот кинжал в руке сжимая...» (Из фольклора).

Надо думать, что факт внедрения слова в приведенный композит служит показателем отсутствия цельнооформленности последнего, так как имеются композиты с одним десемантизованным компонентом, куда нельзя внедрить слово. Таковы *пхъаркие* «кукурузная метелка»; *ц/интуо* «овца более одного года»; *буоност* «бедренная кость»; *миндаь/хк* «шейный позвонок» и др.

Так называемые посессивные имена, или бахуврихи, относящиеся к сложным существительным определительного типа, не получили особого распространения в современных нахских языках. Сущность бахуврих мы определили выше (см. в введении).

В значении бахуврих употребляются композиты: *ниелар-мача* («обувь из сыромятной кожи»), в переносном значении: «бедный, нищий человек»; *мер/уьрг* («ноздря», букв. «носа дыра»), переносно: «неказистый, невзрачный человек»; *цегков* («щербина на месте выпавшего зуба», букв. «зуба ворота»), переносно: «человек с шербиной» и т. п.

Как было уже сказано, в чеченском в значении бахуврих чаще выступают свободные словосочетания. Таковы, например, сочетания, употребляемые переносно в отношении человека: *кетар/а кач* («воротник шубы»), переносно «некультурный, неотесанный человек»; *куч/а/биехчалг* («платья лоскуты»), переносно: «непутевая женщина»; *говра куорта* («лошади голова»), переносно: «человек с большой головой» и т. д.

В чеченской литературе 30-х годов можно встретить бахувриху *мерама/а*, являющуюся калькой с русского «носо-рот». Среди бахуврих могут встретиться и такие, составля-

¹ Хенапийский кинжал — один из видов чеченского кинжала.

ющие части которых частично или полностью подверглись десе-
семантизации. Таковы: *маршмеда*¹ «сопля на носу», то
есть «сопля»; *туьтм/аьжг* «маска», то есть «некрасивый
человек» и т. д.

§ 19. Сложные существительные с первым компонентом- причастием

Композиты с первым компонентом-причастием² относятся
по своей грамматической структуре к полносложным образо-
ваниям, поскольку их составляющие никакими соединитель-
ными элементами, локализующимися, как правило, в исходе
первого компонента, не связаны, например: *йетшура* (инг. *йе-
ташура*, чеч. *йатешура*, кист. *йетин/а/шура*) «простокваша»
(«сгустившееся, свернувшееся молоко»); *йол/у/цамгар* «за-
разная болезнь» («переходящая болезнь») и т. д.

Причастия в функции первых компонентов выступают в
двух формах времени — в форме настоящего времени (*йол/у/
цамгар*, *йаьрж/а/цамгар*) и форме прошедшего времени (*йет-
шура*, инг. *еташура*, кист. *етин/а/шура*, *хьийн/а/бепиг* «хлеб
из накатанного теста», букв. «накатанный хлеб»). Как видно,
первые компоненты при этом в отдельных случаях подверга-
ются редукции — выпадению временных окончаний, напри-
мер, чеч. *йетшура* (← *йета/йетна шура*), ср. также кист. *йе-
тин/а/шура* и др.

Изменению подвергаются также и вторые компоненты.
Так, например, в композите *дууштуо* «кизильное дерево» на-
чальный согласный глухой звук второго компонента *штуо* на-
стыке с первым компонентом перешел в шипящий глухой звук
-ш (ср. инг. *дуьэсти*, где звук *с* сохраняется).

Тот же процесс, что и в композите *дууштуо*, наблюдается
и в композите *къахъаштуо* «карагач» (от *къахъа/къахъа*
«горький» и *штуо* «кизил»; ср. также инг. *къахъэсти* в том же
значении).

Композиты данного типа состоят в основном из двух ком-
понентов.

¹ Вторая часть данного композита имеет затемненную семантику в
связи с фонетическим изменением (ср. надтер. *маршмерт/а*).

² Причастия в нахских языках не различаются на действительные
страдательные, а различаются на самостоятельные (субстантивированные)
и несамостоятельные. В функции первых компонентов композитов высту-
пают причастия несамостоятельные.

Встречаются композиты данного типа, второй компонент ко-
торых исторически имеет в начале отрицание *ца*, в виде пре-
фикса. Например: *йол/у/цамгар* «заразная болезнь», букв.
«переходящая болезнь»; *яьрж/а/цамгар* «чума», букв. «рас-
пространяющаяся болезнь, недуг». Второй компонент таких
композитов представляет собой отглагольное (масдар-
ное) существительное с обычным масдарным суффиксом -р в
исходе: (*ца*)-*магар*, но в результате опрощения производящей
основы данное слово не воспринимается как отглагольное и
не поддается членению на морфемы, которые органически
слились с производящей основой, образуя одно целостное по-
нятие *цамгар* «недомогание».

Этот компонент имеет одно главное централизующее уда-
рение на первом слоге-префиксе (исторически) *ца-*, который
в настоящее время наше языковое сознание не воспринимает
как префикс в результате тесного слияния его с основой.

По степени слитности компонентов композиты данного ти-
па можно подразделить на две группы:

1. Группа композитов, где компоненты настолько слиты,
что композит по своей структуре приближается к простому
слову. Таковы *дууштуо* (инг. *дуьэсти*) «кизильное дерево»;
етшура (инг. *еташура*) «кислое молоко».

В результате тесного слияния компонентов такие компози-
ты не членятся в нашем сознании на составляющие их части,
чему безусловно способствуют фонетические изменения, про-
исходящие в компонентах (см. выше).

2. Группа композитов, где компоненты в интонационном от-
ношении разделены и легко расчленимы, лишены идиоматич-
ности и близки к синтаксическим словосочетаниям. Правда, в
беглой речи подвергается редукции конечный краткий глас-
ный первого компонента, например: *хьийнбепиг* «хлеб из ме-
шаного теста», *совсийнбепиг* «хлеб из дрожжевого теста». Ре-
дукции не подвергаются конечные слоги первых компонентов
с долгими дифтонгическими гласными: *йеттуокхуоь* «клеше-
вина», *йеттуомолха* «рвотное лекарство» (см. об этом еще в
разделе «Правописание композитов в чеченском и ингушском
литературных языках»).

Некоторые компоненты композитов данного типа «невоз-
можно» ни разъединять внедрением другого слова, ни пере-
ставлять. Эта особенность не может быть доказательством
окончательного перехода данных сложений в разряд компзи-
тов, поскольку части соответствующих словосочетаний также
не поддаются ни перестановке, ни расчленению вставкой дру-

гих слов. С другой стороны, следует отметить, что в устной народной поэзии компоненты некоторых композитов данного типа можно разединить вставкой между ними указательного местоимения «этот», «это», «эта» и частицы *ва*, например: *И хыйна ва бепиг шен тгуьрмига диллина...* «Этот хлеб из мешаного теста в сумку положив...» или *И хыйна и бепиг...* «Этот хлеб из мешаного теста...» и т. д.

Но не во все композиты можно вставить указанные лексемы: некоторые из них отличаются монолитностью. Таковы композиты *йетишур* «простокваша», *дууштуо* «кизил» и др. Некоторые композиты описываемого типа не отличаются внешней монолитностью, то есть цельнооформленностью, так как при постановке их в косвенных падежах причастный компонент получает материальный показатель косвенных падежей, например:

Род. *йолучу цамгаран* «переходящей болезни»
Дат. *йолучу цамгарна* «переходящей болезни»
Акк. *йолучу цамгаруо* «переходящая болезнь» и т. д.

Но, с другой стороны, причастные компоненты могут и не снабжаться падежным формантом при склонении.

В ряде случаев причастные компоненты одного и того же композита могут употребляться при склонении то с материально выраженным показателем косвенной формы (род. п. *йолучун-цамгаран*, дат. п. *йолучун-цамгарна* и т. д.), то без такового (род. п. *йолуцамгаран*, дат. п. *йолуцамгарна* и т. д.). В отдельных случаях мы имеем цельнооформленные композиты с одним постоянным грамматическим (падежным) показателем. Таковы: *етишур* (инг. *еташур*), «простокваша», *дууштуо* (инг. *буьэсти*) «кизил» и т. п. Композиты эти характеризуются цельнооформленностью в широком смысле, охватывающей как внешнюю, так и внутреннюю стороны слова, то есть такой цельнооформленностью, для которой исследователи немецкой грамматики употребляют термин «цельнонаправленность»¹. Этому нельзя сказать в отношении некоторых других композитов данного типа, которые внешне окончательным образом не оформились при их семантической цельности и отнесении к одному определенному парадигматическому классу (см. выше). Данный тип композитов малопродуктивен.

¹ См.: М. Д. Степанова. Словосложение в современном чеченском языке.

Джажалахь бога етшурех хлара лубттар клалд йолу...
«Посмотри, от чаши простокваши получается вот эта цецалка творога».

(М. Мусеев. На рассвете).

*Дависа тешнабехк,
Мел хала хиллера,
Хьо бинчух гойла хьо,
Хан-хене ялале.*

«Ой, да ты вероломство.
Как ты тягостно,
Будь проклят содеявший тебя
В скором времени».

(Из фольклора).

Вот примеры из разговорной речи:

Дууштон гадаьккхира иччархоч шен шаьлтанца. «Охотник отрезал своим кинжалом ветку кизила». *Паччахьан заманхь йолуца алгар а кхетта велла тхан да*. «В царское время от заразной болезни скончался наш отец». *Хыйн'а бепиг а эзна воглура Султан ц'ера*. «Хлеб из накатанного теста (букв. «мешаный хлеб») взяв, шел Султан из дома».

§ 20. Сложные существительные с первым компонентом-числительным

В функции первых компонентов сложных существительных, как правило, выступают числительные количественные. Композиты данного типа по своей структуре можно подразделять на полносложные и неполносложные.

1. К неполносложным относятся композиты, в которых первым компонентом выступает числительное с окаменелым формантом направительного падежа -л, например: *шалгуо* «двухрожковые вилы» («две ветки»), *кхуолгуо* «трехрожковые вилы» («три ветки») и некоторые другие. Интересно отметить, что эти композиты могут выступать также в сочетании с субстантом в качестве прилагательных-определений, например: *шалгуо туон* «двусвольное ружье», *кхуолгуо шада* «трехрожковые вилы». Этот факт в счастливом сочетании с тем обстоятельством, что в ингушском языке эти сложения употребляются только в значении прилагательных, является доказательством того, что в чеченском названные композиты представляют собой субстантивированные прилагательные весьма интересной структуры. Генезис этих образований таков.

Как видно, первые компоненты-числительные в этих сложениях восходят к простым количественным числительным *ши* «два», *кхуо* «три», которые впоследствии с помощью форманта на-правительного падежа -л превратились в адъективные формы (ср., например, *ша-лха хабар* «двойной разговор», *шалха муш* «двойная веревка», где этот же формант встречается в сочетании с формантом вещественного падежа -х (а). Возможно, в интересующих нас сложениях первоначально мы имели данное сочетание и формант -л является остатком этого сочетания. Второй компонент *гуо*, слившийся с первым компонентом в результате долгого и частого употребления, восходит к *га* «ветка», но и здесь, как видно, конечный краткий *а* перешел в суффиксальный долгий дифтонг -*уо* (исторически формант род. п., ср. *дашуо/сахьт/* от *деши* «золото») «золотые часы» («золота часы»). В результате описанного процесса и произошло образование сложных прилагательных *шалгуо*, *кхуолгуо*, а также и редко употребляемого *цхьалгуо*, которые впоследствии в чеченском стали употребляться в субстантивированном виде.

2. К полносложным образованиям относятся следующие композиты-существительные: *биъса*¹ «бубен» («четыре грани»); *шубста* (инг. *шуст*) от *шуб* («*ши*» «два», *ста* («*сту*» «вол» («волово» упряжь», «два вола»). *Кхавкхавлла* (топонимическое название в горной Ингушетии) (от *кхав* «три», *кхавлла* — второй компонент неизвестного происхождения, часто встречающийся в топонимах горной Чечено-Ингушетии, ср. *Ушкхавлла* (село горной Чечни), где первый компонент *уш*, по предположению А. И. Шавхелишвили², восходит к тюркскому *уш/уч* «три».

Как видно, композиты данного типа встречаются в разных сферах лексики — в хозяйственно-бытовой, топонимике и т. д., но особого распространения они не имеют.

Сложно-синтаксическим образованием следует считать композит *диеаклов* (от *диъ* «четыре», *лов*³ «угол, грань»), который употребляется в значении прилагательного «четырехгранный» (ср. *диеаклов глутакх* «четырехгранная коробка»). Первоначально композит представлял собой сложное

существительное, употребляющееся в значении «четыре угла, грани»; ср. второй компонент -*кла* с *кла-ра* (-ра, видимо, генетически формант исх. п. «клеть»). Приведенные композиты отличаются внутренней монолитностью и спаянностью компонентов, объединенных единым ударением, локализуемым на ударном слоге первого компонента.

Компоненты приведенных композитов не поддаются ни разъединению вставкой другого слова, ни перестановке, что также свидетельствует об их монолитности. Правда, компоненты композитов *шубста*, *биъса* можно разъединить, но это повлечет за собой разрушение композита и превращение его компонентов в опорные слова, например: *Ши а сту а ба-лош длавола*. «Оба вола приведи, приходи». *Би а са длабак-кха*. «Все четыре угла убери». Как показано в примерах, в композиты эти можно внедрить лишь частицу, а другие слова в них не вставляются.

Примеры данного типа показывают, что первым и необходимым условием для превращения словосочетания в композит с первым компонентом-числительным является устойчивый характер сочетания, постоянство совместного употребления частей словосочетания из определения, выраженного числительным, и определяемого-существительного. Отсюда понятно, что и такие устойчивые сочетания, как *ши блаьрг* «два глаза», *ши куьг* «две руки», *ши куог* «две ноги», *ши лерг* «два уха», имеют тенденцию к превращению в композиты, части их заметно сблизилась как с внешней, так и внутренней стороны. То же мы наблюдаем и в отношении сочетаний *ахсом* «полтинник», *ахлитр* «пол-литра», которые принято писать в одно слово как собственно композиты. Нужно, однако, отметить, что сочетания с первой частью *ах* «половина» не получили еще окончательного оформления в собственно композиты. Поэтому нельзя считать удачным слитное написание сочетаний с первой частью *ах* «половина», являющихся кальками с русских образцов с элементом *пол* (полу): «полгода, полдня, полметра, полуостров» и т. д., принимая их за композиты в собственном смысле этого слова.

Ведь нельзя структурные особенности одного языка механически переносить в другой, игнорируя при этом специфические особенности грамматической структуры последнего. Иное положение мы имеем с композитами *цхьамогла* букв. «один ряд» (калька с русского «ряд»; см. «Ряда товарищей не было сегодня». *Цхьамогла накъостий бацара тахана*) и

¹ Вариантом данного сложения является композит *биъсаберг*, состоящий из трех компонентов — *биъ* «четыре», *са* «угол», *берг* «имеющий» букв. «четыре угла имеющий».

² «Переселение чеченцев и ингушей с гор на плоскость». Известия Чечено-Ингушского краеведческого музея. № 10. Грозный, 1960.

³ Этот компонент самостоятельно не употребляется.

*цхьах/ума*¹ «что-то» (букв. «один предмет»), которые, выражая одно единое понятие, монолитны и интонационно. Обе эти формы в существующей орфографии принято писать в одно слово.

Данный тип образования композитов непродуктивен в нахских языках. Вот примеры из литературы, содержащие композиты этого типа:

Хьажа-Мурд сира шуьста а бовжна, хьабжклашна асара вахара. «Хаджи-Мурат, запрягши двух волов, поехал на прополку кукурузы».

(Из фольклора).

Хинца алап, хлара кхолого санна дерг хлун элп ду?
«Теперь скажи этот, как трехрожковые вилы (который) есть, что за буква?»

Шинггехь а шалго тоьнош яра, юх-юха белаш тлехь уьш нисйора шина дотгаг/чо «У обоих товарищей были двухствольные (букв. двухрожковые) ружья, которые они поминутно поправляли на плечах».

Рамзана схьа а яьстина, стоммачу туьпа юкъяра схьай-цира деа/лов цхьа кехат. «Рамзан развязал толстый кусок (материи) и вынул из него четырехгранное письмо».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Весьма редким является композит-существительное с первым компонентом-глаголом *йаа* «есть» — *йаах/ума* (инг. *йаах/ама* // *даах/ама*) «еда», букв. «кушать предмет, вещь», то есть «предмет для еды». По крайней мере, нам не удалось найти другого примера, кроме приведенного, с такой структурой, но и этот пример представляет большой интерес в том отношении, что он подтверждает уже высказанное нами положение о том, что композиты в нахских языках образуются на базе устойчивых словосочетаний в результате долгого и частого употребления. Цельнооформленность данного композита, как и других композитов, подтверждается способностью его вступить в синонимическую пару с простыми словами, например: *йаах/ума* // *йуург* «еда», «едащее» Цельнонаправ-

¹ Здесь, видимо, мы имеем сложно-синтаксическое образование, поскольку оно воспринимается как неопределенное местоимение.

сущность данного композита подтверждается также и синтаксически, ибо он выступает как единый член предложения — дополнение при глагольном сказуемом, являющемся опорным словом по отношению к первому (глагольному) компоненту того же композита, например: *Суо йаах/ума йаа вуоьду.* «Я иду еду есть». В качестве дополнения композит *йаах/ума* может быть употреблен также со сказуемым, выраженным другими глаголами; ср. *Рамнат яах/ума ян тохаелира.* «Рамнат собралась приготовить (сделать) еду».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Некоторые выводы: Композиты-существительные определительно-подчинительного типа подразделяются по структурным особенностям главным образом на две группы:

1. Группа неполносложных или оформленных композитов, сущность которых заключается в том, что первый компонент имеет застывший формант какого-либо падежа, чаще такими бывают форманты род. и мест. падежей — *а*, *и*, *ла/и* и др.: *ненада* «матери отец», *вешиклант* «брата сын», *йавьла/а/лахар* «ягненок зимнего окота» и др.

2. Группа полносложных или неформальных композитов, состоящих из компонентов — чистых основ: *буочаблар* «греческий орех», *хьабрсахьа* «алыча» и др.

Весьма немногочисленны композиты, относящиеся к типу сложно-синтаксических и посессивных (*мер/уьрг*, *цергков* и др.). В значении посессивных образований чаще всего выступают словосочетания, употребляемые с оттенком экспрессии. Например: *боккха лара* «большой нос», то есть «человек с большим носом», *баккхий бляьргаш* «большие глаза», то есть «человек с большими глазами», *гома бляьргаш* «косые глаза», то есть «косоглазый человек» и т. п.

Кроме того, композиты данного типа различаются также по признакам морфологической принадлежности первых компонентов при постоянной отнесенности второго компонента к категории имени существительного. Так, первые компоненты могут быть именами существительными, прилагательными (как качественными, так и относительными), числительными (количественными), причастиями, а также изредка глаголами. Имя существительное — первый компонент — имеет форму род. или мест. падежей ед. ч., но встречается и в форме им. п. ед. ч., изредка выступает и в форме мн. ч. Все же остальные части речи — первые компоненты — выступают в начальной форме (ед. ч., им. п. или инфинитив — для глагола).

Композиты-существительные за редким исключением обладают цельнонаправленностью (наличие единой словообразовательной и словозменительной основы, выражение единого понятия и одно централизованное ударение, локализуемое на ударном слоге первого компонента).

Одни из этих композитов обладают идиоматичностью (*лаьрж/а/б/лаьрг* «фурункул», *буоч/а/б/лар* «гречкий орех» др.), другим же идиоматичность не свойственна (*стунда* «тесть», *марда* «свекор», *марваша* «деверь» и др.).

Независимо от наличия или отсутствия идиоматичности все композиты данного типа отнесены к одному определенному парадигматическому классу.

§ 21. Сложные существительные сочинительного типа

Композиты-существительные сочинительного типа в генезисе восходят к словосочетанию сочинительного типа, члены которого грамматически не связаны друг с другом. Это однородные члены предложения, которые в результате долгого и частого совместного употребления слагаются в композит.

Большинство композитов данного типа имеет собирательное значение, которое не соотносительно с суммой значений их составляющих.

Например, композит *муот-глайба* (чеб. так же, инг. *муот-глайба*) состоит из *муотт* «постель», *глайба/глайба* «подушка». Однако значение композита в целом шире суммы значений составляющих: он обозначает не только понятие «постель» и «подушка», а более широкое, приблизительно равнозначное понятию «постельные принадлежности». То же можно сказать и в отношении остальных парных слов-существительных. Например, *кад-лайг* (чеб., кист. так же, инг. *кад-лаьг*) «чашка-ложка» значит не только «чашка» и «ложка», а «посуда» вообще; *куоч-хеча* «рубашка-брюки» значит не только «рубашка» и «брюки», а «одежда»; *йиш (а)-ваши* (чеб., кист. так же, инг. *йиш(а)-воша*) «сестра-брат» означает не только «сестра» и «брат», а «родственники».

Эти композиты обладают идиоматичностью, но есть и такие композиты данного типа, которым не свойственна идиоматичность; значение целого в них соответствует сумме значений составляющих. Таковы: *да-нана* (инг., чеб., кист. так же) «родители» («отец-мать»); *текх-цаца* (чеб. так же, кист. *такх-цаца*) «корыто для замеса» («теста-сито»); *ди-буьйи*

(инг. *ди-бийса*) «сутки» («день-ночь»); *туоп-тапча* «оружье» (букв. «ружье-пистолет») и т. д.

Как видим, композиты данного типа делятся на идиоматичные и неидиоматичные.

Идиоматичность у композитов данного типа, как и у композитов подчинительного типа, может проявляться в разной степени и иметь разный характер. В одних случаях идиоматичность проявляется в том, что общее значение композита шире, чем сумма значений компонентов (см. приведенные выше примеры), а в других случаях идиоматичность проявляется в том, что значение целого уже суммы значений компонентов, то есть композит в целом обозначает понятие, равное понятию одного из компонентов. Так, например, композит *хьаша-да* (чеб. так же, инг. *хьаш-да*) в буквальном смысле компонентов значит «гость-хозяин» (или «гость-отец»), но в целом воспринимается как «гость»; *хьал-даьхний* (чеб., кист. *хьал-дахни*) букв. «богатство-скот», в целом «богатство» (ср. *хьал-бахам* букв. «богатство-хозяйство», в целом «богатство») и т. д. Как видим, носителем основного значения композита в этих случаях выступает первый компонент, второй же компонент имеет вспомогательное значение, как бы уточняющее значение первого (основного) компонента. При этом большинство вторых компонентов синонимично с первыми компонентами, например: *хьал* «богатство», *даьхний* «скот»¹ — *хьал-даьхний*, ср. также *хьал* и *бахам* — *хьал-бахам* и т. п.

Недо полагать, что такие композиты являются результатом сложения двух, некогда параллельно употреблявшихся равнозначных, синонимичных слов. При этом примечательно, что некоторые из таких словесных пар состоят из слов, бывших в параллельном употреблении в одно и то же время, а другие состоят из слов, которые употреблялись в разное время.

Например, в чеченском литературном языке синонимичные пары *глап* и *гловгла* (ср. композит *глап-гловгла* «шум»), как показывает сравнительно-исторический анализ диалектных данных, в одном и том же значении употреблялись в языке диахронно. Первоначально употреблялось слово *глап*, впоследствии оно было вытеснено равнозначным словом *гловгла*.

¹ Интересно отметить, что компонент *хьал* генетически связан со словом *хьелий* «молочный скот», точно также и *даьхний* связывается со словом *дахар* «жизнь». В этих примерах ярко проявляется характер общественного быта нахских народов, при котором меридом богатства, положения являлся скот.

В настоящее время слово *glar* самостоятельно не употребляется и встречается лишь в составе сложных слов *glar-glovglar*, *glar-tata* «шум» и устойчивых словосочетаниях. В ингушском оно самостоятельно употребляется и поныне. Кроме того, в ингушском отсутствует слово *glavglar* «шум».

Таким образом, компонент *glar* более древний, чем равнозначный ему компонент *glavglar*. Нет сомнения в том, что оба эти компонента были в параллельном употреблении в определенный отрезок времени, и в результате такого употребления они впоследствии слились в единое целое — композит, причем значение целого не разошлось со значением составляющих частей.

Ярким свидетельством разновременного появления в языке словесных пар являются композиты данного типа, состоящие из синонимичных компонентов, один из которых является явно заимствованным. Таковы: *салам-маршал* (чеб. *солом-моршол*, инг. *салам-моаршал*), *салам* (арабск.) «приветствие» (*моршал* / *моаршал* / *маршал* — нахск.) «приветствие»; *хан-зама*, *зама* (персидск.) «время», *хан* (нахск.) «время». См. эти компоненты в контексте: *салам-маршал а хьахтина, охьахира Ахмад*. «Спросив приветствие (букв. «привет-свобода»), сел Ахмад». *Шен хан-зама ца ца лоруш, бахархойн хьашташка хьожу Султан*. «Не считаясь со своим временем, удовлетворяет Султан нужды жителей».

Встречаются парные слова, между частями которых наблюдается незначительное смысловое различие. Таковы, например, *ирс-аьтту* (инг. *ираз-аьттув*, чеб. *ириз-аттов*, кист. *ироз-етту*) «удача» («счастье-удача»); *муотт-эладит*¹ «сплетня» («язык-сплетня»); *зие-зулам* (инг. *зе-зулам*) «убыток, вред» («ущерб-вред»); *дов-тлуом* (инг., чеб., кист. так же) «ссора, скандал» («скандал-война»); *гла-набарш* «сон-дрема»².

Таким образом, особенности парных существительных обуславливаются семантикой их составляющих. Сочетания эти могут в зависимости от контекста изменять свое значение, приобретая все новые семантические оттенки в процессе развития языка, могут расщепляться на слова-омонимы, но это уже

¹ Второй компонент в свою очередь исторически представляет собой сложное слово, возникшее на базе сочетания двух однородных слов — глаголов *эла* (+ *ала*) «сказать», *дита* «оставить».

² Общее значение этого сочетания невозможно передать на русский, почему мы и ограничиваемся буквальным переводом его частей.

дальнейшая область словообразования, требующая специального рассмотрения.

Встречаются также композиты данного типа, один из компонентов которых подвергся десемантизации, однако общее значение композита при этом ощущается. Таковы: чеч. *чов-чардуо* (*чов* «рана» // «ранение», инг. *туой-туолакх*), *туой-спир*, «свадьба» // «свадебная церемония». Как видим, десемантизации подвергаются обычно вторые компоненты.

Парные существительные могут быть подвергнуты исследованию также с точки зрения лексико-грамматической структуры их составляющих частей.

§ 22. Структурные особенности парных существительных

Парные слова-существительные состоят преимущественно из компонентов, относящихся к категории имени существительного¹, ср. *уьстагI-газа* «баран-коза», *кад-лайг* «чашка-ложка» и т. д.

Существительные-компоненты композитов данного типа по своему значению делятся на предметные, вещественные, отвлеченные и т. д. При этом в составе одного и того же композита могут сочетаться существительные разных лексико-грамматических категорий.

Например, композит *туон-тапча* «ружье-пистолет»; *кхел-цегг* «коренной зуб-зуб (обыкновенный)»; *уьстагI-газа* «овца-коза» и др. состоят из существительных с предметным значением.

А следующие композиты состоят из компонентов-существительных с отвлеченным значением: *дов-тлуом* (инг., чеб., кист. так же) «скандал», «драка», букв. «скандал-война»; *ирс-аьтту* (инг. *ираз-аьттув*, чеб. *ириз-аттов*, кист. *ириз-етту*) «удача», букв. «счастье-удача»; *хьал-дахар* (чеб., кист. так же) «богатство», букв. «богатство-хозяйство»; *биехк-гуьнахь* (чеб. *биехк-гунахь*, кист. *биехк-гуьнахь*) «виновность», букв. «вина-виновность» и т. п. См. также композит, состоящий из существительных с вещественным значением: *туьха-мехк/и*.

¹ Весьма редки случаи, когда один из компонентов (обычно первый) — глагол; см. *йуохка-изцар* (*йуохка* «продать», *изцар* отглагольное имя «купля, торговля») «продать-купля», ср. русск. «купля-продажа». Разумеется, сюда не входят образования типа *эла-дита* (инг. *аьладита*) «сплетня», которые хотя и состоят из глаголов *эла* (+ *ала*) «сказать», *дита* «оставить», но в целом являются сложносинтаксическими образованиями.

оаьтта «предметы первой необходимости», букв. «соль-керосин».

Встречаются композиты, состоящие из компонентов-существительных разных семантических структур. Например, композит *чай-бепиг* (чеб. так же, инг. *чай-маьхх*) состоит из существительного с вещественным значением — *чай* «чай» и существительного с предметным значением *бепиг* // *маьхх* «хлеб»; см. также композиты *биерам-сискал* «блюдо, состоящее из особого рассола и кукурузного чурека», букв. «рассол-чурек» и т. п. Надо, однако, отметить, что композитов состоящих из существительных разных семантических структур, весьма немного. Так, например, нам удалось найти лишь два композита, где одно из существительных-компонентов имело предметное значение, а другое — абстрактное: *там-товр* «калым-примирение», *там-тиекъам* «калым-прощение». Композит же, где один из компонентов был бы существительным с вещественным значением, а другой существительным с абстрактным значением, нами не обнаружен.

Таким образом, можно заключить, что наиболее продуктивной является модель парных существительных, состоящих из семантически однородных компонентов и в особенности из компонентов с предметным и абстрактным значениями (см. примеры выше). Наименее продуктивны модели данного типа композитов, состоящих из семантически разнородных компонентов-существительных.

Кроме того, замечено, что существительные, обозначающие одушевленные предметы, сочетаются с такими же: *йуол-клант* досл. «дочь-сын»; *йуол-йиша* досл. «дочь-сестра»; *шича-маьхча* досл. «двоюродный брат-троюродный брат»; *сту-говр* досл. «вол-конь» и т. д. Существительные, обозначающие неодушевленные предметы, обычно сочетаются с такими же: *куоч-мача* «рубашка-обувь»; *марс-мангал* «сerp-коса»; *нуй-горгам* «метла-тряпка» и т. п.

За исключением сложных собственных имен людей, в парных существительных сочетаются одни лишь нарицательные существительные.

Собственные имена людей обычно состоят из двух существительных — собственных имен: *Бетир-Солта*, *Телим-Солта*

¹ В ингушском этот компонент *тоам* употребляется в абстрактном значении — «примирение». Надо думать, употребление его в значении предметности в чеченском — явление вторичное, возникшее на базе переносного употребления.

д. Такие имена в обеих своих частях являются заимствованными из тюркских и арабского языков.

Редким является композит — собственное имя *Луом-Тела* (инг. *Луом-Табла*), где первая часть собственно нахское слово, *луом* «лев», а вторая часть — *Тела* // *Табла* (русс. Али) заимствована из арабского. Причем каждая из этих частей в отдельности употребляется в значении собственного имени мужчин; см. также композит *Чабуорз* (имя мужчины), состоящий из *ча* «медведь» и *буорз* «волк» (есть имя собственное *Барза* (— *барз* «волк»)).

Различаются композиты данного типа также по морфологической структуре основ составляющих их частей: одни композиты состоят из одних непр производных основ, например: *гла-буц* «лист-трава», *кад-Тайг* «чашка-ложка» и т. д.; другие состоят из одних производных основ. Обычно такие производные основы представляют собой отглагольные и масдарные существительные с формантами *-м*, *-р*. Таковы: *тием-сацам* «спокойствие-остановка», *там-тиекъам* «калым-просьба», *лиер-вахар* «жизнь-бытие», *лиер-алар* «говорение-сказание». При сочетании форм с *-м* и *-р* на первом месте, как правило, стоит компонент — отглагольное существительное с суффиксом *-м*. Правда, примеров данного типа немного; нам удалось найти лишь два слова данного типа — *тием-сацар*¹ «покой, передышка», «покой-остановка» и *там-товр* «удовлетворение-удовольствие». См. *тием-сацар доцуш* и *гуллакх чекхдаьк-кхирс оса*. «Без передышки завершил я это дело». *Там-товр дац суна*. «Удовольствия-удовлетворения нет у меня».

(Из разговорной речи).

Встречаются парные существительные, где один из компонентов (обычно первый) — непр производное слово, а другой — производная отглагольная или масдарная форма. Например: *хьал-бахам* «богатство-хозяйство»; *члир-биекхам* «месть» («кровь-мщение»); *хьал-дахар* (чеб. так же) «состояние, положение» («богатство-жизнь»); *йоза-диешар* (кист. так же, инг. *йозазу-диешар*, чеб. *йазу-диешар*), «грамотность» («письмо-чтение»); *туой-ловзар* «свадьба» («пир-игра») и т. д.

Редкое явление представляет собой композит типа *йуохка-изцар* «торговля», где на первом месте стоит глагольный ком-

¹ Наличие такого слова подтверждают сказители — знатоки родного языка и фольклора — Абдулзаков Минкаил Калыевич из селения Дуба-Юрт и Цугаев Хасмагомед Цугаевич из селения Урус-Мартан.

понент *йуохка* «продать», а на втором — *масдар изцар* «покупка». См. также парные существительные, где вторыми компонентами являются производные существительные с суффиксами *-лла* (инг. *-л*), *-на*, *-м*: *глюо-нактуосталла* (инг. *глюо-новктуостал*) «помощь-товарищество»; *салам-маршалла* (инг. *салам-моаршал*, чеч. *солом-моршол*) «приветствие-приветствие»; *урду-йохана* букв. «калым-просимое»; *дов-тлюм*¹ (инг., чеч., кист. так же) «скандал-война» и др. Некоторые из вторых компонентов таких композитов претерпели опрощение, хотя в них легко вычленяется суффикс. К таким можно отнести вторые компоненты слов: *биехам*, *маршалла*, *йуохана*, *тлюм* и некоторые другие. В некоторых компонентах суффикс *-м* вычленяется путем сравнительного анализа данных разных диалектов. Например, в чеченском первый компонент композита *биерам-сискал* — *биерам* имеет в конце окаменелый суффикс *-м*, осознаваемый как суффикс лишь с помощью ингушского *-биерх*, употребляемого в том же значении, но без данного суффикса. Композит этот в чеченском примечателен тем, что исторически производный компонент здесь стоит на первом месте, что бывает очень редко.

Как указывалось, подавляющее большинство парных существительных состоит из компонентов в форме ед. ч. им. п. Однако встречаются такие композиты, где второй компонент имеет форму мн. ч. с формантами *-ш*, *-ий* при отсутствии таковых у первого компонента. Например: *ка-мIараш* (чеч., кист. *ка-мIараиш*), букв. «рука, хватка-ногти, когти»; *гIан-на-барш* (чеч. так же, кист. *гIа-набарш*) букв. «сон-дремота»; *жигиг-галнаш* (чеч. *джиг-галниш*, инг. *дулх-хьалтIам*)² «мясо-галушки» — национальное блюдо чеченцев и ингушей; *хьал-даьхний* «богатство-скот» и др. В некоторых композитах вторые компоненты представлены в застывшей форме множественности. Таковы: *даьхний* (ср. инг. *доахан*, у которого отсутствует формант множественности *-ий* и которое употребляется в собирательном значении «скот»), чеч., кист. *дахний*

¹ Компонент *тлюм* «война» исторически произведен от *тлюо* «камень». Это безусловно очень древнее слово, восходящее ко времени, когда главным средством ведения войны являлись камни. См.: Х. Ошаев. Примечание к работе В. Абаева «Осетино-вайнахские лексические параллели». Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 2, вып. 2. Грозный, 1959, стр. 113.

² Ингушский вариант состоит из иных, чем в чеченском и чеберловском, компонентов, причем второй компонент в отличие от чеченского не имеет формы множественного числа.

«скот» в композитах *хьал-даьхний* (чеч., кист. *хьал-дахний*) «богатство»; *мар-ш* (инг. *мераж*, чеч. *мариш*, кист. *мериш*)¹ «нос-сопля»; *марш* «сопля» в *юьхь-марш* (инг. *юхь-мераж*, чеч. *юхь-мариш*, кист. *юьхь-мериш*) «лицо»; *забар-биегаш* (в ингушском этот композит отсутствует, а второй компонент в нем употребляется и в ед. ч. — *биег* «шутка») «шутка». Таким образом, вторые компоненты встречаются в застывшей форме множественного числа с формантами *-ш*, *ий*. Парных слов с такими вторыми компонентами немного. Весьма немногочисленны также парные слова со вторым компонентом в застывшей форме косвенного падежа. Так, например, нам удалось найти лишь один пример данного типа, где второй компонент представляет собой застывшую форму местного (локативного) падежа с формантом *-хь* (ср. *цIахь* «дома», *долахь* «в личном владении» и др.): *биехк-гуьнахь* (кист. так же, чеч. *биехк-гунахь*)² «вина-виновность».

Одним из трудноразрешимых является вопрос о порядке расположения компонентов парных существительных, то есть вопрос о том, какой компонент по своей фонетической, грамматической, семантической природе оказывается на первом месте сочетания.

Разные исследователи по-разному подходят к решению этой проблемы. Так, например, в отношении грузинского языка А. Г. Шанидзе указывал, что в координированных композитах на первом месте стоит наиболее короткое слово³. А М. И. Мухелишвили в отношении того же грузинского языка писал: «...если слово, входящее в сложение, имеет гласное окончание, то оно также является первым компонентом композита»⁴.

Изучение этого вопроса в нахских языках показывает, что не всегда на первом месте оказывается короткое слово, см., например: *уьстагIа-газа*, инг. *устагI-газа*, кист. *устах-газа* («овца-коза»), *киерт-ков* (инг. *карт-ков*) «забор-ворота»;

¹ Генетически множественный характер данной лексики проявляется при сравнении ее с *мара* «нос».

² Производящая основа последнего компонента *гуьнахь/гунахь* не вычленяется ввиду опрощения. В ингушском композит этот отсутствует, хотя оба компонента его в нем в отдельности функционируют — *биехк*, *гунахь*.

³ См.: А. Г. Шанидзе. Основы грузинской грамматики, Тбилиси, 1953.

⁴ М. И. Мухелишвили. К вопросу о сложных словах в английском и грузинском языках (кандидатская диссертация). Тбилиси, 1953, стр. 90. Рукопись.

сѣша-да (чеб. так же) «гость-хозяин»; *йуохка-изцар* (чеб. так же, инг. *йуохкар-изцар*) «продажа-купля» (ср. русск. купля-продажа) и т. д.

Как видно из примеров, вывод о том, что на первом месте постоянно стоит наиболее короткое слово в отношении нахских координированных композитов, имеет много исключений. Вернее было бы сказать, что в большинстве таких композитов на первом месте стоит короткий компонент, см. например: *лиер-алар* «перебранка», *хьал-дахар* «положение», *йуьхь-марш* «лицо», *ирс-аьтту* «счастье, удача», *зиен-зулам* «вред», *чов-чар-дуо* «рана», *кад-йайг* «посуда», *текх-цаца* букв. «большая деревянная чаша-сито», *йоза-диешар* «грамота», *дие-буьйса* «сутки», *хан-зама* «время, период», *куоч-мача* «одежда», *куоч-хеча* «одежда», *марс-мангал* «инструмент для сельхозработ», *сту-говр* (ср. инг. *говр-етт* букв. «конь-корова») и др., где короткие компоненты стоят на первом месте.

Такая же картина в отношении расположения компонентов в парных словах наблюдается и в некоторых других горских кавказских языках. Например, в даргинском языке на первом месте в большинстве случаев стоит наиболее короткий компонент: *хамха-кьаркьала* «тело», *абиз-кабихь* «состояние» (*абиз* «вставание», *кабихь* «лежание»); *узи-уриши* «родственники» (*узи* «брат», *уриши* «сын», ср. чеч. *йиша-ваша* «родственники» (*йиша* «сестра», *ваша* «брат»), *неш-дудеш* «родители», букв. «мать-отец» (ср. чеч. *да-нана* букв. «отец-мать»); *маза-хьяца* «овцы, мелкий скот» (*маза* «овца», *хьяца* «козел», ср. чеч., инг. *уьстаг/уьстаг-газа*) и др.¹ В даргинском встречаются также парные существительные, где на первом месте стоит более длинный компонент: *марка-заб* «атмосферные осадки» (*марка* «роса», *заб* «дождь», в мугринском диалекте *марка* «дождь», *заб* «град») и др. См. также кубачинские композиты сочинительного типа, где короткие компоненты занимают разные положения: *муте-ас* «золото-серебро» («богатство»); *мурч-будай* «олово», досл. «прут-свинец», *уке-култа* «сердце-живот», *атза-аба* «родители», досл. «мать-отец», *исде-йисде* «родственники», досл. «брат-сестра» (ср. чеч. *йиша-ваша* «сестра-брат»); см. парные слова во мн. ч. *буц-хэуде* «волки-собаки», *кудне-цэурзе* «вершины-небеса»³.

¹ См.: С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954, стр. 85.

² См. там же, стр. 85.

³ См.: А. А. Магомедов. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963, стр. 130.

В парных словах нахских языков, как, впрочем, и некоторых других горских кавказских языков, не проявляется и такая закономерность, замеченная в грузинском языке, как расположение на первом месте компонента с гласным в исходе¹.

Материалы из нахского и других горских (дагестанских) кавказских языков показывают, что на первом месте могут стоять компоненты, не имеющие гласного окончания. Если, например, взять композиты с компонентами одинаковой длины, то оказывается, что на первом месте может стоять компонент не с гласным исходом, а тот, который оканчивается согласным звуком: *ламаз-марха* (инг. так же), букв. «молитва-ураза», *кьорлан-жайна* «книги мусульманского вероисповедания», букв. «коран-книга», и др., см. также кубачинский *дулик-хэудай* «печень-легкие» и др.

Таким образом, расположение компонентов в нахских парных существительных не может быть объяснено их структурно-фонетическими особенностями. Правда, как было указано, на первом месте в большинстве случаев стоят все же компоненты наиболее короткие. А в композитах, состоящих из производных и непроизводных основ, на первом месте в большинстве случаев стоит непроизводная основа: *йоза-диешар* «письмо-чтение» и др.

§ 23. Вопрос о перестановке частей координированных композитов

Все композиты данного типа с точки зрения возможности перестановки могут быть разбиты на три группы:

1. Группа, куда входят композиты, компоненты которых невозможно переставить без того, чтобы не нарушить природу сложного слова. Это наиболее обширная группа, куда входит подавляющее большинство парных слов. Таковы, например, слова *туол-тапча* (инг. *туол-тепча*) «огнестрельное оружие», букв. «ружье-пистолет», *хьуоь-молха* (инг. *пхо-молха*), *хьуоь* «стрела», *молха* «порох», «боеприпасы», букв. «пуля-порох» (инг. «стрела-порох»), *шича-маьхча* (инг. *шуча-мохча*) «родственники», букв. «двоюродный или троюродный (брат или сестра)»; *глап-тата* (кист. так же, чеб. *глап-тата/глап-глап-гла*) «шум» (каждый компонент в отдельности обозначает

¹ См.: М. И. Мусхелишвили. Указ. соч.

«шум»); *хуох-саьрмсиекх* (инг. *хох-саьмарсаькх*, чеч. *хуох-сармсаькх*, кист. *хуох-бо*¹) «овощ», букв. «лук-чеснок» и др.

Перестановка компонентов приводит к разрушению и распаду этих компонентов на однородные члены предложения (см. такое же положение, высказанное нами выше в отношении других композитов).

При этом примечательно, что перестановке «не поддаются» компоненты, один из которых (обычно второй) является производным по своей структуре; см.: *гуо-накьусталла* «помощь-товарищество», *йоза-диешар* «письмо-чтение» и др.

2. Группа, куда входят парные существительные, составляющие которых можно переставить без ущерба для их сложной структуры: *ниел-куор* «дверь-окно», но *куор-ниел*² «окно-дверь»; *уьстаг/а-газа* (инг. *устаг/а-газа*) «овца-коза», но *газа-уьстаг/а* (инг. *газа-устаг/а*) «коза-овца» (как видно, ингушский в отношении перестановки частей последнего композита в принципе не отличается от чеченского); *хьал-даьхний* «богатство-скот», но *даьхний-хьал* «скот-богатство», *ков-киерт* (инг. *ков-карт*) «усадыба» («ворота-забор»), но *киерт-ков* (в инг. перестановка не допускается) «забор-ворота».

См. примеры из чеченского фольклора и литературы: *Даьхний-хьал даьхавах бухкуш бац хьуна гуьржичун ши айглар*. «От того, что понесешь скот-богатство продающими, нет грузина два жеребца», то есть «не продаются два жеребца грузина».

Вига ваша воцу, даьха хьал-даьхний доцу, ардангах хаьдда гила борз ва санна, ша цхьалха висир, тов, жерочун жима клант. «Чтобы взять брата неимеющий, богатства (букв. богатство-скот) не имеющий, подобно от стаи отбившемуся могучему волку, одиноким остался, говорят, вдовий молодой сын».

(Из фольклора).

¹ Компонент *бо* представляет собой древнее исконно нахское название чеснока. В этом значении он сохранился в кистинском и бацбийском. В остальных нахских диалектах он заменен заимствованным из тюркского *сармсиекх/саьрмсиекх* и др. Но в чеченском плоскостном и некоторых диалектах сохраняется в значении дикого чеснока.

² В ингушском этот порядок является обычным, тогда как для чеченского характерны оба варианта.

В этих текстах компоненты одного и того же композита расположены по-разному: в первом предложении *даьхний-хьал*, во втором — *хьал-даьхний*. См. также тексты, где компоненты композита *ков-киерт* расположены по-разному.

Ков-киерт д'лалаьцна доккха ловзар дара, берриге аьртахой а, дехьа-сехьара баьхкина хьеший а болуш. «Всю усадьбу (букв. ворота-ограда) заняв, свадьба была, все односельчане и приезжие гости имея».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Дех дисина киерт-ков суо доцуш ма висир. «От отца оставшейся усадьбы (букв. забор-ворота) я лишился (не имея остался)».

(Из фольклора).

Среди композитов данного типа встречаются такие, в которых порядок расположения компонентов обуславливается контекстом. Например: *Ватта пхьид, ватта пхьид, сан ко вкерт а йобллахь*. «Лягушка, лягушка, на мою усадьбу («ворота-забор») приходи». Здесь на первом месте от начала стоит компонент *ков* «ворота». Но в предложении *Ахьмада киерт-ков духку*. «Ахмад усадьбу («забор-ворота») продает» мы видим употребление данного композита в обратном порядке расположения его компонентов. И еще. В первом предложении композит этот имеет твердый порядок расположения компонентов, тогда как во втором предложении компоненты его можно переставлять без особого ущерба для смысла — *ков-киерт*, то есть порядок расположения компонентов в данном предложении относительно свободный.

В целом в отношении порядка расположения компонентов композитов данного типа можно высказать, правда, с большой осторожностью, такое предположение. На первом месте оказывается тот из компонентов, реалий которого для субъекта в момент речи является наиболее важным. По крайней мере по этому принципу должны были располагаться компоненты при возникновении композита. В процессе же употребления в речи этот принцип не всегда выдерживался, что и вызвало относительную свободу в расположении компонентов.

3. Промежуточной можно считать группу парных существительных, у которых перестановка компонентов создает непривычное для слуха звучание слова, хотя оно остается понятным и даже употребляется в народной речи. Таковы: *кад-*

тайг «чашка-ложка», *тур-туоп* «сабля-ружье», *туьха-сискал* «соль-чурек», *текх-цаца* «деревянное корыто-сито», *марс-мангал* «серп-коса», но *тайг-кад* «ложка-чашка», *туоп-тур* «ружье-сабля», *цаца-текх* «сито-корыто», *мангал-марс*¹ «коса-серп» и т. д.

Интересно отметить также случай употребления парного слова *кла-марс* (инг. *кли-марс*) «жатва» («пшеница-серп») в сочетании со словом *хан* «время»: *кла-маьрсан хан* (инг. *кла-марса ха*) «время жатвы» («пшеницы-серпа время»); см. *кла-маьрс/а/ хенахь члогла йохло*. «Во время жатвы становится жарко». При этом, как видно, второй компонент — *марс* — оформляется в род. пад. — *маьрс/а/* (-а — усеченный форматив род. пад.); см. также чеч. *мангал/а/-маьрс/а/хан* «время жатвы и косьбы» («косы-серпа время»). Такое употребление указанных сочетаний предполагает образование в будущем сложных существительных из трех компонентов, из них первые два в свою очередь представляют собой составляющие части парного слова — композита. Подобные сочетания единичны в современных нахских языках.

Вопрос о критериях возможности перестановок частей парных слов является трудноразрешимым. Надо полагать, что к решению этого вопроса следует подходить с разных сторон: с фонетической, грамматической и семантической. То же самое можно сказать и в отношении порядка расположения компонентов парных слов.

§ 24. О цельнооформленности парных слов

В широком смысле в понятие цельнооформленности входит как семантическая, так и фонетико-грамматическая цельность слова, ибо понятие слова как единицы языка характеризуется единством формы и содержания. Именно это широкое понятие цельнооформленности германисты называют цельнонаправленностью. В понятие же цельнооформленности мы вкладываем более узкое понятие: частичную фонетико-грамматическую цельность слова.

Композиты сочинительного типа отличаются от композитов

¹ В таком виде данное сочетание употребляется еще тогда, когда хотят выразить время жатвы с добавлением при этом слова *хан* «время», см., например: *Тхан йуол мангал/а/-маьрса хенахь йина*. «Наша дочь родилась во время жатвы», букв. «косы-серпа время». Таким образом, и здесь мы видим обусловленность порядка расположения компонентов контекстом.

предельно-подчинительного типа как с семантической, так и с формальной точки зрения.

В плане семантики композиты сочинительного типа отличаются от композитов детерминативного типа тем, что они в меньшей степени подвержены идиоматичности: в большинстве случаев общее значение их равно сумме значений их составляющих. Говоря о внешней оформленности композитов сочинительного типа, нужно отметить, что между их компонентами отсутствует та материально выраженная синтаксикоподобная связь, которая имеет место между компонентами композитов подчинительного типа: *воккх/а/стаг* (*в* — показатель мужского класса) «старик» («большой человек») и др. Такой связи по своей сущности не может быть между компонентами композитов сочинительного типа, поскольку они (компоненты) восходят к сочетанию двух слов, не связанных между собой подчинительной связью.

Критерием внешней цельности координированных композитов может служить наличие у них единой слово- и формообразующей основы, имеющей один, общий для обоих компонентов материальный показатель грамматической категории. Именно таким и является подавляющее большинство координированных композитов в нахских языках, что проявляется при склонении и изменении их по числам.

Склонение

Им. <i>уьстагI-газа</i> «овца-коза»	<i>сту-говр</i> «вол-конь»	<i>дие-буьйса</i> «день-ночь»	<i>гла-буц</i> «лист-трава»
Род. <i>уьстагI-газанан</i> «овца-козы»	<i>сту-говран</i> «вол-коня»	<i>«дие-буьйса-нан»</i> «день-ночи»	<i>гла-бецан</i> «лист-травы»
Дат. <i>уьстагI-газанна</i> «овца-козе»	<i>сту-говрана</i> «вол-коню»	<i>дие-буьйсан-на</i> «день-ночи»	<i>гла-бецана</i> «лист-траве»
Эрг. <i>уьстагI-газано</i> «овца-коза»	<i>сту-говро</i> «вол-конь»	<i>дие-буьйса-нуо</i> «день-ночь»	<i>гла-бецуо</i> «лист-травы»

Г I а-б е ц о латта а кхолий, шеран мур хазбеш бу къаьсттий.

«Лист-трава (букв. зелень), землю покрывая, время года особенно украшает».

(Эдипов Х. Свет Октября).

Изменение по числам

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>муотт-глайба</i> «постель-подушка»	<i>муотт-глайбанаиш</i> «постель-подушки»
<i>хьожа-мода</i> «вонь-грязь»	<i>хьожа-моданаиш</i> «вонь-грязи»
<i>гла-буц</i> «лист-трава»	<i>гла-бецаиш</i> «лист-травы» и др.

Гла-бецаиш соьмалле ийзош ю блаьсте.

«Лист-травы к синеве клонит весна».

(Э дилов Х. Свет Октября).

При этом нужно отметить, что употребление парных слов в форме мн. ч. — редкое явление в нахских языках, что, видимо, объясняется тем, что парные слова несут в себе оттенок собирательности, ассоциирующейся, как известно, в какой-то степени с понятием множественности.

Особняком стоят композиты со вторым компонентом в окаменелой форме множественности. Таковы: *ка-маларш*¹ «хватка-ногти, когти», *завар-биегаиш* «шутка-шутки», *жижиг-галнаиш* «мясо-галушки (блюдо)» и др.

Приведенные сочетания в целом не рассматриваются как формы множественности. Это объясняется тем фактом, что вторые компоненты в них даны в форме множественности в готовом виде, то есть в форме множественности они оформились до образования данных сложных форм. Ныне они в значительной степени подвергнуты опрощению.

Нам удалось найти лишь несколько примеров парных слов, которые имеют единую словообразующую основу. Таковы новообразования: *йцохк'а/ицархуо* «перекупщик», *кхиетуош-кхиуорхуо* «воспитатель» и др.² Сюда не могут

¹ Здесь и дальше конечное *-ш* — окаменелый формант мн. ч.

² Интересно образование *элабитанча* «сплетник», сочетающее в себе несколько видов словообразовательного процесса: сложение глагольных основ *эли* «сказать», *дита* «остановить», субстантивация, то есть превращение указанного глагольного сочетания в существительное: *элабита* «сплетня», и, наконец, суффиксация: *элабитанча* «сплетник», *ча* — суффикс лица.

отнесены парные слова, где второй компонент снабжен словообразующими суффиксами *-р*, *-л*, *-м* (*хьал-дахар* «богатство-состояние», *йоза-диешар* «письмо-чтение», *хьал-бахам* «богатство-хозяйство», *гла-нактуосталла* «помощь-товарищество» и др.), так как здесь мы имеем сочетание непрямых слов с производным, взятым в готовом виде, и суффикс здесь относится только к основе второго компонента. При этом, как было показано выше, встречаются композиты, где оба компонента — производные слова, взятые в готовом виде. Таковы, например, масдарные формы: *валар-висар* букв. «смерть-оставление», *виер-ваккхар* букв. «убиение-отнятие», *лиер-алар* «говорение-сказание»; отглагольные существительные на *м*: *там-тиектам* «калым-мольба» и др. То же можно сказать и о композитах, второй компонент которых представлен в форме мн. ч., чаще в опрощенном виде: *ка-маларш* «хватка-ногти, когти», *завар-биегаиш* «шутка-шутки», *ган-набарш* букв. «сон-дрема» и др.

Парные сочетания-существительные в нахских языках прошли долгий путь развития, некоторые из них, видимо, возникли еще в нахском языке-основе. Об этом свидетельствуют следующие факты:

1. Парные слова наличествуют в самых архаичных диалектах чеченского языка, а также бацбийском (цова-тушинском) языке, который сохраняет более древнее состояние, чем ингушский и чеченский языки.

2. Парные слова обозначают предметы быта и материальной культуры, относящиеся ко времени существования общенахского языка-основы. Таковы сочинительные композиты, обозначающие части тела: *ка-маларш* (инг. *ка-м'ара*, чеч. кист. *ка-м'лараш*) «хватка-ногти», *юхь-марш* (инг. *юхь-мараж*, чеч. *юхь-мариш*, кист. *юхь-мариш*); композиты, обозначающие родственные отношения: *йиша-ваиша* (чеч., кист. так же, инг. *йиша-воша*) «родственники», букв. «сестра-брат», *шича-маьхча* (инг. *шуча-мохча*, чеч. *шича-маьхча*, кист. *шича-мехча*) «родственники», букв. «двоюродный или троюродный брат (или сестра)» и т. д.

3. Об архаичности парных слов-существительных нахских языков свидетельствует также и то, что мы застали их в разных стадиях превращения в цельнооформленные словесные единицы с одним общим значением. По степени монолитности компонентов парные слова современных нахских языков можно подразделить на три группы.

В первую группу отнесем композиты, компоненты которых

настолько тесно слиты, что они воспринимаются как единое целое с одним общим ударением. Такие композиты пишутся в отличие от остальных слитно, без дефиса, например: *к'алд-марза* «молозиво», букв. «творог-сыворожка», *к'алдайтта* *к'елдайтта* (инг. *дайтта* *лодар*) букв. «масло-сыр» (блюдо, состоящее из масла и сыра). Таких парных существительных немного.

Во вторую группу отнесем композиты, части которых несут семантическую нагрузку, интонационно разобщены, имеют ударение одинаковой силы, но в комплексе выражают одно понятие. Это парные сочетания, слияние которых еще не завершилось. Пишутся они через дефис: *уьстаг'ла-газа* «овца-коза», *кад-лайг* «чашка-ложка» и др. Это наиболее многочисленная группа, куда входит подавляющее большинство парных слов. Безусловно, композиты этого типа предшествуют по времени композитам первой группы, которые в результате долгого употребления начинают восприниматься как простое слово, что происходит в результате слияния их частей в одно органическое целое.

В третью группу следует отнести такие сочетания, части которых в результате совместного употребления в течение долгого времени семантически сблизились, что в комплексе их воспринимают как сложное слово с одним общим понятием, но интонационно разобщены и имеют в исходе обоих компонентов перечислительный союз. Компоненты таких сочетаний обозначают предметы, имеющие совместное употребление: *дурстий-муг'ий* «конская сбруя», букв. «узда-подхвостник», *шаьлтий-доьхий* (инг. *шалтеи-т'ехкари*, чеб. *шалта-дихе-ку* *шалтеи-дехкий*, кист. *шаьлти-е-т'ехкур*) «часть кавказского костюма», букв. «кинжал-пояс»; *чуоий-бустамаш* (инг. *чуокхи-бустамаш*¹, кист. *чуокхие-бустамаш*) «черкеска», букв. «шинель-газыри». Эти сочетания нельзя отнести к парным словам, так как процесс цельнооформленности их еще не завершился; компоненты во многих случаях грамматически оформляются отдельно — имеют в исходе перечислительный звукоэлемент *-ий* (инг. *-еи, ии, и*), а при склонении снабжаются отдельным материальным грамматическим показателем:

Им.	<i>шаьлтий-дуоьхий</i>	<i>чуоий-бустамаш</i>
Род.	<i>шаьлтанан-дуоьхканан</i>	<i>чуоин-бустамийн</i>
Дат.	<i>шаьлтанна-дуоьхканна</i>	<i>чуоанний-бустаманний</i>
Эрг.	<i>шаьлтаной-дуоьхканой</i>	<i>чуоануой-бустамуой</i>

¹ Последний компонент представлен в форме мн. ч.

Правда, в некоторых из этих композитов оба или один из компонентов употребимы и без перечислительной интонации и ее материального показателя. Таковы *чуоа-бустам* «шинель-газырь» и др. См.: *Чуоа-бустам бан а ца хууча, муьгоргам лелон а ца хуучу зудчах х'ун дуо*. «К чему женщина, не умеющая ни сделать шинель (черкеску)-газырь, ни производить уборку (букв. ни носить метлу-тряпку)».

(Из разговорной речи).

Как видим, здесь налицо переходная ступень в развитии данного сочетания от однородных слов к композиту — парному сочетанию. Основанием для этого является то, что в результате постоянного совместного употребления части их семантически сблизились, что позволяет их воспринимать в комплексе как обозначение единого понятия. Но вместе с тем они не получили окончательной грамматической оформленности, не имеют единой слово- и формообразующей основы, то есть они раздельно оформлены.

При этом отметим, что и в других парных словах, особенно в диалектных, проявляются признаки разнооформленности.

Кроме того, наблюдаются случаи, когда в одном диалекте композиты вполне оформлены, в другом же процесс оформления в отдельную лексему еще не завершился (подробнее об этом см. ниже, в специальном разделе).

Критерием цельнооформленности парных слов может служить также функционирование их в качестве отдельного члена предложения; цельнооформленные координированные композиты-существительные выступают в предложении в функции подлежащего и дополнения:

а) в функции подлежащего: *Уьстаг'л-газа дика дежа кхузахь*. «Овца-коза хорошо пасется здесь»;

б) в функции прямого дополнения: *Уьстаг'л-газа эца вахана Ахьмад*. «Овца-козу покупать поехал (пошел) Ахмад».

Парные слова-существительные выступают в предложении также и в функции других членов предложения — в функции определения, сказуемого и пр.

Собственно композиты-существительные сочинительного типа, как правило, отнесены к парадигматическому классу одной части речи, что проявляется в их связи с другими словами (они сочетаются как целостные словесные единицы). Эта связь, в частности, проявляется также в согласованности парных слов с зависимыми словами в грамматическом классе: парные слова оформляются в одном грамматическом

классе с одним общим для всего сочетания показателем. При этом проявляется такая закономерность:

1. Если составляющие части сочетания в отдельности отнесены к разным грамматическим классам, то композит преимущественно относится к среднему классу *д/д'* с показателем *д*, например: *уьстагI бу, газа йу, но уьстагIа-газа ду* «овца-коза есть»; *ниел йу, куор ду, но куор-ниел ду* (инг. *кор-ниI да*) «дверь-окно есть»; *дие ду, буьйса йу, но дие-буьйса ду* «день-ночь есть»; *гла ду, буц йу, но гла-буц ду* «лист-трава есть»; *ков ду, киерт йу, но ков-киерт ду* (инг. *ков-карт да*) «ворота-усадыба есть»; *чуоа ду, гловтал йу, но чуоа-гловтал ду* «шинель-бешмет есть»; *тур ду, тапча йу, но тур-тапча ду* «сабля-пистолет есть»; *йуьхь йу, сибат ду, но йуьхь-сибат ду* «лицо-облик есть»; *йуьхь йу, куьг ду, но йуьхь-куьг ду* «лицо-рука есть»; *да ву, нана йу, но да-нана ду* (инг. *да-нана да*); *йиша йу, ваша ву, но йиша-ваша ду* «сестра-брат есть»; *сту бу, говр йу, но сту-говр ду* «вол-конь есть»; *тай ду, маха бу, но тай-маха ду* «нить-иголка есть» и др. К этому классу относятся также парные слова, состоящие из компонентов, в отдельности относящихся к одному и тому же классу, например к классу *й/й*: *куоч йу, хеча йу, но куоч-хеча ду* «рубашка-брюки есть»; *туоп йу, тапча йу, но туоп-тапча ду* «винтовка-пистолет есть» и др.; к классу *б/б*: *куог бу, куорта бу, но куог-куорта ду* «нога-голова есть», *кад бу Iайг бу, но кад-Iайг ду* «чашка-ложка есть», *марс бу, мангал бу, но марс-мангал ду* «серп-коса есть» и др.

Класоным показателем *д* определяются также парные слова-существительные, компоненты которых в отдельности относятся к классу *д(д)*. Таковы композиты: *гIиллакх-ламаст (ду)* «благородство-обычай (есть)», *марх/а/-ламаз (ду)* «ураза-молитва (есть)» и т. д. Сюда относятся все парные слова, состоящие из масдарных существительных: *даар-малар (ду)* «еда-питье (есть)», *лиер-алар (ду)* «говорение-сказание (есть)»; *виер-ваккхар (ду)* «убийство-изымение (есть)»; см. также композиты, один из компонентов (обычно второй) которых — масдарное имя, например: *хьал-дахар (ду)* «богатство-житие (есть)», *йоза-дигешар (ду)* «письмо-чтение (есть)» и др.

Сравнительно небольшое число парных слов оформляется в классах *й/й*, *б/б*.

К классу *й/й* будут относиться некоторые из парных слов,

¹ При этом имеется в виду компонент в форме ед. ч.

компонента которых оформлены в классе *й/й*. Таковы: *арбаз-паста (йу)* «арбуз-дыня (есть)», *наьрс-памдуор (йу)* «огурец-помидор (есть)» и др.

В некоторых случаях к классу *й/й* относятся и композиты, компоненты которых в отдельности отнесены к разным классам. Например, *буй-гIара (йу)*, но *буй (бу)*, *гIара (ду)* «кулак-ладонь (есть)». *Буй-гIара йира оха царна*. «Кулак-ладонь сделали мы им (то есть набили)». *Дуог-уойла (йу)*, но *дуог (ду)*, *уойла (йу)* «сердце-мысль (есть)»; ср. *Дуог-уойла дика йолуш ву Ахьмад*. «Сердце-мысль хорошую имея, есть Ахьмад» и т. д.

К классу *б(б)* относятся композиты, оба компонента которых в отдельности отнесены к классу *б/б*. Таковы: *хуох-саьрмсиекх (бу)* «лук-чеснок (есть)», но *хуох (бу)*, *саьрмсиекх (бу)*; *Iаж-кхуор (бу)* «яблоко-груша (есть)», но *Iаж (бу)*, *кхуор (бу)* и др.

К данному классу отнесены также все парные слова, где оба компонента или второй компонент — отглагольное существительное с суффиксом *-м*. Примеры на композиты, где оба компонента — отглагольное имя: *тием-сацам (бу)* «успокоение-остановка (есть)», *там-тиектам (бу)* «калым (удовлетворение)-мольба (есть)» и др. Примеры на композиты, где второй компонент — отглагольное имя: *хьал-бахам (бу)* «богатство-хозяйство (есть)»; *сий-ларам (бу)* «почет-уважение (есть)» и др. Сюда же отнесем композиты, где второй компонент — отглагольное имя, а первый компонент — глагол: *бовза-биезам (бу)* «знать-любовь (есть)» и др.

Адамаца кIеда-мерза а, гIиллакхехь а хиларна цуьнан сий-ларам бо юьртахь. «За вежливость и обходительность с людьми его почитают (делают честь-почитание) в селе».

(«Ленинский путь», 1964, 8 марта).

Бовза-биезам хила беа нахаца. «С людьми надо иметь знакомство, связи (букв. знать-любовь)».

(Из разговорной речи).

К классу *в/б* отнесен композит *хьаша-да (хьаша-да ву, хьаша-дай бу)*, состоящий из компонентов мужского класса: *хьаша ву* «гость есть», *да ву* «хозяин есть», и композит *шича-маьхча (шича-мехча ву шича-маьхчуой бу)*, состоящий из

компонентов мужского класса: *шича ву* «двоюродный брат есть», *маьхча ву* «троюродный брат есть»¹.

Таким образом, все парные слова распределяются по четырем грамматическим классам из шести, наличествующих в современном чечено-ингушском языке. При этом нужно отметить, что:

1. Установить точные критерии для отнесения композита к тому или иному грамматическому классу не удается. Для окончательного разрешения этого вопроса необходимо выяснить природу грамматических классов, что остается проблемой на современном этапе изучения нахских языков. Проблема эта не получила разрешения также и в других горских иберийско-кавказских языках, обладающих системой грамматических классов.

2. В употреблении отдельных композитов — парных слов — в том или ином грамматическом классе наблюдаются колебания, то есть имеются случаи, когда один и тот же композит употребляется в двух грамматических классах. Так, например, композиты *дуог-пах* «сердце-легкие», *глаз-куотам* «гусь-курица», *уьстагI-газа* «овца-коза», *сту-говр* «вол-лошадь», *ниел-куор* «дверь-окно», *гIар-тата* «шум-стук» и др. употребимы и в классе *дIд*, и в классе *йIй*; см. например: *гIар-тата ду* и *гIар-тата йу*; *уьстагI-газа ду* и *уьстагI-газа йу*; *дуог-пах ду* и *дуог-пах йу* и т. д.

В классе *бIб* и *дIд* употребляется композит *хуох-саьрмсиекх* «лук-чеснок»: *хуох-саьрмсиекх бу* и *хуох-саьрмсиекх ду*.

Двойное употребление парных слов в отношении грамматических классов может быть объяснено:

- а) диалектными особенностями речи говорящего,
- б) развитием у парных слов переносных и экспрессивных значений, когда слова для передачи значения пренебрежительности употребляются в классах *йIй* и *бIб*, например: *стаг йац* вместо *вац*, *зуда бац* вместо *йац*² и т. д. См. еще примеры на парные слова в текстах из литературы.

ХIораннан дахаре ирс-аьтту хьийза.
Парти ю совйоккхуш токхо.

¹ Чаще данное сочетание употребляется в косвенной форме, в форме местного (локативного) падежа; см. *шича-маьхчалах дэ тхо*. «Мы в родстве (букв. в двоюродном-троюродном родстве)».

² См. нашу работу: Словообразование имен существительных в чеченском языке. — В кн.: Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1, вып. 2. Грозный, 1962.

У каждого в жизни удача (букв. счастье-удача).

Партия приумножает обилие (благо).

(Х. Эдилов. Свет Октября).

*В Египте къектацар
и гIаьхавишгI,
Туман-марха догIанца
Плакать приди.*

В Египте не гремела
Молния эта,
Туман-туча дождем
Плакать приди.

(Х. Эдилов. Свет Октября).

*Собар кхачийча, гIуллакхах йобхначу бIаьстено
боьхачу механ моханаш а кхоьхьуш, мела догIа доьттира де-
буьйса ца лоруш.* «Выйдя из терпения, этику нарушившая вес-
на, горячего ветра волны навевая, полил теплый дождь, не
считаясь ни с днем, ни с ночью (букв. днем-ночью)».

(М. Мусаев. На рассвете).

*Хьежарх ца Iаббал куц-кеп товш нисъелла йол яра вуьр-
хIиттара яьлла Бэлита.* «Ненаглядно симпатичная (букв. об-
раз-форму) идущая стройная девушка была семнадцатилет-
няя Белита».

Дуьстина дича санна гIехь дегI, цуьнца догIуш ког-ност.
«Будто вылепленная, хорошая талия и в меру с ней ножки
(букв. нога — часть ноги от ступни до колена)».

(М. Мусаев. На рассвете).

*Цкъа хIара тезет-белхар дIа а дерзийтина, вешан гIулла-
кхаш диьр ду вай.* «По окончании похорон (букв. «тезет I-
плач») сделаем мы свои дела».

*Жижиг-галнаш а, саьрмсиекхан берам а ши стака а Амхьа-
дана хьалха дIахIоттийра.* «Мясо-галушки, чесночную при-
праву и два стакана поставили перед Амхадом».

*Нахал тола, лакхавалан гIерташ болх бар ду сан дерри-
ге а марс-мангал!* «Работать так, чтобы опередить людей,
подняться — вот все мое серп-коса (то есть занятие)».

*И салам-маршалла вовшашка бен ца хезаш меллаша хи-
лира церан.* «Приветствие² это у них произошло так, что
слышали только они вдвоем».

*Ткъа, цул говнаха, Мирзас даре до, лурчах шен. Хьатун
дов а даьлла вовшашна буй-тIара а еш гIуллакх хилла хи-*

¹ Тезет — сбор людей для выражения соболезнования родственникам умершего.

² Парное слово салам-маршалла в обеих частях переводится одинаково, почему мы ограничиваемся однословным переводом его.

ларна. «А кроме того, Мирза признается, что в позапрошлом году у него с Хату произошла драка, в которой имело место избивание друг друга (букв. сделали друг другу кулак-ладонь)».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Сагатда ца овшу и чов-чардо хиларх, — бахара цу Жаммарзас вела квежарехь. «Беспокоиться не следует из-за ранения¹, — говорил этот Жаммарза, улыбаясь».

(Н. Музаев. Избранные произведения).

Амма цуьнан дог-ойла дешарна чуйирзина яцара. «Но его душа (сердце-мысль) не лежала к учебе».

Глан-набарш дика хир мовтта суна х'инца сайн. «Думаю, что теперь у меня будет хороший сон (букв. сон-дрема)».

Тхан йохка-эцар кхочушхилла. Ваха. «Наша купля-продажа завершилась, Ваха».

Йоккха хан ялале юртахой д'а-сх'а а бахана, Дуддин ков-керт дассаделира. «Через некоторое время односельчане ушли, и двор (букв. ворота-забор) Дудди опустел».

Гедалан коьртехь дахар девзаш, пачх'алкхан х'ал-де хууш нах бу, боху. «Во главе правительства, говорят, есть люди, знающие жизнь, положение (букв. богатство-день) в стране».

Шен доьзал а, тхов-кхерч а болуш ву х'лара-х. «У него есть свои семья и очаг (букв. крыша-очаг)».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Примеры из фольклора:

Мохь-ц'огла хеза суна, орца ва доьхуш,

Араялий ладоглах'а доьхучу орцане.

«Крик (букв. крик-вопл) слышу я, на помощь зовущий. Выйдя, послушай, как просят помощи».

¹ Так как второй компонент в парном слове *чов-чардо* не имеет семантики, мы ограничиваемся переводом его по первому компоненту, соответствующему русскому «ранение», но, вероятно, в оригинале он имеет оттенок пренебрежительности.

Дей-буьйсий дадийна бузучу малхаца
Вахана ма-кхечир, жерочу жима к'лант.

Цу гуьржийн ва махка гуьржийн к'лант вехачу.

«Сутки (букв. день-ночь) промчав с заходящим солнцем, Поехав, пришел вдовый молодой сын
В эту грузинскую страну, где живет грузинский молодец».

Бехк-гуьнахь ва доцуш Гуьржехара ва дуьйна

Ахь соьга байтина инзаре беа некъ,

Цу делан тоьшаллех ас юха бойтур х'овь.

«Вины не имея, из Грузии

Ты меня проделать заставивший страшно длинный путь,
По божьему свидетельству я заставлю тебя обратно
проделать».

Х'оьх долу эхь-бехк зайн дала лобрийла,

Ас дуьйцур ду х'уна билгала бакъдериг.

«Этику (букв. стыд-вина) наш бог да блюдет,
Я расскажу тебе истинную правду».

Давх'ни-х'вал мел дериг х'олаца ма-вахар,

Эцна балор шаьш и ши айг'ар, аьлла.—

«Богатство (букв. скот-богатство) имеющий с богатством
поехал, купив, приведем этих двух жеребцов, сказав».

Арахь мох-дарц санна, чехка вахар, тов.

Цх'абосса ши нак'ост горганчу цу г'лала, цу г'лалин
майдана.

«Подобно бурану (букв. ветер-буран) быстро поехали
Два равных друга в круглый этот город, на площадь этого
города».

§ 25. Редупликативные (повторительные) сложные существительные

Особый разряд сложных слов-существительных составляют повторы, второй компонент которых представляет собой бессмысленную аллитерацию основного (первого) компонента. При этом происходит замена первого согласного звука звуками *к*, *м* и редко *ш*: *суом-куом* «деньги (бумажные)», *шай-кай* (инг. *шей-кей*) «медные деньги», *дов-шов* «скандал» и др. Это так называемые неполные повторы.

Повторы данного типа встречаются во всех иберийско-кавказских языках, а также в языках тюркской, угро-финской, индоевропейской и других языковых семей, где они функционируют в качестве изобразительных средств.

В пахских языках они также употребляются в экспрессивном значении, но иные из них носят на себе и оттенок собирательности. Например: *шай-кай* (*шай* «пятикопеечная монета») имеет значение «деньги», *суом-куом* (*суом* «рубль») тоже «деньги»; *чуо-куо* (*чуо* «желудок») «живот», выражает понятие «требухи» и т. д. Однако в этих примерах ощущается и экспрессивный оттенок пренебрежительности.

В целом композиты данного типа, по слитности компонентов и по семантической структуре подразделяются на две группы.

1. В первую группу следует отнести те композиты, которые создаются в момент речи путем аллитерации слова—объекта речи—с целью придать последнему оттенка пренебрежительности. Таковы: *киезлат-миезлат* (*киезлат* «бумага» + повтор *миезлат*), *куоч-муоч* (*куоч* «рубашка» + повтор *муоч*); *хеча-меча* (*хеча* «брюки» + повтор *меча*) и т. п. Эти композиты примечательны, во-первых, тем, что компоненты их менее слитны, во-вторых, в них преобладает значение эмоциональности: создаются они исключительно для сообщения пренебрежительности объекту речи. Такие повторы возможны почти от всех существительных.

2. Во вторую группу мы относим композиты-повторы, которые даются в готовом виде и компоненты которых относительно монолитны. В этих композитах преобладает значение собирательности. Например: *шай-кай* — это не только «пятикопеечная монета» (*шай*), а «деньги» вообще, *суом-куом* — это не только «рубль» (*суом*), а «деньги» («кредитки») и т. д.

В отличие от слов-повторов первой группы повторы второй группы характеризуются интонационным единством составляющих, грамматической цельностью, обладают единой формообразующей основой, например: *

Им.	<i>шай-кай</i> ,	<i>суом-куом</i> *
Род.	<i>шай-кайн</i>	<i>суом-куоьман</i>
Дат.	<i>шай-кайна</i>	<i>суом-куоьмана</i>
Эрг.	<i>шай-каино</i> ,	<i>суом-куоьмо</i> и т. д.

Ед. ч.: *шай-кай*, *суом-куом*
 Мн. ч.: *шай-кайнаш*, *суом-куоьмаш* и т. д.

Особняком стоят пары-повторы, оба компонента которых семантически затемнены, но значение целого угадывается. Таковы, например, повторы *сал-пал* «домашний скарб», *чанар-чулар* «болтовня» и др. Компоненты композитов-повторов данного типа имеют твердый порядок расположения: на первом месте стоит основной компонент, вторым идет повтор.

Особняком стоят композиты-существительные, состоящие из генетически звукоподражательных слов. Таковы, например, *каркар* «трещотка на мельничном жернове», *тата* «шум» и т. д. Такие композиты образованы путем полного повтора основы.

Мы рассмотрели здесь лишь парные слова-повторы, относящиеся к категории имен существительных. Однако слова данного типа встречаются и в сфере других частей речи: в сфере глагола, прилагательного и др. (см. об этом подробнее ниже).

В литературной и разговорной речи часто встречаются слова-повторы. Так, например:

<i>Ши урд чудерзийна,</i>	«Осенью, когда он кончил
<i>Гурахъ ша ваьлча,</i>	Два надела убирать.
<i>Шийнан ден дийзира</i>	Хозяину дома пришлось
<i>Шай-кайн ян ойла.</i>	О деньгах подумать».

(Х. Эдилов. Свет Октября).

Шайгахъ йолу суом-куом вовшах а тоьхна. ца! туькана вахара нектахойх. «Собрав имеющиеся у них деньги (букв. рубль-мубль)¹, один из путников пошел в магазин».

(Из фольклора).

<i>Син аттах, ланпазлех</i>	От коровы, лачуги моих
<i>Клезиг бу пайда,</i>	Мало толку,
<i>Ильа клеэзиг сал-пал а</i>	Немного домашнего скарба
<i>Гульян сан еза.</i>	Собрать мне нужно.

(Х. Эдилов. Свет Октября).

Дов-шов доцуш дладирзира и гуллакх. «Без скандала закончилось это дело».

(Из разговорной речи).

¹ Так как некоторые сочетания не имеют параллелей в русском, наши переводы носят произвольный характер, а в некоторых случаях мы ограничиваемся смысловым переводом.

Дадас базарара чуп-куо еара эцна. «Отец с базара принес (купив) требуху».

(Из разговорной речи).

Диттийн глашлахь нилха татанаш доладелира. «Среди листьев деревьев началась редкая дробь».

(Н. Музаев. Марш смелых).

§ 26. Аббревиатуры (сложносокращенные слова)

Сложносокращенные слова в чеченском и ингушском языках получили распространение в советский период благодаря письменной литературе.

Обогащение современных чеченского и ингушского литературных языков аббревиатурами происходит:

1. Путем заимствования аббревиатур из русского языка в готовом виде.

2. Путем калькирования с русских образцов.

В свою очередь аббревиатуры-кальки подразделяются на полные и неполные. При полном калькировании переводятся все части аббревиатуры, при неполном калькировании — только часть аббревиатуры.

Примеры аббревиатур, заимствованных в готовом виде: СССР, КПСС, комсомол, партбилет, сберкасса, госбанк, совхоз, колхоз, лесхоз и т. п.

К полным калькам следует отнести аббревиатуры, состоящие из начальных слогов: НохчгIалгIзорб (Чечингиздат), КоьртчIара (Главрыба) ¹ и др.

К неполным относятся такие инициальные кальки, как НГИАССР (ЧИАССР — Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика) и другие, а также кальки, состоящие из начальных слогов русских слов + чеченское слово: медийиша (медсестра), медбелхахо (инг. медболхло), «медработник», культбелхахо (инг. культболхло) «культработник», партболх (инг. так же) «партработа» и т. п.

В первые годы зарождения письменности в чечено-ингушской литературе наблюдалась тенденция по возможности калькировать все аббревиатуры. К этому периоду относятся, например, калька JSKKB (ВЛКСМ) — Jerrigsojuzan Leni-

¹ См.: Ф. С. Льянова. Роль русского языка в обогащении словарного состава чеченского и ингушского языков. Рукопись, стр. 56—57.

Kommunistijn Kegirxojn Bart, профсоюз — Kormatallin) и др.

Такие кальки не получили распространения в языке и вследствие были заменены русскими образцами. В настоящее время инициальные аббревиатуры (СССР, КПСС и др.) в чеченском и ингушском языках употребляются в русской транскрипции. Сказанное относится как к сфере письменной литературы, так и к сфере устной речи.

Несколько иное положение мы имеем в отношении калек со слоговых (в русской части) аббревиатур, которые употребляются исключительно в литературе, а в устной речи, как правило, употребляются преимущественно в русском облике. Например:

в литературе:

медийиша//лорийиша
юьртсовет
медбелхахо
культбелхахо
партбелхахо

в устной речи:

медсестра
сельсовет
медработник
культработник
партработник и т. д.

Правда, в последнее время некоторые из приведенных калек в отдельных случаях встречаются и в устной речи (партбелхахо и др.).

В целом в чеченском и ингушском литературных языках намечается тенденция употреблять сложносокращенные слова в русском облике ¹. Причиной служит, во-первых, то, что этот тип ранее не был свойствен чеченскому и ингушскому языкам, во-вторых, здесь сказывается все возрастающее влияние русского языка, вследствие чего вытеснены разного рода образования, созданные искусственно, без учета структурных и словообразовательных особенностей родных языков.

См. аббревиатуры-кальки в текстах из газеты.

Дукха зударий кхийларна балхара дIабаьхна «Заветы Ильича» цIе йолчу колхозан тракторан бригадан бригадир Рукманов а, Iалеройн юьртсоветан секретарь хилла волю Тумхаджиев а, иштта кхийберш а. «За многоженство сняты с работы бригадир тракторной бригады колхоза «Заветы Ильича» Рукманов, бывший секретарь Алероевского сельсовета Тумхаджиев и другие».

(«Ленинский путь», 1962, 4 февраля).

См.: З. Д. Джамалханов, А. Г. Мациев. Нохчийн мæт ишиса-избараи коьрта бакъонаш (Основные правила правописания чеченского языка). Грозный, 1958, стр. 40.

Оцу жюпаллин муьрехъ юьстах латта йиш яц культбелхалойн: «В этот ответственный период не могут стоять в стороне культработники».

(«Ленинский путь», 1964, 20 марта).

Цигахъ (кружокехъ — К. Ч.) дакъалоцуш ю 26 гергга акушерка а. фельдшер а. лорйиша а. Там (в кружке. — К. Ч.) участвует около 26 акушеров, фельдшеров, медсестер».

(«Ленинский путь», 1964, 5 февраля).

ГЛАВА V

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Сложные прилагательные в вайнахских языках по своей словообразовательной структуре подразделяются на два типа: определительный и сочинительный¹.

Сложные прилагательные определительного типа по своей морфологической структуре подразделяются на несколько разрядов.

В первый разряд отнесем сложные прилагательные, состоящие из разных имен: существительного, числительного и т. д. в первой части и прилагательного во второй части. При этом отметим, что основа прилагательного всегда стоит на втором (последнем) месте.

Этот тип, надо думать, древнейший из всех типов сложных прилагательных. Это видно, в частности, из того, что такие сложные прилагательные встречаются преимущественно в устной народной поэзии, где язык имеет более архаичную форму; см. примеры на существительное в первой части: *дуогцлена* (стаг) (инг. *дуогцлена*) «чистосердечный (человек)» (букв. сердце-чистый); *дуогдика* (адам) (инг. *дуогдика*) «добродушный (человек)» (букв. сердце-хороший); *дуогбоьха* (стаг) (инг. *дуогбоьха*) «злой, подлый (человек)» (букв. сердце-грязный); *дуог-лаьржа* (стаг) (инг. *дуоглаьржа* (саг) «злой, плохой (человек)» (букв. сердце-черный); *сацлена* (дин) «здоровый, сильный (конь)» (букв. душа-чистый); *саблаьрза* (стаг) «суетливый (человек)» (букв. душа-слепой) и т. п.

¹ Речь идет о сложных качественных прилагательных; относительные прилагательные путем словосложения не образуются.

Как видно, указанные сложения относятся к полносложным образованиям. Единичным является пример *унахцлена* (так же) (от *ун* «чума», -х — формант вещ. п., *цлена* «чистый») «здоровый», представляющий собой неполносложное сложение.

Некоторые из таких образований в зависимости от контекста выступают в функции наречия. Таков композит *са-лаьрза*: *Ахьмад цлогла саблаьрза хьийза тахана*. «Ахмад сильно суетливо ведет сегодня».

См. примеры на употребление сложных прилагательных данного типа.

*Цеххана юйлучуьра сецир, тов,
Догмайрачу Чегин бархисонара мажар.
«Вдруг стрелять перестал, мол,
У храброго сердцем (букв. сердцехраброго)
Чегин восьмигранный пистолет».*

*Сацлена гила хьацарна бохбелла,
Шен гила шелба хьо араялахьа,
Шен хьомсар Альбика.*

«Здоровый (букв. душой чистый) конь, от пота разогревшись,
Чтобы моего коня остудить, ты выходи же,
Моя дорогая Альбика».

Ша пурх хадийра, бласийна буьйда Терк,

«Он поперек пересек синий на вид (букв. глазосиний) Терк».

(Из фольклора).

Только в значении наречия выступают образования *йуьхь-лаьржа* (инг. *йуьхьлардж*) «попасть в неудобное положение» (букв. чернолицый), *йуьхьклаь* (инг. *йуьхьклеь*) «оказаться в выгодном положении» (букв. лицебелый); ср.: *Хьо бахьанехъ йуьхьлаьржа хьуьттисо*. «Из-за тебя в неудобное (букв. чернолицее) положение попал я».

Йуьхьклаь веара со цигара. «Вернулся я оттуда с честью» (букв. белолицый).

Надо думать, употребление этих сложений в функции наречия — явление вторичное, возникшее на базе переносного их употребления. Первоначально они были в употреблении только в одном, адъективном значении.

Первым компонентом сложных прилагательных-наречий выступает также имя числительное (количественное) в виде «чистой» основы, а также местоимения.

Например: *цхьабуоса (бераш)* «одинаковые (дети)» — прилагательное; *цхьабуоса (вада)* «одинаково (бежать)» —

наречие; *цхъатера*¹ (зударий) «одинаковые, похожие друг на друга (женщины)» — прилагательное; *цхъатера (лиела)* «одинаково (ходить)» — наречие. Некоторые из таких композитов выступают только в значении прилагательного. Таковы: *бархисонара (мажар)* «восьмигранный (пистолет)», *диеаков (кеглат)* «четырёхгранный (лист)» и др.

По модели данных сложений создаются в чечено-ингушской письменной литературе такие сложные лексемы-прилагательные: *пхиаешера* (инг. *пхешера*) (план) «пятилетний (план)», *вархлшера* (инг. *ворхлшера*) (план) «семилетний (план)»; ср. также форму-кальку с русского «ряд (товарищей)» — *цхъамогла* (*Цхъамогла белхаш язбина Ибрахима*, «Ряд работ написал Ибрагим»). Эти композиты создаются под влиянием русских образцов, в чем проявляется возрастающая роль русского языка в развитии лексики чеченского и ингушского языков.

Но сложных прилагательных с первым компонентом-местоимением немного. Нам удалось обнаружить пока лишь один пример такого типа: *шатайна (стаг)* «своеобразный, особый (человек)» (от *ша* «сам» + *тайна* «вид, сорт»). В некоторых случаях — при отнесенности к глаголу-сказуемому — этот композит приобретает значение наречия, ср.: *Шатайна элира цо иза*, «Своеобразно сказал он это» и т. д.

Очень часто данный композит употребляется с количественным числительным *цхъа* «один»: *Цхъа шатайна стаг ву иза*, «(Один) своеобразный человек он», *Цхъа шатайна элира цо иза*, «(Один) своеобразно сказал он это».

Во второй разряд определительных композитов-прилагательных мы относим такие сложения, которые состоят из существительного в форме сравнительного падежа с формантом *-а/-ла/* в первой части и качественного прилагательного со значением цвета во второй части. Такие сложные прилагательные имеют значение усиления признака (цвета), обозначенного вторым компонентом-прилагательным путем сравнения его (признака) с предметом, обозначенным первым компонентом.

Модель усиленных сложных прилагательных представляет собой соединение имени существительного, обознача-

ющего предмет сравнения, с качественным прилагательным со значением цвета, например: *кларул/а/-лаьржа* «чернее угля», *цларул/а/-сийна* «синее синьки», *цларул/а/-цлue* «краснее огня», *шурул/а/-можа* «желтее желтка», *шурул/а/-клай* «белее молока», *бел-баьццара* «зеленее травы» и т. д.

В ингушском языке отсутствуют подобные образования. Для выражения соответствующих понятий в ингушском прибегают к аналитическому способу с использованием сравнительных частиц *санна*, *муо* «как» + название предмета сравнения + прилагательное, например: *клора санна (муо) лаьржа* «черный, как уголь», *лила санна (муо) сийна* «синий, как синька», *цли санна (муо) цлue* «красный, как огонь», *шура санна (муо) клай* «белый, как молоко», *бей санна (муо) баьццара* «зеленый, как трава» и т. д.

Как видно, ингушские выражения возникли на основе сравнения качества или свойства, выраженного прилагательным, с предметом, обозначенным существительным. Чеченские же сложения восходят к сочетаниям, указывающим на превосходство качества или свойства, выраженного прилагательным, над качеством или свойством предмета сравнения, обозначенного существительным, данным в форме сравнительного падежа. Однако и чеченскому языку свойственно параллельное употребление аналитических форм как сравнительного, так и превосходного значения, например:

Со значением сравнения: *клора санна лаьржа* «черный, как уголь», *шура санна клай* «белый, как молоко», *ли санна коча* «жидкий, как вода», *даьлахк санна члогла* «твердый, как кость»¹.

Со значением превосходства: *хил коча* «жиже воды», *даьлахкал члогла* «тверже кости», *шал шийла* «холоднее льда»² и т. п.

В разряд сложных слов-прилагательных перешли только те сочетания, которые выражают цветовые свойства: *цларула-цлue* «краснее огня», *кларула-лаьржа* «чернее угля» и т. д. Аналитические формы на *санна/муо*, приведенные выше, не являются композитами вообще.

¹ При этом надо заметить, что если в ингушском средством сравнения выступают частицы *санна* и *муо*, то в чеченском наличествует только частица *санна*; частица *муо* здесь не встречается.

² Как видно, сравнение здесь осуществляется без специальных лексем, путем постановки предмета сравнения в сравнительном падеже.

¹ Ср. форму *цхъабуоса* «одинаково, одинаковый», а также *цхъатерра* «похожие, одинаковые», образуемые от тех же основ путем генинации корневых конечных согласных вторых компонентов *-с* и *-р*; формы эти имеют усилительный оттенок значения.

Образования эти хотя и расчленяются в нашем сознании на составляющие, но довольно монолитны в смысловом и фонетико-грамматическом отношении, что видно из следующих их особенностей: 1) они обозначают единое понятие; 2) обладают одним централизующим ударением, помещаемым на первом слоге первого компонента при побочном ударении на первом слоге второго компонента, и интонационным единством составляющих; 3) части их не поддаются ни перестановке, ни разъединению внедрением слова между ними; 4) вступают в соединение с вспомогательными глаголами *да*//*дала* в функции именного компонента: *цларула-цлийда*//*дала* «сделать(ся) краснее огня», *кларула-ларжда*//*дала* «сделать(ся) чернее угля», *лилула-сиенда*//*дала* «сделать(ся) синее синьки», *бурула-мажда*//*дала* «сделать(ся) желтее желтка» и т. д. Эти особенности являются признаком отнесенности образований, интересующих нас, к одной грамматической парадигме.

Примеры: *Кларула-ларжжелла длахиттина догла деа-на аренаш*. «Чернее угля став, почернели поля».

(Из разговорной речи).

Хих буьззина, куьзга санна кьега цуьнан ши бляьрг тлех а беана, охьяхьяьддачу бляьрхин татоло шелжелла цларула-цлийеллачу беснешна тлехула карсол диллира. «Слезы, потекшие из его глаз, наполненных водой и блестящих от этого, как зеркало, проложили канавы по его, от холода краснее огня, покрасневшим щекам».

(М. Мусаев. На рассвете).

Башломара сай боглуш, реглара лу доглуш, орцара чяьгалкх йоглуш — вайн ломаний, регланий юккьехь мел долчу акхаройн хлор хлун векалиш схьататтабелира лом долчу — белбаьццарчу боьра. «Олень с горы Башлам, косуля с гребня, шакал с Черных гор — представители всех родов зверей, обитавших между гребнями и горами, пришли к льву — в зеленую (букв. зеленее травы) долину».

(М. Мусаев. На рассвете).

К сочинительному типу относятся сложные прилагательные, восходящие к сочинительному словосочетанию. Такие композиты в целом обозначают такое качество, которое имеется у предмета в двух оттенках, преимущественно в оттенках цвета, вкуса, например: *цлие-кьорза* (инг. *цлие-кьорза*)

«красно-белая или красно-рябая (корова)»; *муьста-мерза* (инг. *миста-мерза*) (*лаж*) «кисло-сладкое (яблоко)»; *цлай-меда* (инг. *клай-млаьда*) (*комар*) «бело-спелая (тутовая ягода)»; *миелуоша-меда* (*комар*) «коричнево-спелая (тутовая ягода)»; *кьаьхья-дурьа* (инг. *кьахья-дира*) (*цлара*) «горько-соленая (рыба)»; *кледра-мерза* (инг. *кляьдра-мерза*) (*стаг*) «вежливый (человек)» (букв. мягко-сладкий) и т. п.

Несколько иную качественную нагрузку несут следующие сложные прилагательные, которые также относятся к сочинительному типу. Вот эти прилагательные: *хаза-ирча* «красивый-некрасивый» (то есть красивый, но не симпатичный, неуклюжий); *ирча-хаза* «некрасивый-красивый (то есть некрасивый, но приятный, симпатичный)». Как видим, один из компонентов этих композитов выступает как бы определяющим смысл, значение другого. Обычно на первом месте стоит определяемое, а на втором — определяющее. Прилагательных данного типа немного. Тип этот непродуктивен. Как правило, композиты данного типа употребляются в сфере устной общедоступной речи, встречаются также и в литературе:

Циен-кьорза байракх яра тхуна тлехула кхозуш. «Над нами висел красно-пестрый флаг».

Мерза-муьста лезаш ду колхозан бешахь хуьлуш лаьтташ. «В колхозном саду зреют кисло-сладкие яблоки».

(Из разговорной речи).

Особый разряд сложных прилагательных представляют собой сложные прилагательные, образуемые путем повторения основ (редупликация).

Такие прилагательные образуются путем полного повторения основы и имеют разделительный смысл: «что получше, что похуже»¹. Например: *хаза-хаза* (инг. *хоза-хозаг*) (*йуол*) «красивая-красивая (девушка)»; *дика-дика* (инг. *дика-дикаг*) (*клант*) «хороший-хороший (мальчик)»; *вуо-вуо* (инг. *вуо-вуогла*) (*лаж*) «плохое-плохое (яблоко)»; *цлена-цлена* (инг. *цлена-цленаг*) (*кехат*) «чистая-чистая (бумага)».

Примеры: *Хаз а/-хаза лаж схьахьяьржира Ахьмада*. «Ахмад выбрал те из яблок, которые красивы (букв. красивый-красивый)».

Дик/а/-дика клант воглу шьуга хьошалг/а. «К вам в гости

¹ В этом отношении прилагательные-повторы можно квалифицировать как носителей категории множественности.

приходят те из парней, которые хороши (букв. хороший-хороший)».

В ингушском языке прилагательные-повторы данного типа в исходе второй части имеют суффикс *gl/a/*: *дик/a/-дикаgl/a/*, *хоз/a/-хозagl/a/* и др.

Подобное явление мы имеем и в некоторых горночеченских говорах, в частности в шатоевском: *дик/a/-диких*, *хоз/a/-хозох* и др.

С иным семантическим оттенком употребляется неполный повтор-прилагательное *тайп-тайпана*¹ (инг. *тайп-тайпара*) (от повторения производной формы с *-на* — *тайпана* «такой», *тайпа* «вид, разновидность, сорт») «разный»². См. этот пример в контексте: *Тайп-тайпана хуьлу кхалхари*. «Разные бывают смерти (букв. переселение в потусторонний мир)».

(М. Мусаев. На рассвете).

Сложные прилагательные-повторы возникают путем повторения любой основы качественного прилагательного.

При этом замечено, что если в чеченском плосконом диалекте удвоение таких основ преимущественно происходит без каких-либо формантов, то в некоторых наречиях, в частности в ингушском и шатоевском, ко второй части повтора присоединяется суффикс *-gl(a)/-x(a)*.

ГЛАВА VI

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ НАРЕЧИЙ

Выше, в разделе «Сложные прилагательные», мы рассмотрели сложные прилагательные, которые употребляются в контексте в значении качественного наречия: *саб/аьрзе* «неспокойный, беспокойно»; *цхьатера* «одинаковый, одинаково» и т. п.

В данном разделе мы не будем специально останавливаться на таких формах, а будем рассматривать собственно наречные композиты.

По своей грамматической структуре наречные композиты относятся к сочинительному типу.

¹ Конечный *-на* (инг. *-ра*) здесь является суффиксальным элементом, который в первой части отбрасывается при образовании данного повтора.

² Как правило, повтор *тайп-тайпана* употребляется в сочетании с существительным во мн. ч.

Детерминативный тип образования сложных наречий распространения в нахских языках не получил. Однако часто встречается сочинительный тип образования сложных наречий, а также редукативные образования. Встречаются в сфере наречных композитов также сложносинтаксические образования. В образовании сложных наречий участвуют основы разных грамматических категорий, выступающих в составе композитов как в чистом виде, так и в наращенной или производной форме.

В сфере сложных наречий встречаются разные грамматические разряды (наречий), как-то: наречия образа действия, времени и т. д.

Рассмотрение сложных наречий мы будем проводить, деля их на грамматические разряды и попутно отмечая при этом их другие, перечисленные выше признаки.

Различаются следующие грамматические разряды сложных наречий:

1. Сложные наречия времени: *кхана-лама* (инг. *кхоана-лома*) «завтра-послезавтра» (от *кхана* «завтра», *лама* «послезавтра»); *тахан/a/-кхана* (инг. *тахан-кхоана*) «сегодня-завтра» и т. п.

2. Сложные наречия с пространственным значением: *хьал/a/-уохьа* «вверх-вниз» (от *хьала* «вверх», *уохьа* «вниз»); *диехь/a/-сиехьа* (инг. *диехьа-сиехьа*) «на ту-на эту сторону» (в смысле отлучиться куда-либо).

3. Сложные наречия меры и степени: *дукх/a/-клезиг* (инг. *клезиг-дукха*)¹ «много-мало» (от *дукха* «много», *клезиг* «мало») и др.

4. Сложные наречия образа действия: *йукъ/a/-кара* «впережку», *йукъ/a/* «середина», *кара* (точному переводу не поддается в результате затемнения семантики) и т. д.

Как видно, эти композиты в основном относятся к полносложным образованиям.

Чуьрчара, *юкъ-кара*. *вовшашна лере а телаш, далхо шиъ а тергалдеш, лерина ладобгIура ктамеле*. «Присутствующие в комнате, иногда наклоняясь друг к другу на ушко и следя за теми, о ком шла речь, внимательно слушали рассказ».

(М. Мусаев. На рассвете).

¹ Как видно, в ингушском языке части этого сочетания расположены в ином порядке, чем в чеченском. Однако следует отметить, что в чеченском такой порядок тоже приемлем.

Жим-тлама хлүмалгаш эгна-м боху... «Немного вещей говорят, перепалол».

(Н. Музаев. Марш смелых).

*Длахъовсал, клентой,
Теркаца хъала-охъа,
Вайна догълуш ду шуна
Теркаца ва орца.*

Смотрите, молодцы,
По Тереку вверх-вниз,
Нам на помощь идет
По Тереку подкрепление.

*Тахана хьо, нанас бер санна, кара-мара цо эцца а.
Ма ледар лета хьо, жерочун хьо клиллу.*

«Если сегодня, как мать ребенка, в руки тебя он возьмет,
Как ты плохо дерешься, ой вдовый трус».

*Клезиг-дукха некъбина шаьш боьлхуш
Кхечир тов, и дика ва клентий цу сийначу Теркатле.*

«Мало-много дорогу проделав,
Пришли, говорят, к синему Тереку эти добрые молодцы».

(Из фольклора).

Наиболее распространенными следует считать образования сложных наречий путем повторения их основ.

Редупликации подвергаются основы разных разрядов наречий, а именно:

1. Наречий образа действия: *сих/а/* (инг. *сих*) «букст-ро», *сих-сиха* (инг. *сих-сихаг/*) «часто-часто»; *йух/а/* (инг. так же) «снова», *йух-йуха* (инг. *йух-йухаг/а/*) «снова-снова» и т. д.

2. Наречий времени: *буса* (инг. так же) «ночью», *бус/а/-буса* (инг. *бусса-буса*) «каждую ночь»; *гура* (инг. так же) «утром», *гур/а/-гура* (инг. *гурра-гура*) «каждое утро» и т. д.

3. Наречий места: *гена* (инг. *гаьна*) «далеко», *ген/а/-гена* (инг. *гаьн-гаьна*) «на определенном расстоянии друг от друга» («далеко-далеко»); *йукъа* (инг. *йукъе*) «в середине», *йукъ-йукъа* (инг. *йукъ-йукъе*) «через определенный промежуток (о времени или пространстве)»; *йуххие* (инг. *йухе*), *йух-йуххие* (инг. *йух-йухе*) «близко друг к другу, на близком расстоянии друг от друга» и т. д.

4. Наречий меры: *цкъа* (инг. так же) «один раз, однажды», *цкъацкъа* (инг. *цкъазза*)¹ «иногда»; *жимма* «немного», *жим-жимма* «понемногу» и т. д.

¹ См. также образования от данной основы *цкъан-цкъа* (инг. *цкъан-цкъа*) «никогда», *цкъеллиг-цкъа* «иногда», которые в своей первой части имеют наращенные форманты *-н*, *-ллиг*.

Небезынтересно при этом отметить, что при повторении некоторых наречных основ наблюдается переход повтора из одного грамматического разряда в другой.

Так, например, наречия места *гена* (инг. *гаьна*) «далеко», *йуххие* (инг. *йухе*) «близко», *уллуо* (инг. *улув*) «близко» и другие при повторении приобретают значение наречия образа действия: *ген/а/-гена*, *йух-йуххие*, *ул-уллуо*. См.: *Тхуо* (муха?) *ул-уллуо хеяшира охъа*. «Мы (как?) рядом (близко) сели».

Повторы основ наречий времени, места и меры подразделяются на полносложные и неполносложные.

1. К полносложным относятся основы, не осложненные при удвоении какими-либо звукоэлементами или формантами грамматических категорий. Таковы основы наречий времени: *бус/а/-буса* «каждую ночь», *гур/а/-гура* «каждое утро» и др.; основы наречий места: *гена-гена* «на расстоянии друг от друга», *йукъ-йукъа* «попеременно» и др.

2. К неполносложным относятся повторы с временным значением, осложняемые в первой или второй части разными заставшими формантами падежей: *цкъан/а/-цкъа* «никогда», *цкъеллиг-цкъа* «никогда» (*-н/а/*, *-ллиг* — детерминанты).

По тому, в какой части повтора локализуется тот или иной формант, эти образования можно подразделить на три группы:

В первую группу входят повторы, к каждой части которых присоединяется тот или иной формант; ср. *дие-нуо* = *диен-нуо* (инг. *диен-га-ра* = *диен-га*) (*-нуо/* *-га/* *-ра* — детерминанты), «изо дня в день»; *ша-ра-шарахъ* (инг. *шера-шера*) (*-ра*, *-хъ* — детерминанты) «из года в год».

Во вторую группу отнесем повторы с детерминантом в первой части: *цкъа-н-цкъа* (*-н* — детерминант) «никогда», ср. инг. *цкъаь-цкъа*, где отсутствует детерминант; *цкъе-ллиг-цкъа* (*-ллиг* — детерминант).

В третью группу отнесем повторы с детерминантом во второй части. Таковы наречия с формантом локатива *-хъ* в исходе второго компонента: *гур-гурахъ* (инг. *гур/а/-гурахъ/а/*) «каждую осень»; *сар/а/-сарахъ* (инг. *сар/а/-сарахъа/*) «каждый вечер»; *сохъ-сохътиехъ* (инг. *сахъ-сахъта/*) «ежечасно», «каждый час»; *мин-минцотехъ*. «ежеминутно, каждую минуту».

Кроме того, наречные повторы подразделяются по признаку наличия или отсутствия фонетических изменений в составляющих частях.

1. Повторы, в составляющих частях которых не наблюдается фонетических изменений. Таковы: *бус/а/-буса* «каждую ночь», *сих/а/-сиха* «часто»; *йукъа-йукъа* «попеременно».

2. Повторы, которые подвергаются разным фонетическим изменениям: а) усечению концовок первой части: *ул-уллие* «рядом», *юх-юххие* «поблизости», *мин-минутехъ* «каждую минуту», *сохъ-сохътиехъ* (от *сахът* «час») «каждый час»; б) повторы, которые в обеих частях подвергаются перегласовке: *хен-хенахъ* (от *хан* «время»: $\bar{a} \rightarrow \acute{e}$); *шар(а)-шарахъ* (от *шуо* «год»: $\bar{y}o \rightarrow \acute{a}$); *диенуо-диануо* (от *дие* «день»: $\bar{u}e \rightarrow \acute{u}e$).

Таким образом, сложные наречия редупликативного типа имеют довольно широкое распространение в вайнахских языках.

В меньшей степени распространены сложные наречия, образуемые путем сложения двух семантически разных, грамматически независимых основ.

Надо думать, что процесс образования сложных наречий продолжается. Это происходит за счет сочетаний форм разных частей речи, которые в процессе развития языка приобретают адвербиальные значения.

В свете сказанного весьма интересны сложения типа: мимео-изобразительные слова + глагольная форма прошедшего совершенного времени, которые (сложения) по всем признакам (как грамматическим, так и семантическим) можно включить в разряд наречий. Таковы: *тлахъаблла* (*лиела*) «бойко (вести)»; *хлайтъаблла* (*лиела*) «активно (вести)» и т. д.

Некоторые из таких сложений могут выступать в предложении в функции прилагательного, например: *Тлахъаблла стаг ву Ахмад*. «Энергичный, бойкий человек есть Ахмад».

См. примеры из литературы:

Цкъацкъа и хуьлу-кх суна. — элира Джумабайс, *котама* *глоглах це а тухуш*. «Иногда так случается со мной, — сказал Джумабай, откусывая куриную ножку».

(М. Мусаев. На рассвете).

Цкъллиг-цкъа-м ламор вац. «Никогда не выучу».

(М. Мусаев. На рассвете).

Мотоцикл а, велосипед а гора хъабда доьдуш юкъ-юкъа. «Периодически выдвигались мчавшиеся мотоцикл и велосипед».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Юх-юха иза вер муха дара дуьйцура. «Снова-снова рассказывали об обстоятельствах его убийства».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Кест-кеста кехаташ карадора цунна шен стоьла тлехъ Юх-куш, колхозерчу шен доттаглашкара. «Он часто (часто-часто) находил на своем столе письма от своих друзей из колхоза».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Цунах гуллакх хир дац, — тлеттла чубраюьлуш дуьйцура, шех Белита ца кхуьу моьтгучу Паладас. «Ничего из этого не получится, — все более расходилась Палада, полагая, что ее не понимает Белита».

(М. Мусаев. На рассвете).

Амма иза меллаша, жим-жимма тлехулара балда а хъедеш елакъежара, тлаккха цецъяьлла, шуьйра бляьргаи а биллина, тийна хъежар а дуьхъалтуьйсуре Хожийна. «Но Хожа мысленно представлял себе то, как она тихо, чуть-чуть приподнимая верхнюю губу, улыбалась, потом удивленно раскрывая большие глаза, смиренно смотрела».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Наг-наггахъ, глашлой дуьхъалбетталора цунна. «Иногда ему встречались пешеходы».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Физика а, химия а, математика а тлаьхъ-тлаьхъа, хьоме хетара цунна. «Ему постепенно начинали нравиться физика, химия и математика».

(Н. Музаев. Марш смелых).

ГЛАВА VII

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Сложные числительные по своей грамматической структуре могут быть распределены на два типа — определительный и сочинительный.

Кроме того, развит способ редупликации. Каждый из этих способов рассмотрим отдельно.

§ 27. Сложные числительные определительного типа

Числительные данного типа немногочисленны, и мы встретили их всего три: *шовзткѣа* (инг., акк., кист. так же, чеб. *шавзткѣа*, бацб. *шадзткѣа*) «сорок» («дважды двадцать»); *кхузткѣа* (майстинский говор, чеб. так же, бацб. *кхуозткѣа*, инг., акк. *кховзткѣа*, мелхинский говор *кѣовзткѣа*) «шестьдесят» («трижды двадцать»); *диезткѣа* (инг., чеб. так же, кист. *добвзткѣа*, майстинский говор *девткѣа*, мелхинский говор кист. диалекта, акк. *дивзткѣа*, бацб. *дѣеузткѣа*) «восемьдесят» («четырежды двадцать»).

Как видим, числительные этого типа в различных фонетических модификациях встречаются во всех нахских языках и диалектах и совпадают по своей словообразовательной структуре. Они имеют следующую общую грамматическую структуру: первый компонент — форма краткого числительного с обычным суффиксом *-з/-дза/-зз/а/*¹, произведенная от простых количественных числительных *шиѣ//ши* «два», *кхуоѣ//кхуо* «три», *диѣ* «четыре». Первые компоненты, как правило, выступают в функции определения по отношению ко второму компоненту, представляющему собой основу простого количественного числительного *ткѣа* (чеб., кист., акк., бацб. так же) «двадцать», *шовзткѣа* «сорок» («дважды двадцать»), *кхузткѣа* «шестьдесят» («трижды двадцать») и др.

При этом в основе числительных данного типа происходят разные фонетические изменения. Эти изменения в разных диалектах носят различный характер.

Особый интерес представляют вокабулы первого компонента в мелхинском говоре кистинского диалекта, в котором отсутствует суффикс *-з/-дз/дза/-зз/а/*: *шевткѣа*, *кѣовткѣа*, *девткѣа*.

¹ Исключение составляет мелхинский говор кистинского диалекта, где первый компонент не имеет суффикса.

Компоненты сложных числительных данного типа не поддаются ни перестановке, ни разъединению внедрением между ними другого слова без того, чтобы не нарушить их сложную структуру. Числительные эти представляют собой единую монолитную слово-формообразующую основу (*шовзткѣанна* (дат. п.) «сорока», *шовзткѣазлагла* «сороковой» и др.). Они выступают также частью составных числительных: *бле шовзткѣа* «сто сорок», *цѣѣа эзар кхузткѣей ца!* «тысяча шестьдесят один» и др. Основное ударение в этих композитах локализуется на ударном слоге первого компонента.

Например: *Шовзткѣара яллачу советски пачхьалкхо эзар шарахъ ца бина некъ бина*. «Сорокалетнее (букв. из сорока вышедшее) Советское государство проделало дорогу, которая не проделана в тысячу лет».

(Н. Музаев. Марш смелых).

§ 28. Сложные числительные сочинительного типа

Композиты-числительные сочинительного типа состоят из грамматически независимых друг от друга основ числительных. Таковы в нахских языках сложные числительные от *одиннадцати* до *восемнадцати* включительно¹.

Первыми компонентами в таких числительных выступают простые количественные числительные от *одного* до *восьми*. Вторым компонентом служит основа простого количественного числительного *итт* «десять».

Таким образом, порядок расположения компонентов сложных числительных сочинительного типа в нахских языках таков: соответствующая единица — *итт* (инг. так же, бацб. *итт/!*) «десять». Это отличает нахские языки от других горских иберийско-кавказских языков, например, аварского, даргинского, хиналугского, кабардино-черкесского и других, в которых первым компонентом сложных числительных идет основа числительного *десять*, а на втором месте стоит основа, обозначающая соответствующую единицу. При этом сочетание

¹ Ввиду неясности этимологии второго компонента числительное *ткѣа* «девятнадцать» не поддается точному структурному анализу. Первым компонентом в числительном *тѣѣа* «девятнадцать», надо полагать, выступает основа числительного *ткѣа* «двадцать».

«по четыре», но *кхуоккх/а/-диъ-диъ* (инг. так же) «по три-по четыре»; см. также *пхиппа-ялх-ялх* (инг. так же) «по пять-по шесть»; *вархI-вархI-бархI-бархI* (инг. *ворхI-ворхI-бархI-бархI*) «по семь-по восемь» и т. д. См. примеры на сочетание повторов из сложных числительных: *цхъа-цхъайтт/а/—ши-шийтт/а/* (инг. так же) «по одиннадцать-по двенадцать»; *кхой-кхойтт/а/-де-дейтт/а/* (инг. *кхо-кхойтт/а/-ди-дийтт/а/*) «по-тринадцать-по четырнадцать» и др.

См. примеры на сочетания повторов в составных числительных: *ткъе исс-исс — ткъе итт-итт* (инг. *ткъаь ийс-ийс — ткъаь итт-итт*) «по двадцать девять—по тридцать»; *ткъе пхиппа — ткъе йалх-йалх* (инг. *ткъаь пхиппа — ткъаь йалх-йалх*) «по двадцать пять — по двадцать шесть» и др.

Сочетания данного типа хотя и отличаются семантическим единством, но фонетически и грамматически (наличие двух и более ударений одинаковой силы и присоединение формантов к каждой части при изменении по грамматическим категориям) раздельно оформлены и, следовательно, к собственно композитам не причисляются.

Ши-кхо де а дара хIара шиъ безам тасабелла долу.
«Два-три дня было с тех пор, как они полюбили друг друга».

(М. Мусаев. На рассвете).

Цхъацца ша ша а, кхоккха-виъ-виъ цхъаьна а белхалой гора Хожина заводе боьлхуш. «Хожа видел, как поодиночке и по три-по четыре вместе рабочие шли на завод».

Баллах паргIат волчу заманчохъ, Хожас хIор денна а цхъацца-шишша сохътехъ шен кертахъ гIуллакхаш дора. «В свободное от работы время Хожа ежедневно по одному-по два часа работал на своей усадьбе».

(Н. Музаев. Марш смелых).

§ 29. Сложные числительные-повторы

Путем повторения основ числительных образуются рас-
пределительные числительные.

Данный способ образования сложных числительных рас-
пространяется на два грамматических разряда числитель-
ных — на количественные и кратные:

1) основы количественных числительных как простых,
так и сложных или составных: *цхъа* «один», *цхъацца* «по од-

ну»; *шийтта* «двенадцать», *ши-шийтта* «по двенадцать»
и т. д.

2) основы кратных числительных, производных в свою
очередь от количественных числительных всех типов посред-
ством суффикса *-зз/а/* (инг. так же) *шозз/а/* (инг. так же)
«дважды» от *ши* «два», *кхузз/а/* (инг. *кхозза*) «трижды» от
кхуо «три» и т. д.

По характеру фонетических эволюций, происходящих при
повторении основ числительных, образования данной группы
можно подразделять также на три типа.

К первому типу отнесем повторы из простых числитель-
ных, которые подвергаются фонетическим изменениям (удво-
ению корневых согласных во второй части). Таковы реду-
пликаты из простых числительных с гласным звуком в окон-
чаниях, например: *цхъацца/а/*¹ (инг., чеб., кист., акк. так же)
«по одному» от *цхъа* «один»; *шишш/а/* (инг., чеб., кист., акк.
так же, бацб. *шишш*) «по два» от *ши/шиъ* «два»; *кхоккха*
(инг. так же) «по три» от *кхуо/кхуоъ* «три», *пхиппа* (акк. так
же, чеб., кист., инг. *пхи-пхи*, бацб. *пхипхи*) «по пять» от *пхи/*
пхиъ «пять».

Ко второму типу отнесем числительные-повторы, которые
подвергаются таким фонетическим модификациям, как усече-
ние концовок в первой части. Таковы повторы из сложных
числительных от *одиннадцати* до *восемнадцати* включитель-
но², *сорок* и *шестьдесят*, например: *цхъай-цхъайтт/а/* «по один-
надцать» от *цхъайтт/а/* «одиннадцать»; *ший-шийтт/а/* (инг.
шийтт-шийтт/а/) «по двенадцать» от *шийтт/а/* «двенадцать»;
кхой-кхойтт/а/ (инг. *кхойтт-кхойтт/а/*) «по тринадцать» от
кхойтт/а/ «тринадцать»; *дей-дейтт/а/* (инг. *дийтт-дийтт/а/*) «по
четырнадцать» от *дейтт/а/* */дийтт/а/* «четырнадцать»; *пхий-
пхийтт/а/* (инг. *пхийтт-пхийтт/а/*) «по пятнадцать» от *пхийтт/а/*
«пятнадцать»; *йалх-йалхийтт/а/* (чеб. так же, инг. *йалхайтт-
йалхайтт/а/*, кист. *йалх-йалхийтт*, акк. *йархийтт-йархийтт/а/*)
«по шестнадцать» от *йалхийтт/а/* «шестнадцать»; *шов-шовз-
ткъа* (инг. *шовзткъа-шовзткъа*) «по сорок» от *шовзткъа* «со-
рок»; *кху-кхузткъа* (инг. *кховзткъа-кховзткъа*) «по шестьде-
сят» от *кхузткъа* «шестьдесят» и т. п.

¹ Кроме удвоения согласного второй части *ц*, здесь наблюдается
также исчезновение корневого аффрированного звука *хъ*.

² При редупликации у основы числительного *ткъайасна* «девятнадцать»
отбрасывается первый слог. Ср. *ткъайасна-йасна* «по девятнадцать».

К третьему типу отнесем повторы из простых числительных, которые индифферентны к фонетическим модификациям. Таковы: *диъ* (с классными экспонентами *д, б, в, й*) «четыре», *йалх* «шесть», *итт* «десять» и *ткъа* «двадцать». Например: *диъ-диъ* (инг., акк. кист. так же); *йалх-йалх* (инг., чеч., кист. так же, акк. *йарх-йарх*) «по шесть» от *йалх/йарх* «шесть»; *варх/варх* (инг. *ворх/ворх*, акк. *вар-вар*) «по семь»; *барх/барх* (инг. так же, акк. *бар-бар*) «по восемь» от *барх* «восемь»; *исс-исс* (акк. так же, инг. *ийс-ийс*) «по девять» от *ис/ийс* «девять»; *итт-итт* (инг. так же, баиб. *итт/итт*) «по десять» от *итт/итт* «десять»; *ткъаткъа* (инг. *ткъо-ткъо*) «по двадцать» от *ткъа* (инг. *ткъо*) «двадцать». В составных числительных редупликация происходит, как правило, в последнем слове, например: *ткъе лхиппа* (инг. *ткъаб лхиппа*) «по двадцать пять», *шовзткъей итт-итт* (инг. *шовзткъей итт-итт*) «по пятьдесят», *бле шовз-шовзткъа* (инг. *бале шовз-шовзткъа*) «по сто сорок» и т. п.

Как видно из примеров, фонетические изменения в редупликативных образованиях указанного типа в разных нахских языках и диалектах отличаются друг от друга; например, в ингушском языке основы сложных числительных, за исключением основы *одиннадцать*, повторяются полностью (*дийтт-дийтта*, *йалхайтт-йалхайтта* и др.), тогда как в чеченском при повторении в качестве первого компонента берется только первая часть сложного числительного (*йалх-йалхийтта*, *вуйр-вуйрийтта*).

Наблюдается удвоение не только последнего слова составных числительных, но и начального слова в том случае, когда первыми идут простые числительные, например, *ийъ-ийъ бле ткъаткъа* «четыре сотни по двадцать», *лхиппа эзар кху-къузткъа* «пять тысяч по шестьдесят» и т. д.

См. еще: *Табъхий-хъалхий*, *цхъацций*, *шииша-кхоккха* *цхъабний схъаэха буйлабелира юртахой*. «Друг за другом, по одному, двое-трое вместе, стали прибывать сельчане».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Звенон *ткъа гектарах хлоранна тлера йиъ-йиъ бле ткъаткъа центнери кхушара свеклаш яха тлеаьцначу цо шен участок кхаа муьре а екъна лелайора*. «Обязавшись в этом году получить с двадцати гектаров по четыреста двадцать центнеров с каждого, он обрабатывал свой участок, разделив его на три части».

(М. Мусаев. На рассвете).

Удвоению подвергаются также основы кратных числительных с суффиксом *-зза* (инг. *-дэдз/а/*); он отбрасывается при этом в первой части, за исключением основ: *ши* «два», *шозз/а/-шозза* «по два раза»; *ткъа* «двадцать», *ткъозз/а/-ткъозза* «по двадцать раз»; *бле* «сто», *блосз/а/-блосза* «по сто раз». В ингушском языке суффикс этот сохраняется во всех случаях: *кходэдз/а/-кходэдз/а/* «по три раза», *диеадэдз/а/-диеадэдз/а/* «по четыре раза» и т. д.

Редупликации данного типа подвергаются основы всех числительных с указанным суффиксом, за исключением основы *цхъа/ца/* «один», которая не образует кратной формы посредством суффикса *-зза*, а образует ее путем супплетивизма: *ца/цхъа-цкъа* «один-один раз», отсюда *цкъацкъа* «по одному разу». В ингушском образовании кратной формы от основы *цхъа* «один» с помощью указанного суффикса возможно, но это происходит уже от супплетивной формы: *цкъа-цкъадэдз/а/*, отсюда *цкъадэдз/а/-цкъадэдз/а/* «по одному разу».

При образовании повторов от сложных числительных кратной формы основы последних повторяются полностью. (Отбрасывается суффикс *-зза* в первой части — в чеченском; в ингушском суффикс *-зза* сохраняется в обеих частях, например: чеч. *цхъайтт/а/-цхъайттазза* (инг. *цхъайттадэдз-цхъайттадэдз/а/*) «по одиннадцать раз»; *шийтт/а/-шийттазза/шуйтта-шуйттазза* (инг. *шийттадэдз-шийттадэдз/а/*) «по двенадцать»; *йалхийтта-йалхийттазза* (инг. *йалхайттадэдз-йалхайттадэдз/а/*) «по шестнадцать раз»; *шовзткъа-шовзткъазза* (инг. *шовзткъадэдз-шовзткъадэдз/а/*) «по сорок раз»; *кхузткъа-кхузткъазза* (инг. *кховзткъадэдз-кховзткъадэдз/а/*) «по шестьдесят раз».

При образовании основ данного типа из составных числительных удваивается только последнее слово, например: *ткъе дуоба-дуобазза* «по двадцать четыре раза», *бле кхойтта-кхойттазза* «по сто тридцать раз», *эзар ткъе лхуйтта-лхуйттазза* «по тысяча тридцати пяти раз» и т. п.¹

Гена *кхоссавалар къуйсуш шозза/а/-шозза кхоссавелира шиклант*. «Соревнуясь в прыжках в длину, по два раза (букв. дважды-дважды) прыгнули два мальчика».

Гош *лаьржа йора дой оьзага шодмашца кху-кхузза чов-*

¹ Ингушский в принципе по данному вопросу не расходится с чеченским.

хир, тов, цу Клентий Герано. «Скаковых коней с черными колесами кнутами по три раза (букв. трижды-трижды) пристегнул, говорят, этих молодых отряд».

Шина наьрт-аьртхочо шийт-шийттацца пхьаьрчий туьйх-ра вовшашна. «Два нарт-орстхойца¹ по двенадцать раз стрелами ударили друг друга».

Ши наьтоост ткъе итт-иттацца ведира хьалхавалар кьуьй-суш. «Соревнуясь в беге, два товарища пробежали по тридцать раз».

(Из фольклора).

ГЛАВА VIII

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

В нахских языках отмечается восемь (в чечено-ингушском) или десять (в бацбийском) разрядов местоимений, отличающихся морфологическими, фонетическими и синтаксическими разновидностями. В чеченском (по классификации Н. Ф. Яковлева)²: личные, лично-притяжательные, возвратные, возвратно-притяжательные, указательные, определительные, неопределенные, отрицательные. В ингушском З. К. Мальсаговым³ дана следующая классификация: личные, возвратные, притяжательные, вопросительные, указательные, определительные, неопределенные, отрицательные.

В бацбийском, кроме перечисленных типов, проф. Дешериев⁴ выделил еще два разряда — относительные и обобщительные местоимения. Подавляющее большинство перечисленных местоимений состоит (синхронно) из одной непроемной основы. Однако некоторые из этих разрядов имеют составную основу. Таковы, например, некоторые определительные местоимения, возникшие путем редупликации основы вопросительного местоимения: муха? (инг. мишта?) «как? какой?» → мухха-мухха а (стаг) «всякий (человек)»; муьлха? (инг. малага?) «какой? который?» → муьлх-муьлхха а (стаг)

¹ Нарт-орстхойцы — легендарные герои чечено-ингушского нартского эпоса.

² См.: Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960.

³ См.: З. К. Мальсагов. Грамматика ингушского языка. Грозный, 1960.

⁴ См.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953.

всякий (человек)»; мила? (инг. мала?) «кто?» → мил-милла «всякий»; х/ун? (инг. фу?) «что?» → х/уь-х/уьа а «всякий». Последние два местоимения имеют самостоятельное значение и с именем не сочетаются. При этом, как видно, в обоих частях наблюдаются фонетические изменения: отпадение конечного в первой части, наращение и удвоение — во второй части. Формы эти отсутствуют в ингушском. Редупликации подвергаются и другие основы вопросительных местоимений, при этом они приобретают значение разделительности. Таковы, например, основы маса? «сколько?» → маса-маса? «по сколько? в каком количестве?»; миел? «сколько? как много?» → миел-миел? «по сколько? в каком количестве? в каком размере?»

Составную основу имеют усилительные формы возвратных и возвратно-притяжательных местоимений.

Усилительная форма возвратного местоимения представляет собой сложную основу, состоящую из личного местоимения (в первой части) и возвратного местоимения (во второй части), например: суо-суо (инг. суо-сие, акк. суо-се, кист. суо-суо) «я сам»; хьуо-хьуо (инг. хьуо-хьие, акк. хьо-хье, кист. хьуо-хьуо) «ты сам»; и-ша (инг. из-шие, акк. и-ша, кист. аз-шие) «он сам» и т. д. Усилительная форма притяжательного местоимения состоит из основы личного местоимения в форме родительного падежа плюс та же форма с оттенком усилительности в значении принадлежности («принадлежащее только мне, мое собственное»). В фонетическом отношении такие формы подвергаются наращению сонорного назального *й* (*йот*), например: са-сай (инг. так же) «принадлежащий только мне»; хьа-хьай (инг. так же) «принадлежащий только тебе»; цуьна-шие (инг. цун-ший) «принадлежащий только ему»¹.

Встречаются составные местоимения и других форм, как-то: х/ара-ша (инг. ер-шие) «этот сам», важа-ша «другой сам» и другие. Эти местоимения состоят из указательного (в первой части) и определительного (во второй части) местоимений (х/ара-ша); местоимение важа-ша состоит из двух основ определительных местоимений (важа «другой», ша «сам»). Среди сложных местоимений вышеуказанных типов особое место занимает местоимение ша-ша «каждый в отдельности, порознь», образуемое путем удвоения основы воз-

¹ Каждое из этих образований имеет и соответствующую форму мн. ч., но мы ее здесь не приводим за ненадобностью.

вратного местоимения третьего лица ед. числа *ша* «сам» без каких-либо фонетических модификаций.

Таким образом, составные местоимения и их формы образуются преимущественно путем редупликаций различных местоименных основ. При этом в одних происходят фонетические эволюции, другие к фонетическим изменениям индифферентны.

Усилительные формы возвратно-притяжательных местоимений не изменяются по падежам, изменяется только определяемое ими существительное.

Им.	<i>са-сай̄</i> говор	моя лошадь
Род.	<i>са-сай̄</i> говран	моей лошади
Дат.	<i>са-сай̄</i> говрана	моей лошади
Эрг.	<i>са-сай̄</i> говруо	моя лошадь и т. д.

Усилительные формы возвратного местоимения изменяются по падежам, например:

Им.	<i>суо-суо</i>	я сам
Род.	<i>са-сай̄</i>	меня самого
Дат.	<i>суна-сайнна</i>	мне самому
Эрг.	<i>ас-айса</i>	я сам

При этом, как видно, изменяются обе основы в отдельности, что ставит под сомнение их цельнооформленность. См. примеры из литературы:

Юртахой шайн-шайн ардаш тлехь к̄ахьобьгуш бари г̄оьрттина шарера валлал цу ц̄ьрдо луш ерг с̄х̄аяккха. «Каждый житель села работал на своих делянках (букв. своих своих), стараясь получить на год все, что способна дать делянка».

Массара а шайн-шайна хетарш дуьйцура. «Каждый говорил то, что ему (букв. себе-себе) кажется».

Хьанна-хьанна а-м ца ло хьуна цо т̄едиллина. «Не всякому (букв. кому-кому) он дает в долг».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы)

Адамыш сайх доьлу мьоттуш хиларна а бехке мила ву? *Со-суо ву!* «Кто виноват в том, что мне кажется, будто над мной насмеются все? Я сам (есть)».

(Н. Музаев. Марш смелых)

Хьуо-хьуо ваха веза хуьнах. «Ты сам должен поехать в

Хара куоч сан-сайн йу. «Эта рубашка принадлежит только мне».

Мил-милла а ца вохуьйту с̄езде. «Не всякого (букв. кто-то) посылают на съезд».

Муьлх-муьлхха а ца обьцу партие. «Не всякого (букв. какой-какой) принимают в партию».

(Из разговорной речи).

ГЛАВА IX

СЛОВСОЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

§ 30. Общие сведения

Как уже было отмечено (см. вводную главу), границы между глагольным композитом подчинительного типа и соответствующим словосочетанием весьма текучи. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

1. Между глаголом и сочетающимся с ним именем в синтаксическом словосочетании отсутствует грамматическая связь, материально выражаемая посредством флексий (окончаний), например: *глаж туюх̄а* (инг. *гладж туюха*) «палкой ударить»; *тлулг кхуосса* (инг. *кхиера кхосса*) «камень бросить» и т. д. Следовательно, не приходится говорить об отсутствии такой связи между компонентами соответствующего композита как о показателе цельнооформленности, отличающей глагольный композит от свободного глагольного словосочетания.

2. И части глагольного словосочетания, и части соответствующего композита можно расчленить вставкой между ними слова. Чаще такими словами бывают служебные части речи (частицы, союзы).

3. Части глагольного словосочетания и части соответствующих сложных глаголов, как правило, можно переставить.

Мы видим, что вопрос о монолитности частей большинства глагольных композитов как о критерии для отграничения последних от соответствующих синтаксических словосочетаний отпадает, поскольку и те и другие обладают одинаковыми особенностями — членимостью составляющих частей.

Однако глагольные композиты и соответствующие словосочетания имеют и существенные различия.

1. Глагольные композиты в отличие от соответствующих словосочетаний выражают одно единое понятие, которое не

совпадает с суммой значений составляющих, т. е. глагольные композиты в отличие от соответствующих свободных глагольных словосочетаний обладают идиоматичностью. Например композит *сатуоха* (инг. *сатуоха*) означает не «душу ударить», как гласит сумма его составляющих, а «проявить терпение, сдержанность»; *дуогдаха* (инг. *дуогдаха*) означает не «сердце изымать», как гласит сумма значений его составляющих, а «надеяться, питать надежду» и т. д.

2. Между частями глагольного композита нарушается логико-семантическая и синтаксическая связь, наличествующая между частями соответствующего свободного глагольного словосочетания. Например, до превращения в композит между частями сочетания *къадиеха* «проклинать» («грех просить» — *къа* «грех», *диеха* «просить») существовала ощутимая синтаксическая связь управления (*диеха* «просить» — сказуемое, выраженное переходным глаголом + *къа* «грех» — прямое дополнение, логический объект, выраженный именем существительным). В настоящее время такая связь между компонентами данного сочетания отсутствует, оно выступает в предложении как один член предложения — сказуемое. См. *Ас Илесана къа доьху*. «Я Илеса проклинаю».

3. Кроме того, грамматическая монолитность частей собственно глагольного композита наиболее ярко проявляется в том, что первый компонент-существительное не определяется другими словами в составе композита. Так, например, качественное прилагательное-наречие *члогла* «сильный, сильно» при постановке перед композитами *къадиеха* «проклинать», *къахъиега* «трудиться», *сатуоха* «терпеть» будет относиться к последним как к глаголам-сказуемым и функционировать в качестве обстоятельства образа действия, а не к первым компонентам-существительным, как определение¹.

4. И наконец, глагольные композиты в отличие от соответствующих глагольных словосочетаний обладают одним основным ударением и интонационным единством составляющих.

К специфическим особенностям словосложения в сфере глагола следует отнести возникновение в процессе действия

¹ А известно, что в нахских языках основы качественных прилагательных в зависимости от отнесенности в контексте к глаголу или к существительному выступают в двух значениях: в значении наречия-обстоятельства и в значении прилагательного-определения.

данного способа разных грамматических категорий и форма в прошлом.

Так, например, в результате словосложения возникли в чеченском и ингушском, а также в бацбийском языках побудительные формы глаголов, являющиеся следствием слияния двух глагольных основ: первая в форме инфинитива, вторая в форме повелительного наклонения, например: *вах* *вита* «идти оставь» → *вахийта* «пусть идет»; *ала* *вита* «сказать оставь» → *алийта* «пусть говорит»; *мала* *йита* «пить оставь» (о женщине) → *малийта* «пусть пьет»¹. При этом, как видно, происходят фонетические изменения, в результате которых выпадают начальные звуки — классные экспоненты второго (вспомогательного) глагола, а конечный редуцированный или беглый *а* первого (основного) глагола при слиянии с *и* в начале второго компонента переходит в долгий *и* (*ий*), что совершается в следующей последовательности: *аи* → *ай* → *ей* → *ий*. Глаголы приведенного типа образуются от любой глагольной основы путем слияния ее с глаголом *вита*//*йита*//*бита*//*дита* «оставь».

Прошедшее совершенное время в ингушском образовано путем слияния вспомогательного глагола *да* (*б*, *в*, *й*) «есть» с причастно-деепричастной формой глагола, например: *дийша да* «читавший есть» → *дийшад* «прочитал»; *аьнна да* «сказавший есть» → *аьннад* «сказал»; *бийца ба* «обсудивший есть» → *бийцаб* «обсудили» и т. д.

При этом, как видно, конечный гласный звук вспомогательного глагола *а* выпадает. В чеченском подобные образования отсутствуют. Соответствующие формы здесь передаются посредством суффикса *-на*, присоединяемого к неоформленной основе глагола, например: *диеш* + *на* «прочитал» или к форме недавнего прошедшего времени: *кхольли* + *на* «создал», *ди* + *на* «сделал» и т. д.

Но в чеченском возможны аналитические (относительные) формы прошедшего времени, передаваемые посредством сочетания глагольной основы в форме прошедшего совершенного времени с формантом *-на* и вспомогательного глагола *ву*//*йу*//*бу*//*ду* «есть», например: *диешна ду* (ср. инг. *дийшад*) «прочитал есть»; *аьлла ду* (инг. → *аьннад*) «сказал есть»; *хезна ду* (инг. → *хезад*) «услышал есть» и др. Таким обра-

¹ Для краткости изложения мы здесь не приводим примеры из ингушского и бацбийского, поскольку они в принципе не расходятся по данному вопросу с чеченским.

зом, ингушские абсолютные формы прошедшего совершенного времени производны от сочетания глагольной формы прошедшего времени и вспомогательного глагола *бу//ду//ву//йу* (инг. *ба//да//ва//йа*) «есть», тогда как параллельные формы в чеченском имеют иную структуру.

Путем слияния глагольной основы в форме повелительного наклонения с личным местоимением второго лица в форме эргатива (реальный субъект) образованы глаголы просительной формы повелительного наклонения, например: *дийцахъа* (от *дийца* «расскажи» + *ахъ* (← *хъуо*) «ты говори же» («говори ты»); *ала-хъа* (от *ала* «скажи» + *ахъ* (← *хъуо*) «ты скажи же» («скажи ты»); *дитахъа* (от *дита* «оставь» + *ахъ* (← *хъуо*) «ты оставь же» («оставь ты»); ср. ингушские примеры данного типа: *дувцал-хъай* «говори же» («говори ты»); *алал-хъай* «скажи же» («скажи ты»); *диталхъай* «оставь же» («оставь ты»).

Как видно из примеров, ингушские параллели отличаются от чеченских тем, что, во-первых, глагольная основа в них выступает в безотлагательно-повелительной форме с формантом *-л*: *алал*, *дитал* и т. д., не говоря уже о фонетических отличиях, имеющих здесь место¹; во-вторых, основа местоимения представлена также в иной форме, чем в чеченском языке, это, видимо, окаменелая форма дательного падежа *хъай* (надо думать, что конечный элемент *й* в ней представляет собой окаменелый реликт форматива, вероятно, дательного падежа; ср. чеч. *алал хъайна* «скажи себе», *дийцал хъайна* «говори себе» и т. д.).

Примечательно, что в обоих диалектах местоименная часть употребляется в этих формах и во мн. ч., например: *алий-ша* (инг. *алал-шоай*) «скажи же» («скажите вы»); *дитий-ша* (инг. *дитал-шоай*) «оставьте же» («оставьте вы»). Факты местоименного происхождения формантов приведенных форм были отмечены Н. Ф. Яковлевым («Морфология чеченского языка», стр. 175—182).

В ингушском языке путем сращения отрицания *ца* «не» с глагольной основой образовано так называемое отрицатель-

¹ Ср. при этом формы поручительно-повелительного наклонения будущего времени в чеченском, где глагольная основа представлена в той же грамматической форме, что и приведенные ингушские с *-л* в исходе: *алахъ* «скажи ты (потом)» (инг. *ала-хъай* «скажи ты»), *дийцал-ахъ* «говори ты (потом)» (инг. *дувцал-хъай* «скажи ты») и т. д. Таким образом, в чеченском глагольные основы выступают в двух формах и, следовательно, в двух значениях.

наклонение, например: *мала-ц* (← *мала* + *ца*) «не пью (-ишь, -ѐт)»; *лиела-ц* (← *лиела* + *ца*) «не хожу (-ишь, -ит)»; *тигеа-ц*¹ (← *тигеа* + *ца*) «не шью (-ешь, -ѐт)»; ср. соответственно чеченские: *ца молу*, *ца лиела*, *ца туоьгу*. При этом, как видим, в ингушском отрицание *ца* занимает постпозитивное положение, тогда как в чеченском оно сохраняет препозитивное положение.

Наблюдаются случаи, когда глагольный композит, состоящий из основы существительного (в первой части) и первоначально переходного глагола в настоящее время воспринимается как непереходный, то есть в этом случае глагол теряет первичный объект, субъект при этом не меняет свою перичную форму эргатива, что является результатом утраты синтаксической связи между компонентами композита. Таков, например, композит *дакъалаца* «принять участие (в чем-либо)»; ср. *Цигахъ дакъалецира ас*. «Там участие принял я». Между частями синтаксического словосочетания *дакъалаца* ощущается синтаксическая связь типа управления. Глагольная часть сочетания, представляющая собой переходный глагол *лаца* «держатъ», теряет свою функцию управляющего слова по отношению к именной части *дакъа* «доля» в результате превращения сочетания в композит. Таким образом, первичный объект органически сливается с глаголом-сказуемым².

В сфере глагольного словосложения встречаются и обратные случаи, когда основа непереходного глагола в сочетании с вспомогательным глаголом *да* (б, й, в) «делать» переходит в разряд переходных основ, например: *такха* «ползти», но *такх/а/ да* «волочить»; *саца* «остановиться», но *сацада* «остановить» и т. д.

Такие факты связи словосложения с грамматической структурой языка наблюдаются и в других горских кавказских языках, например в адыгских (см. М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. Москва — Нальчик, 1964, стр. 63).

Обнаруживается возможность возникновения новых лексических единиц в результате сочетания основы глагола с другими частями речи, в частности с местоимением. Так, например, на наших глазах совершается процесс образования ново-

¹ В чеченском эти формы встречаются, но они не имеют здесь такого развития, как в ингушском.

² См.: М. И. Чаланов. Эргативная конструкция в нахских языках. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 4, вып. 2. Грозный, 1962, стр. 116.

го слова — частицы с усиительным значением из сочетания личного местоимения *хьуо* (*хьа*) «ты» и основы классного глагола *вах* (*йаха*, *даха*, *баха*) «живи» — *хьуо вах* «ты живи» → *хьаха*¹; см. *Суо-м хьаха вац цла ва йиш йолуш* — до-словно «Я же имеющий возможность приехать домой нет» (то есть «Я не имею возможности приехать домой»). Как видно, указанная частица образуется в результате стяжения частей словосочетания *хьуо* (*хьа*) «ты» и *вах* (*й*, *д*, *б*) «живи». При этом отбрасываются классные показатели в начале второй глагольной части сочетания.

В ингушском наличествуют глагольные формы, образованные с помощью суффикса *-иса//ийса*, являющегося результатом стяжения глаголов с пространственным значением, и глагола *биса* (*диса*, *виса*, *йиса*) «остаться»; см. инг. латийса (← латта + йиса) «остаться стоять»; *йагI-йиса* (← *йагIа* + *йиса*) «остаться сидеть»; *али-йиса* (← *ала* + *йиса*) «остаться лежать»; *д-алл-ийса* (← *далл* + *йиса*) «остаться, находиться». Параллельно с приведенными употребляются также формы с усеченным вариантом суффикса *ийса-са*; ср. *ал-са* (← *ал-ийса*), *далл-са* (← *далл-ийса*) и т. д.² В чеченском указанные формы отсутствуют.

Здесь мы имеем сочетание двух глаголов, на базе которого образуются приведенные ингушские формы; ср. *Лиела висина суо кхузахь*. «Ходить остался я здесь». *Деша висина суо глалахь*. «Учиться остался я в городе».

Приведенные формы интересны в том отношении, что они показывают пути возникновения в нахских языках аффиксов формообразования.

Указанные процессы в сфере глагольного словосложения в большей или меньшей степени свойственны всем нахским языкам и их диалектам. Они (процессы) являются свидетельством того, что нахские языки развиваются по своим внутренним законам, в результате чего проявляются взаимовлияние, взаимообусловленность разных сторон языка.

Глагольные композиты нахских языков подразделяются на подчинительные и сочинительные. Каждый из этих типов обладает своими структурно-грамматическими особенностями, на описании которых мы и остановимся ниже.

¹ На русский язык точно не переводится; приблизительно соответствует усилительной частице *же*.

² См.: Р. И. Долакова. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 2, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1961, стр. 5.

§ 31. Структурно-генетические особенности глагольных композитов подчинительного типа

Генетически глагольные композиты подчинительного типа восходят к глагольным словосочетаниям определительного типа, части которых в результате долгого и частого употребления семантически и интонационно сближаются между собой и образуют глагольные композиты. Этот процесс в большинстве случаев сопровождается нарушением семантической и грамматической связи между частями словосочетания и возникновением идиоматичности у композита. Таким образом, собственно глагольные композиты, как и композиты именные, сложились на базе синтаксических словосочетаний разных типов, как-то: **дополнение + сказуемое**: *садаккхь* «душу вынуть», *катуоха* «руку ударить» и др.; **подлежащее + сказуемое**: *сахила* «свет стать», *дуогхила* «сердце стать» и др.; **обстоятельство + сказуемое**: *багаваха* «иметь дурную славу» («в рот пойти»), *виеаларкхиета*, букв. «удариться на четвереньки» и др. Встречаются композиты, восходящие к сочетанию: **глагол + глагол**, один из которых (обычно первый) является основным, а другой выступает в роли вспомогательного. Такие сочетания двух глагольных компонентов в комплексе выступают в роли составного глагольного сказуемого. Таковы: *такха да* «волочить» («волочить сделать»); *вада ви умчать* («бежать сделать») и др.

В функции вторых компонентов в глагольных сочетаниях, как правило, выступают вспомогательный глагол *да* (*ба*, *ва*, *да*) «сделать» и его потенциальный вариант *дала* (*бала*, *вала*, *дала*) «мочь, иметь возможность» (см. об этом подробнее ниже).

§ 32. Структурно-грамматические особенности глагольных композитов подчинительного типа

Глагольные композиты состоят преимущественно из двух компонентов. Реже встречаются трехкомпонентные композиты. В качестве последних компонентов в глагольных композитах выступают глаголы разных семантико-грамматических структур. Первый же компонент, будучи основным в семантическом отношении, выражается разными частями речи: су-

существительным, прилагательным, числительным, глаголом, наречием и др.

Таким образом, нахские композиты по своей структуре подразделяются на двух-трехкомпонентные. Каждая из этих групп имеет свою специфику — семантическую и грамматическую.

§ 33. Двухкомпонентные глагольные композиты подчинительного типа

Рассмотрение композитов данного типа целесообразнее проводить, классифицируя их по морфологическому признаку первого компонента, то есть по признаку отнесенности первого компонента к той или иной части речи, поскольку первая часть глагола представляет собой разнообразные лексико-грамматические единицы при относительно однообразии в морфологическом отношении второго компонента (отнесенность к парадигме одной части речи — глаголу).

Глагольные композиты с первым компонентом-существительным

Данная группа наиболее распространенная и продуктивная в сфере глагольного словосложения.

В функции первого компонента глагольных композитов выступают преимущественно существительные со значением предметности. Особенно продуктивен разряд существительных, обозначающих различные органы человеческого тела. Таковы, например, существительные: *дуог* «сердце», *ка* «рука», *муотт* «язык», *барт* «уста», *блцо* «глаз», *куорта* «голова», *куог* «нога» и др. С широким кругом глаголов сочетается также существительное *са* «душа».

Существительные в функции первых компонентов глагольного композита сочетаются преимущественно с глаголами, обозначающими конкретные действия. Таковы, например, глаголы: *туоха* «ударить», *даккха* «изъять», *лаца* «поймать» и др. Эти факты свидетельствуют об архаичности композитов данного типа, поскольку их составляющие восходят к древнейшему пласту лексики нахских языков.

В функции вторых компонентов выступают глаголы разных семантических структур: глаголы переходные и непере-

ходные, а также глаголы чувственного восприятия¹. Примеры. Переходные глаголы: *дуогдаккха* (инг. *догдаккха*) «отвратить» («сердце изъять» — *дуог* «сердце», *даккха* «изъять»); *катуоха* (инг. *катуоха*) «хватать» («руку ударить» — *ка* «рука», *туоха* «ударить»); *циетуоха* (инг. *цатуоха*) «укусить» («зуб ударить» — *цие* «зуб», *туоха* «ударить»); *сатаса* (инг. *сатосса*) «захотеть чего-либо» («душу бросить» — *са* «душа», *таса* «бросить»). Непереходные глаголы: *сахила* (инг. *сахила*) «рассветать» («свет становиться», *са* «свет», *хила* «стать»); *муохъхъакха* (инг. *муохъхъакха*) «ветриться» (*муох* «ветер», *хъакха* «дуться, ветриться»); *сахъйза* (инг. *сахъвза*) «скучать» (*са* «душа», *хъйза* «крутить»).

Глаголы чувственного восприятия: *къахъйега* (инг. *къахъйега*) «трудиться» (*къа* «труд», *хъйега* «испытывать»); *балахъйега* (инг. *балахъйега*) «томиться» (*бала* «горе», *хъйега* «испытывать») и др.

Бывают случаи, когда один и тот же именной компонент сочетается с глаголами разных семантических структур: с глаголами переходными, непереходными и чувственного восприятия. Так, например, компоненты *са* «душа», *ка* «хватка», «рука», *наб* «сон», *ха* «время», *сардам* «проклятие» и другие способны сочетаться с глаголами разных семантических (в смысле переходности и непереходности) значений, например:

1. С переходными глаголами: *садаккха* «вздыхнуть» («душу изъять»); *кадаккха* «дать возможность совершить что-то» («руку, хватку изъять»); см. также *катуоха*, букв. «руку ударить»; *муохътуоха* «крикнуть» («крик ударить»), см. также *муохъхъакха* «крикнуть» («крик тереть»); *набйа* «дремать» («сон сделать»), *сардамбуолла* «проклясть» («проклятие воткнуть»).

2. С непереходными глаголами: *садала* «умереть» («душа уходить»); *сахъовза* «скучать» («душу крутить»); *кадала* «иметь успех» («руку разрядить»); *муохъбала* «крикнуть».

¹ При спряжении глагольного композита, как правило, меняется основа второго (глагольного) компонента при нейтральности первого компонента, например: *дуогдаха* «отвратить» (инфинитив), *дуогдаккха* «отврати» (пов. накл.), *дуогдожху* «отвращаю» (наст. время), *дуогдаккхи* «отвратил» (недавипрошедшее время) и т. д.

(«крик издать»); *набѣа* «сон потерять» (то есть «страдать бессонницей»); *хайала* «пройти времени» (в смысле — «поздний час, позднее время»); *сардамбаха* «быть проклятым» («проклятие войти»).

3. Некоторые основы существительных сочетаются с глаголами как переходными и непереходными, так и чувственного восприятия, например, основа *кѣа* «труд, грех» сочетается с глаголами всех трех семантических типов: *кѣадиеха* «проклинать» («грех просить») — переходный; *кѣахила* «быть грешным» («грех стать, иметь») — непереходный; *кѣахьега* «трудиться» («труд испытывать») — чувственного восприятия.

Основа же *бала* «горе» сочетается с глаголами переходного значения и глаголом чувственного восприятия: *балабахѣа* «докучать» («горе нести») — переходный; *балахьега* «горе испытывать»¹ — чувственного восприятия.

Как видно, некоторые из таких первых компонентов сочетаются с несколькими переходными и непереходными глаголами; см. *кадаккха*, *катуоха* (переходные) и др.; *садала*, *сахъовза* (непереходные) и др., а также с глаголами переходными, непереходными и с глаголами чувственного восприятия: *кѣадиеха* «грех просить», *балабахѣа* «докучать» (переходные); *кѣахила* «быть грешным» (непереходный); *кѣахьега* «трудиться», («труд, грех испытывать»), *балахьега* «горе испытывать» (чувственного восприятия).

Первые компоненты-существительные встречаются также в окаменелой форме разных грамматических категорий, в частности в форме множественного числа и косвенных падежей. Например: 1. Первый компонент в окаменелой форме множественного числа — *куѣйгаштуоха* (инг. *кулгаштуоха*) «нарушить честь девушки прикосновением к ней руками» («руки ударить»); *морзгалшдуога* (инг. *к/игашдаха*) «привить оспу» и др. 2. Первый компонент в форме: а) направительного падежа с формантом *а*: *новкѣа/даккха* (инг. *новкѣадаккха*) («новкѣа «на дорогу») «вывести на дорогу» (см. также

новкѣа/з/иерта (инг. *новкѣаг/иерта*) «мешать» («пытаться стать на дороге»); *куогадаха* (инг. *куогадаха*) «начинать ходить» (о ребенке) («ногой идти»); *берт/а/вахѣа* (инг. *барта-вахѣа*) «согласиться, примириться» («к устам пойти») и др.; б) в форме направительного падежа с формантом *ие*: *куѣйгевахѣа* (инг. *кулгивевахѣа*) «помириться» («к руке пойти»); *лергивевахѣа* (инг. *лергивевахѣа*) «наушничать» («на ушко пойти») и др.; в) в форме направительного падежа с формантом *-л/а/* (инг. *-л*): *нахал/а/даккха* «обнародовать» («в люди вывести»); *благр/а/вала* (инг. *благр/а/вала*) «стать известным, прославиться, выделиться» и др.; г) в форме исходного первого падежа с формантом *-ра*: *ц/ерадаккха* «изгнать из дому»; *к/ажар/а/даха* «сбиться» («на пятки идти»); *кералама* «приручиться» («на руку учиться») и т. д.; д) в форме локатива с формантом *хѣ*: *чуохъдиса* (инг. *чухъдиса*) «застрять» («остаться внутри»); см. также *чухъдалла* «сидеть в заточении» («внутри находиться»); *чуохълаза* «живот болеть» («внутри болеть») и т. д.

Кроме того, встречаются первые компоненты, осложненные окаменелыми формантами и других падежей; например, первые компоненты *набарх* (*-х* — формант вещ. п., *р* — наращение), *дохкуо* (от *дуог* + *-х* (формант вещ. п.) + эпентеза *г*, *х* + последующая неполная ассимиляция *гх* — *дохка* («*дохга*»): *гх* → *хг* → *хх* + суффиксальный дифтонг *уо*); примеры композитов с этими компонентами: *набархлие* (инг. *набараг/лие*, кист. *н/абархлие*) «говорить во сне»; *дохкуовала* (*й, д, б*) (инг. *дехкиевала* (*й, д, б*) «раскаяться» («из сердца выйти»), а композиты *сиц/а/кхуосса* и *сиц/а/да* «с душой вырвать», «с душой прийти», где первый компонент — *сица* «с душой» — имеет форму инструментального падежа с формантом *-ца*.

Встречаются глагольные композиты с первым компонентом-существительным с окаменелыми формантами нескольких падежей. Например, первый компонент композита *ка-р-за-х-даккха* (*б, в, й*) (инг. *корзаг/даккха*) «разъярить» («из Руки вывести»), а также его непереходного варианта *карзах-дала* (инг. *корзаг/дала* (*б, в, й*) «разъяриться» («выйти из Руки») — *ка-р-за-х/г/* (*р* — формант исх. п., *за* — отрицательная частица, *х/г/* — формант вещ. п.).

Таким образом, глагольные композиты с первым компо-

¹ Компонент этот сочетается и с глаголом непереходным, например *бала хила* «быть обузой кому-либо», но данное сочетание еще не стало композитом в собственном смысле этого слова.

нентом-существительным подразделяются на полносложные и неполносложные. В них сочетаются основы разных лексико-семантических и грамматических структур.

См. тексты из литературы с примерами на композиты с первым компонентом-существительным.

Ненан хьо ца! бен вац, — элира шен тешихалла к'антах к'вахета моттийтарна т'ехьа лачк'хо дагахь мук'там бай-бинчу Гиланис. «Ты один у матери, — сказал Гилани, стараясь свою трусость скрыть мнимой жалостью к молодцу».

Ладуьйг'ира. Гийлла бетталора синьха. «Прислушался (букв. ухо поставил): медленно бился пульс».

Тлакк'ха бухавахча хьевелла Руслан, меттах'хьовш а йоцу Белита а гихь, шйми юкк'вехь гучавелира. «Потом, на дно пойдя, задержавшись, Руслан показался в середине заводи с недвигающей Белитой на спине».

(М. Мусаев. На рассвете).

Салах'ба ла а доьг'на. корта талийра. «Салах, прислушавшись, махнул головой».

Хожас к'орга са да'йира. «Хожа глубоко вздохнул».

Цара даиманна а Мария дага йоуьй тура цунна. «Они всегда напоминали им о Марии».

Дукха хан ялале дех'ачохь набкхеттачу нанас ч'ог'ла са долуш хезира цунна. «Через немного времени он услышал, как спавшая в соседней комнате мать сильно вздохнула (букв. вздохнувши)».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Глагольные композиты с первым компонентом — качественным прилагательным

Менее продуктивную группу составляют глагольные композиты с первым компонентом — именем прилагательным.

Как правило, в функции первого компонента в композитах данного типа выступает основа качественного прилагательного разных значений, то есть обозначающих разные качественные признаки: *к'ай* (инг. *к'ей*) «белый» — *к'айда* (инг. *к'ейдие*) «сделать белым»; *нийса* (инг. так же) «ровный» — *нисда* (инг. *нийсдие*) «сделать ровным» и т. п.

Вторым компонентом в таких композитах выступает определенный, ограниченный круг глагольных основ. Вот наиболее употребительные в таких композитах глагольные основы: *да* (*ба, ва, йа*) (инг. *дие, бие, вие, йие*) «сделать»; *дакк'ха* (*бакк'ха, вакк'ха, йакк'ха*), инг. *дакк'ха* (*бакк'ха, вакк'ха, йак-*

к'ха) «изъять, отнять»; *дуола* (инг. *дуола, буола, вуола, йуола*) «стать, становиться»; *хиета* (инг. *хиета*) «казаться» и т. д.

Как видим, глагольные компоненты композитов данного типа подразделяются на переходные и непереходные. См. примеры композитов с переходными глагольными компонентами: *к'айда* (инг. *к'ейдие*) «сделать белым»; *да/дие* «сделать»; *сиенда* (инг. *синдие*) «сделать синим»; *ларжда* (инг. *лаьрждие*) «сделать черным»; *дак'ваздакк'ха* (инг. *даьк'ваздакк'ха*) «обездолить», букв. «бездольным сделать» и т. д.

См. примеры композитов с непереходными глаголами: *астаг'т'иекк'ха* (инг. *астаг'т'иекк'ха*) «прихромать», букв. «хромым прыгнуть» (*иекк'ха* «прыгнуть»), *хаз/а'хиета* (инг. *хаза-хиета*) «обрадоваться», букв. «красивым казаться» (*хиета* «казаться») и другие.

Некоторые основы прилагательных сочетаются как с переходными, так и с непереходными глагольными основами. Таковы основы прилагательных со значением цвета — *к'ай* «белый», *ц'ие* «красный», *лаьржа* «черный» и другие, а также прилагательные *мерза* «сладкий», *дек'ваза* «бездольный», *нийса* «ровный» и др. См. *к'айда* «сделать белым», *ларжда* «сделать черным» — переходные, но *к'айдала* «сделаться белым», *ларжда* «сделаться черным» — непереходные; *марзда* «сделать сладким», *мустда* «сделать кислым» — переходные, но *марзда* «сделаться сладким», *мустдала* «сделаться кислым» — непереходные. При этом отметим, что композиты на *дала* (*б, в, й*) в данном сочетании в зависимости от целей высказывания могут выступать в значении модальной возможности действия — «мочь сделать что-либо» (подробно об этом см. ниже).

В переходном значении употребляется компонент-глагол *да* (инг. *дие*) «сделать». Таким образом, компоненты *да* и *дала* в определенной степени антонимичны друг другу, поскольку один из них — *да* «сделать» — употребляется в переходном значении, а другой — *дала* «сделаться, стать» — употребляется в непереходном значении, т. е. компонент *дала*, соединяясь с основами прилагательного, образует сложный непереходный глагол с потенциальным значением, на-

пример: *сиендала* (*сиен* (← *сина*) «синий» + *дала* «сделаться») «сделаться синим»; *клайдала* (инг. *клейда́ла*) (*кла́й* // *кле́й* «белый» + *дала* // *дала*) «сделаться белым»; *нисдала* (инг. *нийсдала*) (*нис* (← *нийса*) «ровный, прямой» + *дала*) «сделаться ровным, прямым»; *гиледала* (*гиле́л* (← *гилла́*) «слабый, хилый» + *дала*) «сделаться слабым»; *кзяхдала* (*кзях* (← *кзяхъа*) «горький» + *дала*) «сделаться горьким» и др.

Компонент *дала* продуктивно употребляется в сочетании с основами качественных прилагательных и глаголов, он служит для образования глагольных форм почти от всех основ прилагательных и глаголов. С другими частями речи он не сочетается в качестве глагольного компонента композита. При этом в зависимости от семантики образующей основы *дала* выступает в различных значениях: а) как было уже сказано, в сочетании с основами качественных прилагательных он образует глаголы со значением непереходности-модальности: *сиендала* «мочь посинеть», *ларжда́ла* «мочь почернеть», *клайдала* «мочь побелеть» и др.; б) в сочетании с основами переходных глаголов данный компонент также образует глаголы со значениями непереходности-модальности: *кхуосса́* «бросить», но *кхуоссадала́* «прыгнуть, мочь прыгнуть»; *даккха́* «вырвать», но *даккхадала́* «мочь вырвать»; *лалла́* «гнать», но *лалладала́* «погнаться, мочь погнаться» и т. д.; в) в сочетании с непереходными глаголами *дала* образует глаголы со значением модальной возможности действия: *дада́* «бежать», но *дададала́* «мочь бежать», *лиела́* «ходить», но *лиела́вала* «мочь ходить», *ла́* «находиться», но *ладала́* «мочь находиться» и т. д.

Компонент *дала* по степени абстракции можно уподобить суффиксу. К тому же он в значительной степени подвергся десемантизации и в самостоятельном значении употребляется редко. Он употребим при ответе на вопрос, например: *Арахъ ларжъеллий?* — *Елла*. «На дворе стемнело? (букв. стало темным)» — «Стало».

Киехат цлиделла? — *Делла*. «Бумага покраснела? (букв. красной стала)» — «Стала».

В литературе по нахским языкам данный компонент рассматривался как аффикс глагольных форм. Так, например,

профессор Ю. Д. Дешериев в труде «Бацбийский язык» считал его формантом второй разновидности бацбийского глагола¹.

Такого же мнения придерживается доцент И. Г. Арсаханов, однако с оговоркой, что данный элемент в аккинском диалекте чеченского языка представляет собой составную часть глагольного композита².

Спорным является также вопрос о характере основы *да́* (инг. *дие*) «сделать». Дело в том, что этот по сути дела вспомогательный глагол используется для образования пятой разновидности глагола³. Однако надо отметить, что несмотря на широкий диапазон распространения (он сочетается с разными как именными, так и глагольными основами), данный глагол не превратился еще в грамматический элемент, потому что он сохраняет свою семантическую значимость и широко употребляется в самостоятельном лексическом значении. Правда, при этом нужно отметить, что в бацбийском языке он в самостоятельном употреблении уже не встречается⁴. В остальных же нахских языках он имеет самостоятельное значение, см., например, чеч. *Ас буолх бую*⁵. *Ахъ буюлх буюй?* — *Бую*. «Ты работу делаешь?» — «Делаю».

Как известно, подобные элементы и в других языках являются предметом бесконечных споров. Например, в немецком языке такие лексические единицы, как *Ман* «человек» и другие, образующие фамилии людей (ср. *Grosman, Fidelman* и т. д.) и получившие широкое распространение, разными исследователями рассматриваются то как полуаффиксы⁶, то как «основы в функции аффиксов»⁷.

Нам кажется, что целесообразнее называть основы нахских языков описанного типа *да́* // *дие* «сделать», *дала́* «мочь сделать» основами в функции аффиксов, поскольку в них сочетаются признаки как грамматических элементов (способ-

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 93.

² См.: И. Г. Арсаханов. Аккинский диалект... Грозный, 1959, стр. 58.

³ См. там же, стр. 77.

⁴ См.: Ю. Д. Дешериев. Указ. соч., стр. 83.

⁵ Примечательно при этом, что в формах времен и наклонений в его основе происходят перегибровки: *да́* → *дуо* → *ди* → *дие* и т. д. Здесь он употреблен в форме настоящего времени.

⁶ См.: М. Д. Степанова. Словообразование в современном немецком языке. М., 1953.

⁷ К. А. Левковская. Лексикология немецкого языка. М., 1956, стр. 147.

ность сочетаться с большим кругом основ), так и признаки слов (самостоятельное употребление) и т. д.

Сказанное особенно касается основы *да//дие*, которая сочетается не только с основами качественных прилагательных и глаголов (как *дала*), но и с именами существительными и числительными. При этом не всегда образуется композит в собственном смысле этого слова (как это наблюдается в тех случаях, когда она сочетается с основами прилагательных и глаголов).

Например, такие сочетания, как *буолх ба* «работать» («работу сделать»), *глуо да* «помочь» («помощь сделать»), *гуллакх да* «дело сделать» и другие, нельзя причислять к композитам, поскольку их компоненты отнесены к разным парадигматическим классам. Это видно хотя бы из того, что первые компоненты таких сочетаний вступают в грамматическую связь с другими словами в отрыве от второго глагольного компонента, который выступает в качестве вспомогательного глагола, например: *глуо да* «помощь сделать», но *доккха глуо да* «большую помощь сделать»; *буолх ба* «работу сделать», но *дика буолх ба* «хорошую работу сделать» и т. д.

Как указывал еще Н. Ф. Яковлев¹, основа *дала* по своей структуре состоит из классного экспонента *да* (*ва*, *йа*, *ба*) + *ла*. Интересно отметить, что при употреблении композитов на *дала* в формах настоящего, прошедшего, несовершенного и будущего времени (будущее возможное, будущее определенное), а также в формах повелительного наклонения (с просительным и просительно-безотлагательным значениями) элемент *дала* расщепляется на составные части.

1. Настоящее время: *сиенлуо* «синеет» (от *сиендала* «сделаться синим, мочь сделать синим»).

2. Формы прошедших времен:

а) будущее возможное время: *сиенлур* «сможет сделать, делается синим»,

б) будущее определенное время: *сиенлур ду* «сможет сделать, делается синим (определенно)» и т. д.

См. также некоторые формы наклонения:

а) повелительное наклонение: *сиенлуо* «сделайся синим».

¹ См.: Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960

б) просительная форма повелительного наклонения: *сиенлуохъа* «сделайся синим» и т. д.

в) безотлагательная форма повелительного наклонения: *сиенлуол* «сделайся синим» и т. д.

Таким образом, основа *дала* при употреблении в некоторых формах времени и наклонения способна расщепляться на составляющие *-да*, *-ла*, но значение потенциальности и модальной возможности совершения действия от этого не меняется. Этот факт также говорит о том, что данная основа не перешла еще окончательно в разряд аффикса в полном смысле этого слова.

Из примеров видно, что основы прилагательных при сочетании с *дала*, как правило, подвергаются усечению концовок и в некоторых случаях перегласовке корневых гласных звуков: см. *макхдала//макхда//макхлуо* (*макх* (→ *мокха*) «ржавый цвет») «сделаться, сделать, делается, мочь сделать ржавого цвета»; *ларждала//ларжда//ларжлуо* (*ларж* (→ *ларжа*) «черный») «сделаться, сделать, делается, мочь сделать черным»; *цлиндала//цлинда//цлинлуо* (*цлин* → *цлиена*) «новый») «сделаться, сделать, делается, мочь сделать новым» и т. д. Оба эти элемента (*-да*, *-ла*) имеют широкое распространение в нахских языках как в отдельности, так и в совокупности *-дала* (*в*, *б*, *й*).

С другими глаголами прилагательные сочетаются лишь в отдельных случаях, например, с глаголом *хиета* «считать, испытывать»: *казахиета* (инг. *хозахиета*) «радовать» («хорошо испытывать»); *халахиета* (инг. *халахиета*) «огорчаться, печалиться» («тяжело испытывать»); *вуохиета* «печалиться» («плохо испытывать»); *бакъхиета* (инг. *бакъхиета*) «поверить» («веру, правду испытывать») и др. С глаголом *иеккха* (инг. *иеккха*) «прыгнуть»: *астагъиеккха* (инг. *астагъиеккха*) «прихрамывать» и др.; с глаголом *дуола* «стать»: *букардуола* (*в*, *б*, *й*) «сгорбиться» («стать горбатым»), *пехирдуола* (*в*, *б*, *й*) «истощиться» («тощим стать») и др.; с глаголом *дала* (инг. так же) «стать»; *иерчадала* (инг. *ийрчадала*) «обезобразиться» («стать некрасивым»); *маьттадала* «стать фамильярным» и др.; с глаголом *даккха* (инг. *даккха*) «сделать»: *чаьмз/а/даккха* (инг. *чамаздаккха*) «сделать безвкус-

ным», *майттаз/а/даккха* «обезобразить» («сделать безобразным») и т. д.

Как известно, многие качественные прилагательные в нахских языках имеют свойство выступать в зависимости от контекста в двух значениях — в значении прилагательных и в значении наречия. Таковы, например, *хаза* «красивый, красиво», *вуд* «плохой, плохо», *ирча* «некрасивый, некрасиво», *дика* «хороший, хорошо», *чаьмза* «безвкусный, невкусно», *паргалат* «свободный, свободно», *чиехка* «быстрый, быстро», *сиха* «скорый, быстрый, скоро, быстро» и др.

Как было показано выше, некоторые из таких основ выступают в функции первых компонентов сложных глаголов и некоторые из них слагаются в глагольный композит в субстантивированном виде. Таковы: *дика* «добро», *вуд* «худо, зло» в композитах *дикахьиега* (инг. *дикахьиега*) «наслаждаться» («испытывать добро»); *вудхьиега* (инг. *вудхьиега*) «испытывать худо» и другие (подробно об этом см. ниже).

См. примеры из литературы на глагольные композиты с первым компонентом прилагательным-наречием.

Адамаш сихделла белхаш беш дара. «Люди активно (букв. поспешив) работали».

Селихьана хьалха шардина аннаш а, дукъош а гира царна. «Перед Селихом отполированные доски и стропила увидели они».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Ма ирча хир ду-их и «хазниш», — легаш да къа делира шо лелийнчах вагийнчу спекулянтан. «Как неприятны будут эти «красивые», — горло пересохло (букв. сухой стал) у спекулянта от содеянного им».

Джумабай длахеца, ма гамве со хьайца. «Джумабай, отпусти, не сделай меня врагом своим (букв. не сделай меня кривым к себе)».

Хаспашка жлаьла санна, берахь дуйна со базара марзвинчу ненавешех делира суна хлара ун. «Эту заразу (то есть привычку к спекуляции. — К. Ч.) я воспринял от дяди (букв. брата матери), который с детства приучил (букв. сладким сделал) меня к базару».

(М. Мусаев. На рассвете).

Шунна члогла халахийтира шех дегабам беш-х дацарий хьа Дуддин вон хьежар, бохург дагатесна. «Он сильно огорчился, подумав, не от подозрения ли смотрел Дудди на него так грозно».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Глагольные композиты с первым компонентом-наречием

В функции первых компонентов глагольных композитов выступают наречия разных лексико-грамматических разрядов, а именно: наречия образа действия, меры, степени и места. Среди наречий места встречается значительное число падежных форм существительных, перешедших в разряд наречий: *даг/а/да* «вспомнить» («в сердце прийти») (*даг/а/* — форма напр. п., *а* — формант напр. п.); *дагахьдалла* «помнить» («в сердце держаться»), *дагахь* — форма мест. п., *хь* — формант местного (локативного) падежа и др.

Рассмотрение сложных глаголов с первым компонентом-наречием мы построим на основе классификации композитов по признаку лексико-грамматической структуры наречий — первых компонентов.

Глагольные композиты с первым компонентом — качественным наречием

Как уже было сказано выше, большинство качественных наречий по своей фонетической структуре соотносено с качественными прилагательными — *хаза* «красивый, красиво», *дика* «хороший, хорошо», *вуд* «плохой, плохо»¹ и т. п.

Но не все качественные наречия соотносены с качественными прилагательными. Таковы наречия с пространственным значением, например: *гена* (инг. *гаьна*) «далеко», *йуххье* (инг. *йухье*) «близко», *уллоу* (инг. *улув*) «близко», «рядом» и другие, которые выступают в функции первых компонентов в глагольных композитах — *генадаккха* (инг. *гаьнадаккха*) «отдалить», *уллоудахкха* (инг. *улувдахкха*) «приблизить» и т. п.

¹ Интересно отметить случаи употребления прилагательных, обозначающих цвет, в предложении (при отнесении к глагольному сказуемому) в значении наречия-обстоятельства; см. *Кир сийна туху цо.* «Известь синим ударяет он», то есть «синим белит он» и др.

Некоторые компоненты-наречия выступают в оформленном виде, в застывшей форме какого-либо падежа (обычно в форме местного падежа), таков компонент-наречие с пространственным значением *йуххие* (инг. *йухие*, *ие* — формант напр. п.) в композите *йуххиедаккхэ* (инг. *йухиедаккха*) «приблизить» и др.

При этом надо отметить, что некоторые из таких наречий употребляются в функции глагольных превербов. Таковы: *бертал* (*л* — формант напр. п.) «ничком», *йуьхьар* (*р* — формант исх. п.) «на лицо», «лицом вниз», *йухъхьа* (*хьа* — формант напр. п.): *берталтуохэ* «ударить ничком», *йуьхьартуохэ* «ударить лицом вниз», *юяхъаваккхэ* «заставить заартачиться» и др.

Некоторые из таких первых компонентов подвергнуты опрощению, в связи с чем форманты падежей в них не выделяются. Таков, например, компонент *лункар* «вверх ногами» — *лункар х/уоттэ* «стать вверх ногами», *лункаръиеккхэ* «кувыркнуться», *лункартуохэ* «ударить кувырком» и т. д.

Весьма редки примеры композитов-глаголов, где первым компонентом выступает наречие меры¹.

Нам удалось найти лишь один пример данного типа с первым компонентом *дукха* «много» — *дукхайиеза* (*в, д, б*) (инг. *дукхайиеза*) «любить», букв. «много любить». Примечательно, что лексема *дукха* в зависимости от контекста выступает в двух значениях — в значении наречия меры при отнесенности ее к глаголу, например: *Дукха дуйцу ахъ иза*. «Много говоришь ты это»; и в значении количественного при отнесенности ее к субстантиву, например: *Дукха говраш яра арахъ*. «Много лошадей было на поле» и т. д.

Как было указано выше, во многих случаях наречия места и образа действия выступают в функции глагольных превербов. Вопрос о разграничении глагольных превербов и соответствующих наречий является трудноразрешимым. Он осложняется еще и тем, что некоторые из таких форм выступают также и в функции послелогов. На эти особенности наречий в нахских языках обращали внимание разные исследователи: проф. Н. Ф. Яковлев², проф. Ю. Д. Дешериев³.

¹ Н. Ф. Яковлев назвал такие наречия количественными. См. «Морфология чеченского языка». Грозный, 1960, стр. 148.

² См.: «Морфология чеченского языка», а также «Синтаксис чеченского литературного языка». М.—Л., 1940.

³ См.: Ю. Д. Дешериев. Бабийский язык. М., 1953.

Г. Оздоева¹. Наше мнение о критериях разграничения значений указанных элементов мы излагаем в разделе «Аффиксальное словообразование глаголов», который войдет во вторую часть данной работы.

Глагольные композиты с первым компонентом-числительным

В функции первых компонентов композитов данного типа, как правило, выступают основы простых количественных числительных, подавляющее большинство которых представляет собой окаменелые формы местных падежей. Вот наиболее употребительные в качестве первых компонентов основы числительных: *цхьа* /*ца*/ ² (инг. так же) «один», *ах* (инг. так же) «половина», *цхьалха* (инг. так же) (форма веществ. п., *-ха* — формант веществ. п., *-л* — формант напр. п.) «простой, одинарный» (от *цхьа* «один»), *ши* /*ши*/ (инг. так же) (*ши* — несамостоятельная форма, *ши* — субстантивированная форма); *шала* (инг. *шала*) (форма напр. п., *-ла* — формант напр. п.), «двойной, двойки»; см. также *шалха* (инг. *шолха*) (форма веществ. п., *-ха* — формант веществ. п.) «вдвойне, двойной»; *пхьегара* (инг. *пхьегара*) (форма исх. п., *-ра* — формант исх. п.) «из пяти»; *диеала-ра* (чеч. *диэларэ*) (форма исх. п., *-ла* — формант напр. п., *-ра* — формант исх. п.) «из четырех».

Как видим, некоторые из этих основ осложнены двумя застывшими формантами разных форм местных падежей (*цхьа-л-ха*, *ша-л-ха*, *диеа-ла-ра*).

Таким образом, глагольные композиты данного типа мы можем разбить на полносложные и неполносложные образования. Кроме того, как полносложные, так и неполносложные образования, в зависимости от семантики второго (глагольного) компонента, подразделяются на переходные и непереходные, то есть основы числительных, как оформленные, так и неоформленные, могут сочетаться с переходными и непереходными глаголами.

¹ См.: Ф. Г. Оздоева. Приставки в системе чеченского и ингушского языков. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 2, вып. 2. Грозный, 1961.

² Варианты *цхьа*, *ца* грамматически различаются тем, что *цхьа* представляет собой несамостоятельную форму, употребляемую, как правило, в качестве определения по отношению к предмету: ср. *цхьа стаг* «один человек», *цхьа клант* «один мальчик», а *ца* употребляется в самостоятельном виде в качестве субстантива: *ца* *схьаваккха* «одного выведи», *ца* *длавица* «одного уведи».

Полносложные глагольные композиты: а) с переходным значением: *ахдаккха* (инг., акк., кист. так же) «разделить пополам» («половину изъять»), *цайда* «сделать монолитным» («один сделать»), *шийда* «разделить на две части» («два сделать»); б) с непереходным значением: *ахдала* (инг. *ахдала*) «разбиться на две части» («половина стать»); *цахила* (инг. *цахила*) «стать монолитными» («один стать»); *шихила* «раздвоиться» («два стать») и др.

Неполносложные глагольные композиты: а) с переходным значением: *цхалх/а/даккха* (чеб. так же, инг. *цхалх/а/даккха*) «упростить, урегулировать» («одинарным сделать»); *шалх/а/туоха* (чеб. так же, инг. *шолх/а/туоха*, акк. *шарх/а/туоха*) «сложить вдвое» («двойной ударить»); *цхвантуоха* (инг. *цхвантуоха*) «соединить» («одному ударить»); б) с непереходным значением: *цхалх/а/дала* (инг. *цхалх/а/дала*) «упроститься, урегуливаться» («одинарным стать»); *шалх/а/кхиета* «сложиться вдвое» («двойной удариться»); *пхиеар/а/дала* (инг. *пхиеарадала*) «достичь пятилетнего возраста» («из пяти выйти»); *диеалар/а/даха* (*баха, даха, йаха*) (чеб. *диълардаха*, инг. *биъкуогардаха*, кист. *биеардаха*, акк. *биъкогдаха*)¹ «идти на четвереньках»; *цхванакхieta* (инг. *цхван/а/кхиета*) «объединиться» («одному удариться»); *цхъависа* (инг. *цхъависа*) «остаться одиночкой» («одиноким остаться») и др.

Композиты данного типа немногочисленны в современных нахских языках. Они характеризуются отсутствием идиоматичности, но отнесены к одной грамматической парадигме, обладают главным централизующим ударением и интонационным единством компонентов, то есть цельнооформленны.

Оцу кбийсамехь адамаш вовшашна юккъехь цхъаьнакхета классови принципца. «В этой борьбе люди объединяются по классовому принципу».

(Газета «Ленинский путь»).

¹ Интересно отметить, что в чеченском и чебердоевском вариантах этого примера первый компонент согласуется в классе с субъектом (*д, б, в, й*), тогда как в кистинском, аккинском такое согласование происходит с названием ноги — *куог (б)*. Такое согласование наблюдается даже в том случае, когда название ноги отсутствует в составе композита (кист. диалект); ср. инг. *биъкуогардаха*, акк. *биъкогдаха*, где название ноги наличествует.

Машарехьа болчу кбийсамехь дерриге а хъанала адамаш хъалла дахлуоттина. «В борьбе за мир все честные люди объединились (букв. «один стали»)».

(Из разговорной речи).

Султан шад доьшуш долу газета шалха а тоьхна школе хъа новкъа велира. «Султан, сложив вдвое читаемую им газету, вышел на дорогу, чтобы идти в школу».

(Из разговорной речи).

Глагольные композиты с первым компонентом-местоимением

Круг местоимений, выступающих в функции первых компонентов — глагольных композитов, неширок. К ним относятся местоимения: 1) **определятельные:** *ша* (инг. *шие*) «сама», *суо* «сам»¹; 2) **возвратные:** *сайна* «себе», *хъайна* «тебе»; 3) **возвратно-определятельное:** *шина* «самому себе»².

Эти местоимения могут сочетаться как с переходными, так и непереходными глаголами.

Обратимся к примерам.

1. Переходные глаголы: *шадваккха* (инг. *шиваваккха*) «изолировать», *шienaваккха* «отделить» и т. п.

2. Непереходные глаголы: *шалатта* (чеб. так же, кист. *хуолатта*) «стоять на ногах»; *шienавала* «отделиться».

Идиоматичностью композиты приведенного типа не обладают, поэтому критерием их цельности может служить отнесенность их к одному парадигматическому классу. Кроме того, они обладают одним централизующим ударением и интонационным единством составляющих.

См. примеры из литературы. *Деца веа хуо я хуо?* — *ХIахIа, хIинца суо веа.* *Сайнаваьлла суо.* «При отце живешь, али сам? — Нет, теперь сам живу. Отделился» (А. Чехов. Степь).

Компоненты композитов описываемого типа можно разединить внедрением между ними слов. Чаще такими словами

¹ Местоимения *шад* и *суо* различаются лишь отнесенностью к разным лицам: *шад* (3 лицо), *суо* (1 лицо).

² Местоимения *сайна*, *шiena* представляют собой по структуре форму дательного падежа от *суо* «я», *шад* «сам».

могут быть служебные слова: частицы *а, ма, ца* и др. Например, *Сайна, а ваьлла ваха воллу со*. «Отделившись, жить начну я».

Клант шена а ваьккхина, йуол маре а яхийтина, аттачу яьлла суо. «Сына отделив, дочь замуж отдав, легко стало мне».

(Из разговорной речи).

К сложно-синтаксическому типу сложения следует отнести композит с первым компонентом — вопросительным местоимением *х/у* «что» + вспомогательный переходный глагол *да* «делать» — *х/унда* «почему», который перешел в ряд наречий с вопросительным значением¹.

*Иуьиренийн да х/унда вац хьуо,
Суьиренийн да х/унда вац хьуо,
Клант санна, айхьа дийцинчу
Хьайн дешан да х/унда вац хьуо?*

«Утром почему ты не хозяин,
Вечером почему ты не хозяин,
Как молодец, тобой говорившему
Своему слову почему ты не хозяин?»

(Из чеченского фольклора).

Компоненты композита *х/унда* настолько срослись, что представляют собой единое целое с одним ударением, и разьединению, равно как и перестановке, не поддаются.

Глагольные композиты с первым компонентом — основой глагола

Сложные глаголы с первым компонентом — основой глагола имеют довольно широкое распространение в нахских языках. В функции первых компонентов выступает довольно широкий круг различных по своей фонетической, грамматической и лексической структуре глагольных основ.

Вторыми компонентами преимущественно выступают только две глагольные основы — *да* (инг. *дие*) (*б, в, й*) «следовать» и ее потенциально-модальный вариант *дала* (инг. *дала*) (*б, в, й*)².

¹ Кроме того, данная лексема выступает в значении подчинительного союза в придаточных предложениях причины как в отдельности, так и в качестве части сложного союза *х/унда аьлча* «почему (если) сказать».

² Весьма редки случаи, когда с глагольными основами в функции второго компонента выступает основа другого глагола. Нам удалось обнаружить лишь один композит с иным вторым глагольным компонентом *виелакъажа* (инг. *виелакъажа*) «улыбнуться».

Вспомогательный переходный глагол *да/дие* употребляется в сочетании с непереходными в своей основе глаголами, носит в них переходное значение, например: *дада* (инг. *да-да*) → *дадада* (инг. *дададие*) «умчать», *латта* (инг. *латта*) «стоять» → *латтада* (инг. *лоаттадие*) «заставить стоять»; *лалла* (инг. *алла*) «лежать» → *лаллада* (инг. *алладие*) «заставить лежать» и т. д.

Глагольный компонент *дала* также выступает в сочетании как с непереходными, так и переходными глаголами. См. примеры на сочетание данного компонента с непереходными глаголами: *дад/а/дала* (инг. *дад/а/дала*) «мочь бежать», *лалл/а/дала* (инг. *алл/а/дала*) «мочь лежать»; *латтадала* (инг. *лоатт/а/дала*) «мочь стоять» и др. Примеры на сочетание данного компонента с переходными глаголами: *даккх/а/дала* (инг. *доаккх/а/дала*) «мочь изъять», *туохадала* (инг. *туохадала*) «мочь ударить»; *дахь/а/дала* (инг. *дахь/а/дала*) «мочь нести» и др.

Как видим, в приведенных примерах компонент *дала* выступает со значением модальной возможности совершения действия, выраженного основой первого (глагольного) компонента. В сочетании же с глагольными основами с переходным значением данный глагол приобретает еще и значение непереходности, сохраняя при этом значение модальности, например: *кхуоссадала* «мочь прыгнуть» и «прыгнуть», *тасадала* «мочь сцепиться» и «сцепиться», *туохадала* «мочь биться» и «биться», *хьакхадала* «мочь тереться» и «тереться» и т. д.

При этом надо полагать, что употребление в немодальном значении — явление вторичное и что первоначально они функционировали в одном модальном значении.

Таким образом, с точки зрения современного состояния языка, композиты эти обладают двумя значениями, которые дифференцируются не с помощью контекста, а в зависимости от цели и задач говорящего при употреблении этих форм, то есть в зависимости от того, какое из этих двух значений имеет в виду говорящий в момент речи.

В одном и том же контексте в композиты в зависимости от желания и целей субъекта может быть вложено одно из указанных двух значений. Например: а) в модальном значении: *Ахмад ура т/уехула кхуоссалую*. «Ахмад в состоянии

перепрыгнуть через ров»; б) в ином (непереходном) значении: *Ахмад ура тлехула кхуоссалуо*. «Ахмад перепрыгивает через ров».

Как видно, перевод на русский язык показывает разные значения данных форм.

Как было сказано выше, компонент *дала* (в, б, й) при употреблении его в сочетании с основой качественного прилагательного расщепляется на составляющие части *да-и-ла//луо*. То же наблюдается и здесь, когда интересующий нас компонент сочетается с основами глаголов, например: а) настоящего времени: *такхалуо* «может волочить» и др., б) будущего возможного времени: *такхалу* «будет в состоянии волочить»; в) повелительного на-

клонения: *такхалуо* «будь в состоянии волочиться»; г) в просительной форме повелительного наклонения: *такхалуохъа* «будьте-ка в состоянии поволочить».

Такое явление наблюдается не во всех формах глаголов; например, в форме прошедшего совершенного времени и некоторых других расщепления основы *дала* на составляющие не происходит: *такхадала* «смочь поволочь» и др.

См. примеры из литературы на расщепление данной основы.

Ас суо лиевар дутьур дац. «Я не прощу подлости по отношению к себе».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Давьсий, эрний, ахазий хиллачу латтанашкахъ хыйкъина ялташ а. башха бошмаш а кхийайо. «На бывших пустынных, залежных, целинных землях богатый урожай хлеба, чудесные сады растут».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Ахмадие дика дешалуо. «Ахмад хорошо может учиться».

(Из разговорной речи).

Весьма редки случаи образования глагольных композитов с первым компонентом — глагольной формой причастия или деепричастия. Таков один из редких примеров на деепричастие настоящего времени в функции первого компонента: *кхочушда* (инг. *кхоачашдие*) (*кхочуш//кхоачаш* «выполняя» — *да//дие*¹ «сделать») «выполнить» («выполняя сделать»).

¹ Классические варианты этого глагола *ба//бие*, *йа//йие* употребляются редко в данном сочетании, а вариант *ва//вие* вовсе не употребляется.

В непереходном значении данный композит выступает со вторым компонентом *хила* (инг. *хила*) «быть»: *кхочушхила* (инг. *кхоачашхила*) «исполниться» («исполняя быть»).

Айса дагалаьцарг кхочушхили сан. «Мною задуманное исполнилось у меня».

Среди глагольных композитов встречается небольшая группа с первыми компонентами, подвергшимися затемнению семантики и ввиду этого самостоятельно не употребляющимися. Таковы: *млаьк*, *м/уез*, *мез*, *гич*, *акъ* и некоторые другие.

В качестве вторых компонентов в таких композитах чаще всего выступают глагольные основы *дала* (б, в, й) // *да* (б, в, й); *даккха* (б, в, й), *дала* (б, в, й) и др. Таковы: *дицдала* (инг. *дицдала*) «забыться, смочь забыть», см. также *дицда* (инг. *дицдие*) «забыть»; *дагардала* (инг. *дагардудала*) «смочь считать», см. *дагарда* (инг. *дагардие*) «считать»; *гиздала* «смочь исходить, исколесить», см. *гизда* «исходить, исколесить»; *м/уездаккха* «напонт до потери сознания», см. также *м/уездала* «стать пьяным до потери сознания»; *акъдаккха* «удивить», см. *акъдала* «удивиться, смочь удивиться»; *млаькдаккха* «довести до предела», см. *млаькдала* «дойти до предела»; *гичда* (инг. *гичдие*) «простить»; *ладла* (инг. *ладдалие*) «оставаться в спокойном состоянии»¹.

Одни из этих первых компонентов являются междометными или мимео-изобразительными словами (*м/уек*, *м/уез* и др.), другие же представляют собой знаменательные слова, но в результате фонетических модификаций подвергшиеся затемнению семантики (*лад*, *дагар*, *диц* и др.). Семантика третьих неясна ввиду их заимствованной природы. Надо полагать, что к таким относятся *гиз* (ср. азерб. *гиз* «бродить, ходить»), *гич* (ср. тат. *кич* «прости») и некоторые другие.

Однако утеря семантики первого компонента необязательно должна быть обусловлена указанными причинами. Утеря семантики первых компонентов может произойти в процессе долгого употребления без каких бы то ни было фонетических изменений.

Для выяснения первоначальной семантики этих компонентов необходимо подвергнуть их специальному исследованию;

¹ Следует отметить, что некоторые композиты такого типа не поддаются точному переводу, поскольку первый компонент не имеет семантики.

большую услугу в подобных разысканиях могут оказать данные диалектов и говоров нахских языков.

См. примеры из литературы на данный тип.

М/аькбаьлла лавттаху синкъярамехь мехкарийн тхьамда /ечу Белитина хууш х/ума дацара мамас. девашас Гиланина ши к/ира хьалха ши йовхкина хиларх. «В разгаре вечеринки сидящая тамадой девушек Белита не знала ничего о том, что уже две недели, как ее продали мать и дядя (отца брат) Гилани».

(М. Мусаев. На рассвете).

«Иштанехьа дац вайн спутникаша стигал гезъяр». — бохуш дубйцура хьехархочо урок д/ахьрш. — /аламан кбай-ленаш толлуш ю вайн спутникаш». «Не напрасно наши спутники бороздят небеса, — рассказывал учитель на уроке, — тайны природы исследуют наши спутники».

(Н. Музаев. Марш смелых).

§ 34. Трехкомпонентные глагольные композиты

Переходные глагольные композиты

Трехкомпонентные глагольные композиты имеют широкое распространение в нахских языках.

Относясь по своей структуре к детерминативному типу, глагольные композиты, состоящие из трех компонентов, по своей семантике преимущественно переходные. Редко среди глаголов этого типа встречаются переходные глаголы. В качестве глагольных компонентов в композитах данного типа чаще всего выступает потенциальный глагол с переходным значением — *дала* (в, б, й) и *дила* «стать», а также переходные *даккха* «изъять», *да* «сделать»; см. примеры на переходные глаголы данного типа: *дуогдик/а/* — *да*, инг. *дуогдик/а/* *дие* (дуог «сердце», *дик/а/* «добрый», *да/* *дие* «сделать, утешить, ободрить» («сердце хорошее сделать»); *самукъ/а/даккха* (*са* «душа», *мукъа* «свободный», *даккха* «сделать, извлечь») «развеселить» («душа свободный сделать»); *сапаргатдаккха* (инг. *сапаргатдаккха*) (*са* «душа», *паргат* «спокойный, свободный», *даккха* «сделать, извлечь») «успокоить, утешить» («душа свободный, спокойный сделать»); *дуогъир/а/х/уоттуо* (инг. *дуогъир/а/уотт/а/дие*) (дуог «сердце», *ира* «стоймя», *х/уоттуо/уотт/а/* «поставить») «ободрить» («сердце стоймя поставить») и др.

Как видим, последний композит в ингушском состоит из трех компонентов: *дуог* «сердце», *ира* «стоймя», *уотт/а/* «стать», *дие* «сделать». Вместо чеченского аффиксально-дифтонга с переходным значением — *уо* в ингушском варианте этого композита последним компонентом выступает вспомогательный переходный глагол *дие* «сделать».

Непереходные трехкомпонентные глагольные композиты

Непереходный характер таких композитов обуславливается непереходностью глагольного компонента. Чаще таким глаголом в трехкомпонентных глаголах выступают вспомогательные глаголы *дала*, *дала* (инг. *дала*, *дала*) «мочь, стать». Таковы композиты: *сапаргатдала* (инг. *сапаргатдала*) (*са* «душа», *паргат* «свободный», *дала/дала* «стать») «успокоиться» («душа свободный стать»), *дуогтазда* (инг. *догтазда*) «состояние, когда организм требует соленой пищи» («сердце пресным стать»); *сабарзда* (инг. *сабарзда*) «потерять покой» («душа слепой стать»); *сатуохадала* «мочь терпеть» («душа ударить мочь»); *садаладала* «мочь отдохнуть» («душа регулировать мочь»); *сакъиер'а/дала* (инг. *сакъиердала*) «веселиться, мочь веселиться» («душа наслаждаться мочь»); *дуогкладдала* «находиться в обморочном состоянии» («сердце усталый стать»); *г/еметт/а/х/уотта* (инг. *г/аьметт'а/уотта*)¹ «достичь зрелого возраста» и др.

Как видно, порядок расположения компонентов в трехкомпонентных глагольных композитах таков: первым от начала за редким исключением идет имя существительное, далее следуют: а) имя существительное, оформленное чаще окаменелым формантом одного из местных падежей (см. *саметт/а/да* (метта «на место»), *г/еметт/а/х/уотта* (метта «на место»), *самалхадала/даккха* (малха «на солнце») и др.; б) имя прилагательное: *дуогтазда* (таз (→ теза) «пресный»); *дуогмустдала* (муст (→ муьста) «кислый»); *дуогкладдала/да* (клад (→ кледа) «мягкий»); *сабарзда/дала* (барз (→ б/аьрзие/а/ «слепой»); *самукъдала/даккха* (мукъа «свободный»); *сапаргатдала/даккха* (паргат «сво-

¹ Первый компонент *г/е* подвергнут затемнению семантики.

бодный, вольный»); *дуогъгӀелдала//да* (*гӀел* (→ *гӀийла*) «слабый, хилый» и т. п.; в) глагол: *сатуохадала* (*туох/а* «ударить»); *садал/а/дала* (*дала* «регулировать»); *сакӀиерадала* (*кӀиера* «испытать») и т. д.

Последним компонентом, как правило, идет глагол.

В редких случаях наблюдается иное расположение компонентов трехкомпонентных композитов, а именно: первым идет наречное слово, например, *ира* «стоймя», на втором месте — существительное — *кара* («ка «рука»», *-ра* — исторически формант исх. п. «на руку». Таков композит *иракарахӀуоттуо* (инг. *уракарауоттдие*) «ободрить, воодушевить».

Части трехкомпонентных композитов в целом характеризуются семантическим и интонационным единством, они обладают одним основным ударением и отнесены к одному парадигматическому классу.

Цельнооформленность особенно характерна для тех из трехкомпонентных композитов, в которых первый и второй компоненты — именны́е основы. Таковы *дуогтазда́ла*, *дуогмустдала*, *гӀеметта/а/хӀуотта*, *самалхадала//даккха* и т. д.

Говоря о степени цельности композитов данного типа, нельзя не отметить также факты фонетических модификаций в основах именных компонентов, факты семантических изменений, которые в значительной степени способствуют монолитности компонентов композитов данного типа.

Части трехкомпонентных композитов можно разъединить внедрением между ними других слов. Чаще такими вставочными словами выступают служебные слова — частицы *а*, *ма*, *ца* и другие. Причем граница разделения может проходить в одних композитах между первым и вторым от начала компонентами, в других — между вторым и третьим от начала компонентами; см. примеры, в которых компоненты разделены посредством внедрения отрицания *ца*:

Между первым и вторым компонентами:

са ца гатда//дала
дуог ца кӀаддала
са ца дукъда//дала
са ца туохадала
са ца кӀиерадала

Между вторым и третьим компонентами:

саметта ца да
самалха ца да//даккха
юьхьаьржа ца хӀуотта//
хӀуоттуо
дуогдика ца да//хила

Между первым и вторым компонентами:

дуог ца гӀелда//дала
дуог ца тазда//дала
дуог ца кӀаддала
са ца тиеда//дала
дуог ца муста//дала

Между вторым и третьим компонентами:

сапаргӀат ца да//даккха
самукта ца да//даккха
ира-кара ца хӀуоттуо
са бларз ца да//дала
гӀеметта ца хӀуотта
са кӀам ца да

Трехкомпонентные композиты, как, впрочем, и двухкомпонентные, при употреблении со вставочными словами чаще выступают в косвенных формах; употребление их в форме инфинитива становится невозможным. Чаще такое явление происходит при внедрении частиц *-ма/-м*: *Иракара-м хӀуоттийра оха иза*. «Приободрили мы его». *Са ма кӀиерадалийталахь цуьнан*. «Веселиться не дай ему» и т. д. Эти примеры даны в форме прошедшего очевидного времени: *иракарахӀуоттийра*; в форме повелительного наклонения: *Са ма кӀиерадалийталахь*.

Этот фактор — свидетельство того, что данные композиты, как и большинство глагольных композитов, не получили окончательного оформления в слово. Однако поскольку они отнесены к парадигматическому классу глагола, мы вправе квалифицировать их как композиты. Кроме того, они отличаются интонационным единством компонентов и одним главным централизующим ударением.

В качестве вставочных слов выступают в отдельных случаях также и знаменательные слова. Так, например, в предложении: *Дуог хӀунда гӀелделла хьан?* (букв. «Сердце почему ослабло у тебя?») композит *дуоггӀелдала* разбит словом — вопросительным наречием *хӀунда?* «почему?»

Но случаев, когда в функции вставочных слов выступают знаменательные слова, немного. Чаще в данной функции выступают вопросительные наречия: *хӀунда?* «почему?» *маца?* «когда?» и местоимения: *хьенан?* «чей?, у кого?» и т. д. См. еще примеры: *Дуог маца гӀелделла хьан?* (букв. «Сердце когда ослабло у тебя?») *Дуог хьенан гӀелделла?* (букв. «Сердце у кого ослабло?») и т. д.

Разные вставочные слова выступают при различных гла-

гольных формах, то есть каждое вставочное слово имеет свою, излюбленную форму глагола, при которой оно употребляется.

Например, частица *а* чаще употребляется при глаголе в форме прошедшего совершенного времени и деепричастия прошедшего времени; см. форма прошедшего совершенного времени: *са а кѳиераделла сан-м*. «И душа развеселилась у меня». Форма деепричастия: *са а кѳиераделла, хелхавелира суо*. «И душа развеселив, станцевал я» (то есть «повеселев, станцевал я»).

А частица *ма* (в значении отрицания) чаще выступает при глаголе в форме повелительного наклонения, например: *самалха ма долилла хѳан*. «Душа на «олнце да не выйдет у тебя» (то есть «не будь у тебя покоя, радости»).

Частица *ца* часто встречается:

1. В побудительных глаголах: см. *Сан са ца кѳиерадалилта веана хѳуо*. «Ты пришел, чтобы душа у меня не развеселилась».

2. В глаголах всех прошедших, а также настоящего, будущего времен; см., например: а) прошедшее совершенное время: *Са ца кѳиераделла сан*. «Душа не испытала у меня веселья» (то есть «не веселится у меня душа») и др.:

б) очевидно прошедшее время: *Са ца кѳиераделла сан*. «Душа не испытала у меня веселья» и др.;

в) только что прошедшее время: *Са ца кѳиерадели сан*. «Душа не испытала у меня веселья» и др.;

г) настоящее время: *Са ца кѳиералуо сан*. «Душа не веселится у меня» и др.;

е) будущее неопределенное время: *Са ца кѳиералур сан*. «Душа не развеселится у меня».

Почти во всех этих формах употребляются также указанные выше знаменательные слова-вставки. Между частями данных композитов можно вставить два и более служебных и знаменательных слова. Например: *Делахь са а ца гатдеи телаш, со машинахь вухаваллац*. «Тогда живите, не скучая, пока я на машине не возвращусь».

Са-м хѳунда гатдуора цуо. «Скучать-то зачем ему».

(Из разговорной речи).

Эххар а са а ца тохаделла, ирахѳоттира иза. «Наконец, не вытерпев, встал он».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Следовательно, трехкомпонентные композиты за редким исключением относятся к детерминативному типу сложения: они являются полносложными по своей грамматической структуре. Компоненты их интонационно монолитны, часть из них обладает идиоматичностью, например: *самалхадала, са-Марздада, сагатдала* и др.

Дагна там хилла, сапаргатваьлла ша бинчу балхана ре-заволуш дласахъаьжира иза... «С удовлетворением успокоившись (букв. душой успокоившись), довольный проделанной работой, посмотрел он по сторонам».

Цо уьш (забарш. — К. Ч.) дуьххьалдѳа самукѳадаккхидой хаара. «Знал, что это он делает (шутит. — К. Ч.) просто так, для веселья (букв. душу веселым сделать)».

Хѳинца уьш дѳанисдина а ваьлла сапаргатделира цуьнан. «Теперь их подправив, успокоился (букв. душа свободный сделалась) он».

Хъала а иккхина, гѳодаккха сакѳамделлера гадсаламан. «Поднявшись, заступиться захотелось (букв. душа зачесалась) Адсаламу».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

«Гѳан-набарш яйна, хѳуни сагатдина, цѳа веанера». — *ала-лахь Таймин Биболате*. «Сон потеряв, по тебе соскучившись (букв. душа узкой сделавшись), домой пришел, — скажите Таймиеву Бибулату».

(Из фольклора).

Хѳетахь цо хаарца а, дог иракарахѳоттош а кѳеггина масалиш далош а хѳоьхура. «Тогда он со знанием дела, интересно (букв. сердце стоймя делая) яркие примеры приводя, учил».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Некоторые выводы.

Сложные глаголы подчинительного типа как в чеченском языке, так и в близкородственном ингушском языке, делятся на переходные и непереходные; каждая из этих групп делится на более мелкие подгруппы по признаку оформленности или неоформленности первых компонентов; чаще в оформленном виде выступают первые именные компоненты: *дагавала* (дага (→ дуог) «сердце» (форма мест. п.) «советоваться», *сих-*

ва^али (си^ах^а (←са) «душа», х — формант вещ. п.) «поспешить» и др.

В неоформленном виде выступают первые глагольные компоненты: та^аха^а «волочить», ва^ада^а «помчать» и др.

В качестве первых компонентов выступают почти все знаменательные части речи: имя существительное: ба^арттуо^ах^а «ругать», ка^атуо^ах^а «цапнуть»; качественное прилагательное или наречие: ха^азда^ала «похорошеть», ни^асда^ала «выпрямиться» и др.; глагол: са^аца^ада «остановить», ти^аеда «заставить перестать» и др. Порядок расположения компонентов глагольного композита таков: на первом месте двухчастных композитов стоят разные именные или глагольные основы, в трехчастных глагольных композитах на первом и втором месте стоят именные и глагольные основы, третьим, как правило, идет глагол. Некоторые глагольные композиты из описываемого типа обладают идиоматичностью. Как идиоматичные, так и неидиоматичные сложные глаголы цельнооформлены: они имеют основное централизующее ударение на ударном слоге первого компонента и отнесены к одной парадигме.

§ 35. Глагольные композиты сочинительного типа

Глагольные композиты сочинительного типа состоят из двух грамматически независимых компонентов, исторически восходящих к однородным глагольным членам предложения. Таковы: ва^аха-ва (инг. ва^аха-ва) «пойти-прийти», ала-дийца (инг. ала-дувца) «сказать-говорить» и др.

Композиты интересующего нас типа представлены следующими разновидностями: компоненты композита — основы слов, близких по значению, а также различные формы одного и того же слова: ала-дийца (инг. ала-дувца) «сказать-говорить» (ала — однократная форма, дийца — многократная форма) и др.; даа-мала (инг. даа-мала) «есть-пить», то есть «обедать»; хьяжа-да «смотреть-сделать», то есть «оказать услугу»; хьяжа-х^ауотта «посмотреть-стать», то есть «наведаться» и др. См. примеры в предложениях: Хьяжа-да г^алулакх дуй хьян? «Посмотреть-сделать дело есть у тебя?» Ала-дийца х^ау-ма дац сан: «Сказать-говорить ничего нет у меня».

Части приведенных пар не синонимичны друг с другом.

лишь выражают действия, близкие по своему харак-

Однако встречаются парные глаголы, состоящие:

1) Из синонимных основ: са^аца-х^ауотта «остановиться-стать», ва^ада-х^ада «бежать-бежать» и др.

2) Из семантически противоположных (антимичных) основ слов, различающихся:

а) противоположностью в направлении движения: ва^аха- (инг. ва^аха-ва) «пойти-прийти» и др.;

б) противоположностью по характеру действия: йуо^ах^ака-ица (инг. йуо^ах^ака-ица «продать-купить»), ср. также йуо^ах^ака-ица^ар «купля-продажа», производное от данной пары при помощи суффикса -р; ала-дита^а¹ «сказать-оставить» и др.

Таким образом, парные глаголы подразделяются на три группы:

а) группу композитов, состоящих из компонентов, близких по значению: даа-мала «есть-пить» и др.

б) группу композитов, состоящих из компонентов, близких по значению: са^аца-х^ауотта «остановиться-стать», х^ада-ва^ада «помчаться-бежать» и т. д.;

в) группу композитов, состоящих из компонентов с противоположными значениями: ва^аха-ва «пойти-прийти», йуо^ах^ака-ица «продать-купить» и т. д.

Общее значение таких сочетаний не равнозначно сумме значений их составляющих: оно шире, чем сумма значений их компонентов.

Фонетических изменений в составляющих частях таких композитов не происходит. Каждый из компонентов обладает одинаковой силой ударением, локализующимся на ударных (первых) слогах.

Особого распространения парные глаголы не имеют, хотя процесс образования их в нахских языках можно считать действующим и поныне.

К сложно-синтаксическому типу образования следует отнести композит-существительное эладита (инг. аьладита) «сплетня, клевета», восходящий генетически к парному глагольному сочетанию описанного типа и состоящий из гла-

¹ Интересно отметить, что в ингушском данный композит аьладита функционирует как существительное со значением «сплетня, клевета» (ср. чеч. эладита в том же значении); здесь мы имеем случай субстантивации глагольных форм.

гольных основ *эла* (+ *ала*) «сказать», *дита* «оставить (не сказанным)»¹. Однако сложносинтаксические образования данного типа не имеют широкого распространения в вайнахских языках, и лишь отдельные примеры указывают на наличие этого типа в современных языках чеченцев и ингушей.

В сфере глагола в основной, неприводимой форме не встречаются редуликативные образования, как это имеет место в сфере имени.

Однако следует отметить наличие редуликатов, функционирующих по своему лексико-грамматическому значению как деепричастно-причастные формы глагола. Повторяющаяся основа в этих образованиях по своему фонетическому облику полностью или частично соотносится с формами прошедшего совершенного и настоящего времени глагола, однако в целом такие образования выступают в значении деепричастия и причастия.

Таковы, например: 1) деепричастия — редуликатыв прошедшего времени, состоящие из основы, совпадающей с глаголом прошедшего совершенного времени: *ведда-ведда* (инг. так же) «бегом-бегом»; *туохна-туохна* (инг. тиеха-тиеха) «ударив-ударив»; *аьлла-аьлла* (инг. аьнна-аьнна) «сказав-сказав»; *уозийна-уозийна* (инг. озада-озада (й, б, в) «тянув-тянув»; *кхуобссина-кхуобссина* (инг. кхиесса-кхиесса) «бросив-бросив»; *тесна-тесна* (инг. тесса-тесса) «бросив-бросив» и др.² В предложении эти образования выступают в роли обстоятельства образа действия.

См.: *Хьаьжна-хьаьжна, сихдина бьаьргийн негларш туьххира Уддис*. «Посмотрев-посмотрев, часто веками поморгал Удди».

(У. Гайсултанов. На пути борьбы).

Аьлла-аьлла килелвигира Султана Ахьмад. «Сказав-сказав, победил Султан Ахмада».

(Из разговорной речи).

2. Деепричастия в форме настоящего времени, состоящие из редуликативных основ глагола + формант деепричастия

¹ Интересно заметить, что в своем первоначальном виде этот композит, как указывалось выше, выступает и сейчас, но уже как парный глагол *ала-дита* «сказать-оставить». В ингушском в первоначальном виде этот композит не употребляется, то есть он уже не функционирует как парное глагольное сочетание.

² Ввиду отсутствия в русском языке таких форм мы ограничиваемся буквальным переводом их.

настоящего времени -ш: *воггу-воггуш* (инг. *вогга-воггаш*) «идя-идя» (то есть постепенно идя); *олу-олуш* (инг. *оала-оалаш*) «сказав-сказывая» (то есть постепенно говоря); *соцу-соцуш* (инг. *соца-соцаш*) «останавливаясь-останавливаясь» (то есть не сразу, а постепенно сбавляя скорость, остановиться); *хьожу-хьожуш* (инг. *хьож-хьожаш*) «смотря-смотря»; *туху-тухуш* (инг. *туоха-туохаш*) «ударяя-ударяя»; *кхуесу-кхуесуш* (инг. *кхуосса-кхуоссаш*) «бросая-бросая»; *молу-молуш* (инг. *моал-моалш*) «выпивая-выпивая»; *дурьшу-дурьшуш* (инг. *диеш-диешаш*) «читая-читая, учась-учась»; *луу-лууш* (инг. *лов-ловш*) «желая-желая»; *лутту-луттуш* (инг. *лот-лотташ*) «тыкая-тыкая»; *хуьлу-хуьлуш* (инг. *хула-хулаш*) «имея-имея»; *дуу-дууш* (инг. *дуг-дугуш*) «еда-еда» и т. д. Как видно, такие формы показывают, что действие совершается не сразу, а постепенно.

Хуьлу-хуьлуш хилла дена вир. «Имея-имея (то есть не сразу, а постепенно) занял хозяин ола» (из фольклора).

Ткьа хуьйц-хуьйцуш вуьззина хийцина глевэрзор ву оха. — *сацийра цо, тлаккха уахула длавибира клант*. «Но меня-меня (то есть постепенно меняя) полностью изменив, подчиним мы», — решил он, потом повел мальчика по коридору».

(С. Арсанов. Когда познается дружба).

Дерриг дийца хьох а бац тешиш, хуь-хууш. «Все сообщить, к тебе нет доверия, зная-зная... (то есть постепенно узнаете)».

(М. Мусаев. На рассвете).

Делахь а дегл доьду-доьдуш деган карадахара. «Но тело идя-идя (то есть постепенно-идя) в руки сердца ушло (то есть подчинилось сердцу)».

(Н. Мусаев. Марш смелых).

3. Причастия настоящего времени, образовавшиеся путем удвоения причастия настоящего времени. Такие причастия-повторы имеют значение различительности по признаку, заключенному в основе причастия — «каждый имеющий такой-то признак», например: *соцу-соцу* (инг. *соц-соца*) (*машина*) «каждая останавливающаяся (машина)» (букв. «останавливающаяся»).

яся-останавливающийся (машина)»¹; *voɣl-voɣl* (инг. *voaɣl-voaɣla* (стаг) «идуший-идуший (человек)»; *tuɣu-tuɣu* (гладж) (инг. *тух-туха* (гладж) «ударяющая-ударяющая (палка)»; *kxuɣu-kxuɣu* (инг. *кхуосс-кхуосса*) (тлуг) «бросающий-бросающий (камень)»; *ɣodu-ɣodu* (инг. *йода-йода*) (говр) «бегущий-бегущий (конь)» и др.

4. **Субстантивированные причастия-повторы** образуются путем удвоения основы несамостоятельного причастия настоящего времени. Вторая часть таких повторов оформляется суффиксом субстанта *-rɣ* (инг. *-r*). Такие образования имеют значение: «Каждый имеющий тот признак, который выражен причастием», например: *voɣl-voɣlurɣ* (инг. *voaɣl-voaɣlarɣ*) «каждый идущий» (букв. «идуший-идуший»)²; *duɣɔ-ɣuɣɔurɣ* (инг. *дувц-дувцар*) (букв. «говорящий-говорящий»); *soɣ-soɣurɣ* (инг. *соц-соцар*) (букв. «останавливающий-останавливающий»); *dieɣ-dieɣurɣ* (инг. *диез-диезар*) «любимый-любимый»; *xuɣ-xuɣurɣ* (инг. *хов-ховр*) «знаемый-знаемый», «известное-известное» (то есть «каждое известное»); *luɣ-luɣurɣ* (инг. *лов-ловр*) «желаемый-желаемый» (то есть «каждое желаемое»); *tuɣuɣ-tuɣurɣ* (инг. *туох-туохар*) «ударяемый-ударяемый» (то есть «каждое ударяемое»); *duɣɔxɣuɣ-duɣɔxurɣ* (инг. *диэх-диэхар*) «просимый-просимый» (то есть «каждое просимое») и т. д. См. еще примеры и в предложениях: *Добрица баьхкина кегийрхой шайн кара догI-догIurɣ деш белхех дIаийра*. «Пришедшие с Добри молодые люди слились с белхи (общественная помощь по чечено-ингушски), делая все, что попадется под руки» (букв. «что в руки идущий-идуший»)

(М. Мусаев. На рассвете).

Массара а хеттарш деш, я шайний-шайний хет-хетарш дуьйцуш, гIовгIа яьллера. «От того, что все расспрашивали и каждый говорил, что думает (букв. кажущийся-кажущийся), поднялся шум»

(Н. Мусаев. Марш смелых).

¹ В дальнейшем ограничимся буквальными переводами этих сочетаний.

² Нахские причастия индифферентны по форме к категории страдательности и действительности. При переводах на русский мы не соблюдаем поэтому единообразия и в каждом отдельном случае поступаем так, чтобы наши переводы были бы наиболее точны в смысле передачи признака тем или иных лексем. Не различаются нахские причастия также по родам. Мы в целях краткости везде даем их перевод в форме мужского рода.

В сфере глагольных форм встречаются парные сочетания деепричастных форм настоящего времени с формантом *-ш* в исходе обеих частей, например: *луьйш-о-луьш* (инг. *лувиш-оалаш*) «сказывающая-говорящая» (то есть «рассказывающая»); *диеш-дуьташ* (инг. *диеш-дуташ*) (дац) «делая-оставляющая (нет)» (то есть «ничего не делает»). См. примеры в предложениях: *Луьш-о-луьш дIахечира*. «Рассказывая (букв. «говоря-сказывающая»), доехали (дошли)».

Диеш-дуьтуш дац шун. «Ничего не делаете (букв. ничего делая-оставляя) нет у вас».

В последнем предложении композит *диеш-дуьтуш* хотя и имеет в обеих частях форму деепричастия настоящего времени, однако выступает в значении субстанта.

Когда же он (композит) употребляется в сочетании с именем, например: *Диеш-дуьтуш хIума дац шун*. «Делая-оставляя дело (вещь) нет у вас», то выступает в значении причастной формы.

В чеченской литературе встречается композит *кхиетуош-кхиуош* (букв. «сознательно делая-растя») ¹, который также имеет, в зависимости от контекста, двойное употребление:

а) в значении **деепричастия-наречия** в сочетании с глаголом, например: *Кхиетуош-кхиуош лиелавуо цара и кIант*. «Воспитывая-растя, содержат (букв. водят) они этого мальчика».

Ас эрна доьтур дац, кхетош-кхиош, соьга доьшуйтуш ахь хьегна кIа. «Я не забуду (букв. зря не потеряю) тобой испытанный труд, меня сознательным делая-растя».

(М. Мусаев. На рассвете).

б) в значении **причастия-определения**, когда он употребляется с именем, например: *Кхиетуош-кхиуош стаг воцуш лиела хIара бераш*. «Делая сознательным-растя человека не имея, пребывают (букв. ходят) эти дети».

Таким образом, некоторые из компонентов-деепричастий теряют свое первоначальное значение и переходят в разряд наречных и причастных форм, что является результатом развития нахских языков по своим внутренним законам, которые и обуславливают взаимопроникновение разных частей речи и их форм.

В нахских языках встречается множество аналитических форм глаголов, образуемых путем сочетания деепричастия на-

¹ Ср. также *кхиетуош-кхиуор* «воспитание».

стоящего времени со вспомогательными глаголами *ву*/[*бу*]/*ду*/[*йу*] (инг. *ва*/[*ба*]/[*да*]/[*йа*]), *лиела* (инг. *лиела*) «ходить», *валла* (б, д, й) (инг. *валла* (б, д, й) «находиться в состоянии чего-то» и др. Например: *доьшуш ву* (инг. *диешаш ва*) «учась есть»; *олуш ву* (инг. *оалаш ва*) «говоря есть»; *хьожуш валла* (инг. *хьиежаш валла*) «смотря находиться»; *бохуш лиела* (инг. *йахаш лиела*) «говоря ходить».

Интересно отметить, что вспомогательный глагол *воллу* (инг. *воал*) (б, д, й) «пребывать в каком-либо состоянии» может образовывать аналитические формы глагола также от глаголов в неопределенной форме со значением «иметь намерение», например: *хьажа воллу* (инг. *хьажа воал*) «имеет намерение посмотреть», *диеша воллу* (инг. *диеша воал*) «имеет намерение учиться», *ваха воллу* (инг. *ваха воал*) «имеет намерение пойти (поехать)».

При этом следует отметить, что вспомогательный глагол *воллу*/[*воал*] (б, д, й), как и вспомогательный глагол *ву* (инг. *ва*) (б, д, й), функционирует чаще всего в форме настоящего времени. То же можно сказать и в отношении вспомогательного глагола *лаьтта* (инг. *латта*) «стоит». Примеры: *довш лаьтта* (инг. *довш латта*) «находиться в состоянии пропажи» («пропадая стоит»); *духуш лаьтта* (инг. *дуоаш латта*) «находиться в состоянии разрухи» («разрушаясь стоит») и др.

Подобных форм в сфере нахского глагола много. Они выражают единое понятие или оттенок понятия, хотя и состоят из двух основ, одна из которых (первая) является носителем основного значения при семантически подчиненном положении второй основы, обычно выступающей в функции вспомогательного глагола.

В родственных дагестанских и адыгских языках наличествуют аналитические формы глагола, которые по способу образования и структуре их составляющих сходны с приведенными нахскими формами. Так, например, в южном диалекте даргинского языка (хивский говор), по свидетельству А. А. Магомедова¹, от дееспричастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола *ву* (ср. чеч. *ву*, инг. *ва*) «есть, суть» образуются аналитические формы глаголов. Причем

вспомогательный глагол может выступать и в прошедшем времени. Ср. чеч. *ву* (инг. *ва*) — настоящее время, в прошедшем времени — *вара* (-*ра* — формант очевидно прошедшего времени).

Мы перечислили не все аналитические формы нахских глаголов, и в этом нет особой необходимости, поскольку вопрос этот выходит за пределы темы данного исследования. Аналитические глаголы в нахских языках, как и в других горских кавказских языках, не относятся к собственно композитам, хотя, если исходить только из семантической стороны вопроса, и можно их причислить к таковым.

Некоторые выводы.

Глагольное словосложение имеет широкое распространение в современных вайнахских языках. В этом проявляется сходство их с другими горскими языками иберийско-кавказской семьи.

По типам образования глагольные композиты делятся на детерминативные и копулятивные, встречаются также итеративные образования.

Детерминативные глагольные композиты подразделяются на полносложные: *катуоха* «папнуть», *садала* «отдохнуть» и другие и неполносложные: *дагардийца* «говорить, что на душе», *бертавах* «соглашаться, договориться», *харцахьалиела* «блговаться» и др. Кроме того, глагольные композиты могут быть разбиты также по морфологическому признаку первого компонента, которыми могут быть имена существительные: *злуодаккха* «заступить», *нетуоха* «отвернуться», *кзациеха* «проклинать» и др.; прилагательные: *ларжда* «почернить», *клайдала* «побелеть», *цлидала* «покраснеть», числительные: *шиьда* «разбить пополам», *ахдаккха* «оторвать половину» и т. д.

Глагольные композиты обладают свойством быть расчлененными на составляющие вставкой слова, а также подвергаются перестановке компонентов. В основном глагольные композиты состоят из двух компонентов, однако встречаются и трехкомпонентные глагольные композиты.

Говоря о критериях дифференциации глагольного словосочетания и соответствующего композита, нужно отметить

¹ См.: А. А. Магомедов. К спряжению табасаранского глагола. Иберийско-кавказское языкознание. Т. 12. Тбилиси, 1960, стр. 391.

наличие многочисленных переходных случаев, занимающих по своей лексико-грамматической структуре промежуточное положение между синтаксическим словосочетанием и собственно композитом.

Кроме того, в системе глагольного словообразования многочисленны случаи, когда трудно отличить глагольный композит от приставочного глагола. Дело в том, что нахские превербы, будучи генетически послелогом и наречными словами, еще не утратили семантических и структурных черт последних. Таковы: *бертал* (инг. *бартал*) «ничком», *аркбал* (инг. так же) «навзничь», *нацкър* (инг. *ноакъзар*) «в сторону (с дороги)», *гена* (инг. *гаьна*) «далеко» и др.

ГЛАВА X

СЛОЖНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Служебные слова — послелог, частицы, союзы — в основе своей восходят к различным знаменательным словам. Они в нахских языках по своей структуре делятся на простые и сложные. Таким образом, процесс словосложения охватывает и служебные слова.

Сложные частицы и союзы по своей словообразовательной структуре представляют собой сращения.

Служебные слова-компози́ты образуются как путем сложения двух и более основ различных грамматических категорий, так и путем повторения одной и той же основы служебной лексемы. Способ редупликации особенно продуктивен в сфере междометий и мимео-изобразительных слов (термин «мимео-изобразительные слова» мы заимствуем у В. И. Абаева)¹. Степень распространенности каждого из указанных способов в сфере разных служебных слов неодинакова. Часто в сфере одного разряда служебных слов действует лишь один из указанных способов. Так, например, сложные послелог образуются путем сочетания двух основ-послелогов, одна из которых (представляющая первый компонент) является основной, а другая (представляющая второй компонент) является вспомогательной и служит показателем направления дей-

¹ См.: В. И. Абаев. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. Труды Института языкознания АН СССР. Т. 6. М., Изд-во АН СССР, 1956.

ствия (обозначаемого первым компонентом): через, внутри, около, на поверхность предмета. Таковым выступает, как правило, послелог *хула*¹ (инг. *gʰolla*) «через», который сочетается с послелогам *кӀуел* (инг. *klal*) «под», *тӀуе* (инг. *tla*) «на», «над», *уӀуо* (инг. *uluw*) «около», «близко», *юххуе* (инг. *juhie*) «близко» и т. д.; ср. *кӀуелхула* (инг. *klal gʰolla*) «через низ», *тӀуехула* (инг. *tla gʰolla*) «по верху», *уӀуохула* (инг. *uluw gʰolla*) «мимо» («через около»), *йистиехула* (инг. *jistie gʰolla*) «по краю» («через край»), *хьаллахула* (инг. *хьалхашка gʰolla*) «спереди» («через перед»), *тӀехьашхула* (инг. *tlexhaskha gʰolla*) «сзади» («через зад»), *лаккахула* (инг. *laxha gʰolla*) «через верх», *чухула* (инг. *ču gʰolla*) «через внутрь» и т. д. В бацбийском отмечен сложный послелог *кӀи-кӀуел* (субаблятив) «из-под», отсутствующий в чеченском и ингушском².

В некоторых случаях между частями сложных послелогов можно внедрить наречие-преверб с направлятельным

¹ Послелог этот в свою очередь исторически сложился из двух послелогов *-ху* (← *ca*)/[*gʰo*] (← *gʰa*), *-ла*/[*-lla*]. Ныне эти форманты выступают в функции падежных окончаний (см. об этом ниже). В целом вопрос о границах между послелогам и падежными формантами в некоторых случаях является спорным. Спорным является и вопрос об отнесенности к категории послелога также и элемента *хула*/[*gʰolla*]. На этот счет имеются разные мнения у ученых. Так, например, Ф. Г. Оздоева относит его к послелогам («Послелог в системе чеченского и ингушского языков». Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 3, вып. 2. Грозный, 1962). Н. Ф. Яковлев относит его к форманту одной из производных форм местного падежа («Морфология чеченского языка». Грозный, 1960); Ю. Д. Дешериев допускает отнесение данного элемента к падежному форманту лишь с оговоркой («Сравнительно-историческая грамматика нахских языков...», стр. 441). Поскольку процесс перехода послелогов в падежные форманты и образование послеложных падежей в нахских языках совершается и в наши дни, отнесение некоторых элементов указанного типа к категории послелога или падежного форманта можно допустить с оговоркой. Отнесение *хула*/[*gʰolla*] к послелогам можно также оговорить. При этом обращает на себя внимание факт раздельного написания данного элемента в близкородственном ингушском языке, а в отдельных случаях и в чеченском языке, хотя чеченская орфография предлагает слитное написание его со словом.

Следует отметить также присоединение к послелогам и других формантов, исторически послелогов, отнесенность которых к падежным формантам, с точки зрения современного состояния языка, не вызывает сомнения. Таковы: *-ра*, *-хьа* и др.: *кӀуела-ра*/[*ra*] «снизу», *кӀуелхьа* «в сторону низа» и т. д.

² См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика... Грозный, 1963, стр. 488.

значением *ɖla*¹ «туда». Приставка эта по своей семантике сходна с послелогом *-хула*, а потому она не меняет транзитивного значения последнего, например: *klɛldɖaxula* (инг. *klaldɖagolla*) «через низ туда», *ɣuɔn/a/ɖlaxula* «через круг туда», *xɛlɛɖlaxula* «через перед туда», *sɛxɛɖlaxula* «через эту сторону туда» и т. д.

Примеры из литературы:

Шина ɣуорана юккѣхула уьйтла а вьлла, иза Гудина тлаьхьаьбдира, амма Гудис хлунцале учена юххе а хлѳтина, цунна дуьхьал а дирзина, цѳога лестадора. «Пройдя между двух затворов, он вышел на двор и побежал за Гуди², но Гуди, уже став возле веранды и повернувшись на него, виляла хвостом».

(Н. Музаев. Марш смелых).

Жлала царна клелдлaxула дедда. Закел хьалха керта делира. «Собака, пробежавши под ними (букв. через низ), раньше Заки зашла во двор».

Сауьйзуш хьийзочу Белитина тлехоччуш воллур хлбухaxула вахана хлунца хьалаваьлла Руслан. «К задыхающейся в воде Белите вот-вот подплавал, через дно воды пойдя, вынырнувший Руслан».

(М. Мусаев. На рассвете).

К сложно-синтаксическому способу следует отнести образование сложных союзов, состоящих из двух и трех основ, как-то: *бакъду* (инг. *бакъда*) (от *бакъ* «правда», *ду//да* «есть» — «правда есть»); *цхьабакъду* (инг. *цхьабакъда*) (от *цхьа* «один, одна», *бакъ* «правда», *ду//да* «есть» — «одна правда есть»); *хлунда*³ «потому что» (от *хлун* «что», *да* «делать» — «что делать») и т. д.

Бакъду, тхан чохь а-м дера лаьлна нахарташ. «Правда (есть), у нас в доме накопилось много мелочи (о деньгах)».

(Н. Музаев. Марш смелых).

¹ Поскольку большинство нахских приставок еще окончательно не грамматикализировалось, то они сохраняют связь с наречиями. То же можно сказать и в отношении данного форматива. (См.: Ф. Г. Оздоева. Приставки в системе чеченского, ингушского языков. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 3, вып. 2. Грозный, 1962).

² Кличка собаки у чеченцев.

³ Употребляется также в значении вопросительного наречия, например: *Хьуо хлунда веана?* «Ты почему пришел?» Часто данная форма в значении союза употребляется в сочетании с придаточной формой глагола *аьлча* «если сказать», *хлунда аьлча* «почему (если) сказать».

Тхо цу ɣуллакха юкъаьхь дац, хлунда тхан и нах хлума а бац. «Мы не причастны к этому делу, потому что эти люди нам никто».

(Из разговорной речи).

В сфере частиц весьма редки сложные образования. Нам удалось обнаружить лишь две частицы, сложные по своей структуре, но разные по значению. Например, чеченская усиленная частица *ур/а/-аттала* (частично соответствует русской частице «даже»). Частица эта состоит из *ура* (← *угар*) «самый», *атта-ла/а/*, *атта* «легкий», *-ла/а/* — детерминант. В ингушском языке ей соответствует частица *кхыметтал* (кхы «еще», *метта* «место», *-л* — детерминант): *Ур/а/аттала иза а ца хаьа-кх хьуна.* (На ингушском: *Кхыметтал из хаац хьона*). «Даже это не знаешь ты».

См. также редуликативное образование — отрицательная частица *хла-хла*, образуемая от основы *хла* (инг. *a*) — нет¹.

Хла-хла, со ца воьлу цига. (На ингушском: *А со ваьлац цига*). «Нет, я не иду туда».

Довольно большую группу составляет класс сложных междометий и мимео-изобразительных слов.

Различаются сложные междометия, образованные как путем полного, так и путем частичного повторения междометных основ, например, междометия, образуемые путем полного повторения междометных основ: *вай-вай* «ай-ай», *вай-вай* «ой-ой», *хлай-хлай* возглас одобрения, равнозначный русскому «так-так», и междометия, образуемые путем неполного повтора со значением удивления: *лаь-лай!* (удивление), *вад-дай!* (женское междометие, выражающее удивление) и т. д.²

Звукоподражательные (или мимео-изобразительные) слова полного повтора: *гов-гов* (звукоподражание стрельбе из ружья); *чѳов-чѳов* (звукоподражание крику индюка); *къари-къари* (изображение звука, происходящего при ломке сухих предметов) и т. п. Встречаются звукоподражательные (мимео-изобразительные) слова неполного повтора: *гов-гив* (звукоподражание стрельбе из двух огнестрельных оружия, в

¹ В чеченском основа *хла* вне указанного сочетания в значении отрицания не употребляется. Однако на ее употребление здесь в прошлом в значении отрицания указывает ингушская *a* «нет», которая является вариантом чеченского *хла* и бытует поныне в самостоятельном употреблении.

² Подробнее о структурных особенностях междометий см. у Ф. Г. Оздоевой. Междометия в вайнахских языках. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 5, вып. 2. Грозный, 1964.

частности из ружья и пистолета: первая часть (*гов*) имитирует стрельбу из ружья, а вторая — из пистолета (*гив*); *хар-хир* (звукоподражание храпу при сне); *парт-пирт* (имитация звука, производимого при внезапном вскакивании одновременно нескольких человек или животных). *Парт-пирт аьлла длаикхира ши адам*. «Парт-пирт, сказав, побежали два человека».

Многие звукоподражательные сложные междометия, как и простые междометия, употребляются со словом *аьлла* «сказав». *Гов-гив, аьлла, топ-тапчий елира*. «Гов-гив сказав, выстрелились ружье и пистолет». *Къарш-къириш, аьлла, кагделира члийшаш*. «Карш-кириш сказав, обломались прутья».

При этом сочетания данного типа выступают также в качестве наречий образа действия и отвечают на вопрос *муха?* «как?»

Интересно отметить факты превращения сложных звукоподражательных междометий в имена существительные с предметным значением.

Таковы, например, *члов-члов* «призывная кличка индюка» (из *члов*, имитирующего крик индюка), *клар-клар* «трещотка на мельничном жернове» (из *клар*, имитирующего стук, производимый трещоткой при ударах о жернов).

Иногда такие образования выступают в функции первого компонента сложного слова — названия птиц и других предметов, производящих звуки или трели, имитируемые первым компонентом-междометием, например: *цлур-цлур* — хвоста «синица» (*цлур-цлур* — имитация трели синицы, хвоста «воробей» букв. *цлур-цлур* воробей) и т. п. См. также сочетание *хлайт-аьлла* (инг. *хъайт-аьнна*) (*хлайт/хъайт* — междометие + *аьлла/аьнна* «сказав»), выступающее в значении прилагательного-наречия.

ГЛАВА XI

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМПОЗИТОВ ИЗ РАЗНЫХ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

Возникнув в нахском языке-основе, сложные слова в разных нахских языках и диалектах распространились и развились неодинаково.

Неравномерность развития композитов в нахских наречиях тесно связана с неравномерностью развития структуры нах-

ских языков и их диалектов, что в свою очередь обусловлено разными факторами (как внутренними, так и внешними).

Факторами внутреннего и внешнего порядка вызваны также расхождения в структуре отдельных композитов в разных языках и наречиях нахской группы.

С точки зрения происхождения следует отметить два типа композитов:

1. Композиты, возникшие в общенахском языке-основе.
2. Композиты, возникшие в том или ином нахском языке или диалекте в период их обособленного развития.

Поскольку композиты тесно связаны с лексикой языка, а лексика отражает условия жизни, культуру и быт народа, то композиты, возникшие в тот или иной период жизни нахских народов, несут на себе отпечаток той эпохи, в которую они возникли. Так, например, композиты, уходящие своими корнями в общенахский период, отражают собой характерные особенности лексики нахского языка-основы, являющейся (лексика) в свою очередь отражением культуры и быта нахского народа того времени.

Нам трудно дать точную хронологию возникновения тех или иных композитов, поскольку мы не располагаем памятниками письма по нахским языкам. Однако древнейшими образованиями, возникновение которых с большой долей правды можно отнести к общенахскому периоду, следует считать такие композиты, которые обозначают:

1. Части тела: *глашйукъ* (инг., чеб., кист. так же, акк. *глажкъийукъ* («*глажакъаш* + *йукъ* «ляжки + середина»)¹ «промежность»; *глад/а/йукъ* (акк., инг. *гладйукъ*, чеб. *глад/у/йукъ*, кист. *гладйукъ*) «талия» («тела середина»); *бларса* (акк. так же, кист. *бларг'а/са*, чеб. *блариса*) «зрение» («глаза свет»); *мерлуьрг* (акк. так же, инг. *мералуьрг*, чеб. *марилуриг*, кист. *мерхилуьрг*) «ноздря» («носа дыра»); *пхъарцег* (инг. *пхъарцег*, акк., кист. *пхъарцег*, чеб. *пхъарцариг*) «клык»; *букъ/а/даьлахк* (инг., акк., кист. *букътлехк*) «спинной хребет» («спины кость») и т. д.

2. Родственные отношения и понятия родства: *марда* (чеб., кист., акк. так же, инг. *маьрда*) «свекор» («мужа отец»); *марнана* (кист., акк., чеб. так же, инг. *маьрнана*) «свекровь» («мужа мать»); *маьрийша* (инг. так же, чеб. *марайишо*, кист. *марйиша*, акк. *марийиша*) «золовка» («мужа сестра») и другие.

3. Некоторые предметы и понятия, связанные с животными.

¹ Сведения по аккинскому диалекту взяты от представителя парчхо-евского говора этого диалекта.

водческой отрасли: *йетшура* (инг. *еташура*, чеч. *йаттешура*, кист., акк. *йетанашура*) «простокваша»; *к/алдаьтта* (чеч. *к/алдатти*, кист. так же, инг. *даьтт/а/-к/одар*) «творог с маслом (блюдо)»; *т/уобиерам* (инг. *т/айбиерх/а/*, чеч. *т/айбиером*, гкк. *т/оваберам*) «смесь творога со сметаной (блюдо)»; *ц/ин-туо* (чеч., кист. так же, инг. *ц/интув*) «баран более одного года»; *ц/инжи* (чеч., кист. *ц/инджи*, акк. *ц/енжи*) «овца в возрасте более одного года» и др.

К общенахскому периоду относится также возникновение композитов, обозначающих предметы земледелия, растительного и животного мира, названия времен года, топонимические названия, а также глагольные композиты, прежде всего со значением чувственного восприятия и конкретных действий, сложные числительные и т. п.

К общенахскому периоду следует отнести возникновение почти всех ныне действующих способов основосложения — определительный, сочинительный способы сложения, а также редупликация¹ (примеры см. выше).

Возникнув в общенахском языке-основе, эти способы стали развиваться неравномерно в разных нахских языках, обособившихся уже в результате распада общенахского языка-основы.

Неравномерность распространения и развития способов словосложения в разных нахских языках объясняется, как было уже сказано выше, и внутренними, и внешними особенностями, в совокупности оказывающими воздействие на ход и степень развития этих языков.

Сравнительный анализ разных нахских наречий показывает факты отсутствия вокабулов композитов плоскостного диалекта чеченского языка, легшего в основу литературного чеченского языка, в некоторых диалектах горной Чечено-Ингушетии, например в чеберловском, аккинском, итум-калинском, а также в кистинском. Это в основном неологизмы, возникшие в связи с ростом экономики и культуры и вошедшие в литературный язык как новообразования. См., например, *хас-биеш* «огород», *хас-туом* «овощ», *кхачамбацар* (инг. *кхоачамбоацар*) «недостаток» и др. Однако и композиты древнего образования наличествуют не во всех диалектах. Так, например, композиты чеч. *кахьар* (чеч., акк. так же, инг. *киелхьар*) «ручная мельница

ца», *мук/а/дахка* (акк., чеч. так же) «крыса» отсутствуют в кистинском диалекте, а композит *мук/а/дахка* отсутствует так же в ингушском в значении крысы. Композит чеч. *буож/а/бер* (акк., чеч. так же, кист. *буорчабер*) «мальчик» («самец-ребенок») отсутствует также в ингушском. В аккинском и ингушском отсутствуют вокабулы композитов чеч. *изтта/а/маьлиг* (чеч. *йиетмаьлиг*, кист. *йеттимаьлиг*) «улитка» («коровий рожок»), чеч. *буг/к/уорни* (чеч. *буг/к/уорнай*) «буйволенок» и др.

Некоторые из композитов не бывают в том или ином диалекте ввиду отсутствия там реалий. При наличии реалий для их обозначения разные диалекты прибегают к разным приемам: одни (диалекты) используют отдельные простые слова, в том числе и заимствованные, другие же создают композиты, причем в каждом отдельном диалекте составляющие части этих композитов могут иметь разные семантические, фонетические и морфологические структурные особенности. Примеры: акк. *ц/арг*, инг. *лаьрж а/ к/аьд*, чеч. *ларж/и/б/лариг*, чеч. *лаьржб/аьрг* «фурункул»; акк. *метал* (из кумыкск.), чеч. *изтт-маьлиг*, инг. *митал* «улитка»; акк. *гуьтаг* (кумыкск.), чеч. *буг/а/к/уорни* «буйволенок», акк. *гулайх/а* (кумыкск.), чеч. *маьлх/а х/лу* / *кхачьпан/а х/лу*, инг. *гидуарг* «подсолнечное семя»; акк. *буорш/а гургул* (*гургул* — кумыкск.), чеч. *москал-н/аьна* «индюк»; акк. *севабекъа*, чеч. *кхелбекъа*, инг. *кхалбакъ* «самка-жеребенок»; акк. *мертехъ*, чеч. *делкъ/а/ха*, инг. *делкъа-ха* «полдень»; акк. *к/игмаьрсаг*, чеч. *к/иегк/ламбийриг*, инг. *газан/а т/аьр* «шиповник»; кист. *дарбазани* (из груз.), чеч. *йоккх/а туоп* «пушка»; кист. *ц/ушкалб/ар*, чеч. *б/аьллингб/ар* «лесной орех»; инг. *д/инт/ехк*, чеч. *миндаь/хк* «шейный позвонок»; инг. *пхо-молха*, чеч. *х/уотъ-молха* «боеприпасы» («пуля-порох»); инг. *т/аьраюкъ*, чеч. *кераюкъ*, чеч. *кариюкъ*, кист. *т/аьраюкъ*, акк. *куьлгаюкъ* «ладонь»; инг. *меридукъ*, чеч. *мера-догла*, чеч. *меридаг/у*, кист. *мерх/иукъ* «носовая перегородка»; инг. *г/адъюкъ*, чеч. *г/одъюкъ*, кист. *д/иег/маша* «талия»; инг. *ийс-кейсирилг*, чеч. *искиртик*, чеч. *исскарт*, кист. *искевсирг*, акк. *ийскертас* «рубец»; инг. *гон-марс*, чеч. *ж/ов-марс*, кист. *гони-марс* «серб и молот»; инг. *саьмарсаькхаберх/а*, чеч. *саьрмасие-кх/а/биерам*, кист. *бобаьрх/ам* «чесночный рассол»; инг. *ман-галкомар*, чеч. так же, акк. *калдакумар* «ежевика» («косы плод»); инг. *даьсесаг*, чеч. *десте* «мачеха»; инг. *боганхьид*, чеч. *уьнт/а/пхьид*, кист. *кадарпхьид*, акк. *кадпхьид* «черепаха» (инг. «миски лягушка», чеч. «на доске лягушка», кист. «из чашки лягушка»); инг. *на/арсанаг/л*, чеч. *ниелсаг/а* «порог двери».

Как видно из примеров, композиты из разных диалектов

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963, стр. 320.

расходятся между собой как по структуре обоих компонентов (чеч. *г'од/а/юкъ*, кист. *диег/маша* «талия»), так и по структуре одного компонента (инг. *т'аьраюкъ*, чеч. *кераюкъ* «ладонь»; чеч. *мерадог/а*, кист. *мерх/йукъ* «носковая перегородка»; чеч. *х'уоъ-молха*, инг. *пхо-молха* «боеприпасы»; инг. *гон-марс*, чеч. *ж'ов-марс* «серб-молот» и т. д.).

Кроме того, понятия, выраженные в одних диалектах компонентами, в других могут быть переданы описательно, например: чеч. *шалгуотуоп*, акк. *шалговтуоп* «двуствольное ружье», кист. *ши лул йолу туоп* «два ствола имеющее ружье»; чеч. *секхалад*, инг. *ладсаькх*, акк. *ладсекх* «лук, арбалет», но кист. *пхо кхуссу лад* «стрелу бросающий лук»; чеч. *жижиг-галанаш* «мясо-галушки (блюдо)», но кист. *жижиг а, галанаш а* «и мясо, и галушки (блюдо)» и т. п.

Наблюдаются расхождения в композитах разных наречий также и в порядке расположения их (композигов) составляющих, например: чеч. *секхалад*, чеч. *сакхалад*, но инг. *ладсаькх* акк. *ладсекх*¹ «арбалет, лук»; чеч. *виркхел*, инг. *виркхал*, чеч. *кхалвир*, кист. *куомвир/сунгавир*, акк. *севавир* «ослица»; чеч. *к'алдаьтта*, но инг. *даьтт/а/-к'лодар* «смесь творога с маслом (блюдо)»; чеч., чеч. *куог-куорта* «нога-голова», кист. *куорт-куогиш* «голова-ноги»² и т. д.

Имеются расхождения в композитах разных наречий по части морфологической оформленности их составляющих, то есть в одних диалектах компоненты композита (обычно первые) имеют в исходе застывший грамматический падежный показатель, а в других диалектах они (компоненты) даны в прямой форме, например: чеч. *ц'ие-к'лега*, чеч. *ц'ие-к'лаги*, но инг. *ц'ер-к'лаьга* (-р в исходе первого компонента — формант исх. I падежа); чеч. *синбилгалуо*, чеч. *синбиелгалуо*, кист. так же, акк. *сенбилгалуо* (-н в исходе второго компонента — формант род. п.), но инг. *сабиелгало* «проблески рассвета»; чеч. *зуд/а/бер*, кист. *дзудбиер*, но чеч. *зудомбер* (-м, видимо, формант род. п., восходящий к -н) «девушка» («женщина-дитя»); чеч., акк. *хиндахка* (-н — формант род. п.), но кист., инг. *хидыхка* «ондатра» («воды/вода мышь»); чеч. *маьрсах*, чеч. *марсеха*, кист. *мерцах*, акк. *маьрсах* (а — формант род. п.), но

¹ Данный порядок расположения частей композита, видимо, отображает наиболее древнее состояние порядка слов в нахских языках. Следы такого расположения компонентов мы имеем в чеченском фольклоре, где, в частности, встречается имя человека *ладсах*, восходящее генетически к *ладсах* «арбалет, лук».

² Ш — формант мн. ч. (*куош* — ш).

инг. *марсха* «время жатвы» («серпа время»); чеч., акк., чеч. *каьар*, но инг. *киелхар* (-л — формант напр. п.) «ручная мельница»; чеч., чеч. *ц'улал/а/сара* (-лл, видимо, исторически формант род. п. -н, перешедший в сонорный -л с последующим удвоением -лл; такое предположение подтверждают параметры из других диалектов, где формант -н сохраняется, ср., например, акк. *мелх ц'уьн/а/савьрг*¹, но инг. *ц'увсавьрг* «вид кустарника» («священный прут»)).

Встречаются также композиты, первые компоненты которых оформлены в разных падежах. Таковы: чеч. *уьнт/а/пхьид*, чеч. *уьнт/уепхьид* (формы дат. п.) (*т'ла/т'уе* — послелог, употребляемый с дат. п., -н (← нна) — формант того же падежа), кист. *кедарпхьид* (-р — формант исх. I падежа), инг. *боганпхьид*, акк. *кадпхьаьд* (первый компонент дан в им. п. ед. ч.). Данные композиты интересны тем, что они расходятся по лексической и грамматической структуре первых компонентов, а также по фонетической структуре вторых компонентов. Примеры данного типа в нахских языках редки.

В некоторых диалектах вторые компоненты композитов встречаются:

1. В форме мн. ч. с формантом множественности -ш. Например, кист. *куорт-куьйгаш* «голова-руки» при инг. *корт/а/-кулг* «голова-рука»; чеч. *ка-малариш*, чеч., кист. *ка-м'лараш* «хватка-когти», но инг. *ка-м'лара* «хватка-ноготь»².

2. В окаменелой форме экспрессивности с формантом -иг/-лг/-г; см. чеч., акк. *б'аьрмециг*, чеч. *б'лармациг* «ячмень на глазу» («глаз голодный»); инг. *готахьазилг*, но чеч. *гуотан-хьоза* «синица» («плуга воробей»); ср. также акк., *ц'ирц'ирхьазилдиг*, чеч. *ц'ирц'ирхьоза*, чеч. *ц'ирц'ирхьазу* «синица» и др.

Между композитами разных диалектов наблюдаются расхождения и иного характера, чем описанные выше. В частности, композиты разных диалектов могут оформляться в разных грамматических классах.

Например, композит *г'уозхьовла/г'уозхьавла* в чеченском и чеберлоевском относится к грамматическому классу *д/д/* — *г'уозхьовла ду* (ед. ч.), *г'уозхьовланиш ду* (мн. ч.), тогда как в аккинском этот композит *г'уозхьавла* отнесен к классу *б/б/* — *г'уозхьавла бу* (ед. ч.), *г'уозхьавланиш бу* (мн. ч.); чеч.,

¹ Ср. также *ц'ун/а/сара* (село Кулары Грозненского района).

² При этом следует заметить, что в чеченском данное сочетание также употребимо в ед. ч. по второй части; см. *камалар таса* «хватку-ноготь зацепить». В ингушском оно употребляется только в ед. ч.

акк. *мер/уьрг*, инг. *мер/а/ург*, чеб. *мар/и/уриг* — *й/й*, но кист. *мерх/и/уьрг* — *д/д'*, чеч., акк. *дибухк/а/* — *б/б*, чеб. *дибохку* — *б/б*, но кист. *динбуовьхка* — *й/й*, акк. *диберг* — *й/й*, чеб. *дибариг* — *б/б* и т. д.

Разнообразие композитов разных диалектов является показателем различных путей их возникновения и исторического развития. Этот вопрос имеет большое значение для изучения истории становления и развития грамматической структуры нахских языков.

Наблюдается расхождение композитов по фонетической структуре их составляющих. Расхождения эти наблюдаются или по первому, или по второму компоненту, или по обоим компонентам одновременно.

Расхождения между композитами по фонетической структуре первых компонентов сводятся к разным фонетическим обликам основ — первых компонентов как по линии согласных, так и по составу гласных; см. примеры расхождений первых компонентов по линии гласных: чеч., кист. *куй-кетар*, инг. *кий-кетар* «одежда» («шапка-шуба»); чеч. *делафад*, акк. *давлалафад* «радуга» («божий лук»); чеч. *делакуотам*, акк. *давлакуотам* «божья курица»; чеч. *йуьхь-сибат*, кист. *йуовьхь-сибат* «облик» («лицо-образ»); чеч., чеб. *глайгла-бала*, инг. *глайгла-бала* «кручина» («забота-гнет»); чеч. *хьуьнарбухка*, чеб. *хьунар/е/бухка* «средняя подпруга седла», чеч. *шиемакхьач*, чеб. *шамакхьач* «вид сливы», чеч. *москалкуотам*, чеб. *маскулкуотам* «индюшка», чеч. *москалн/аьна*, чеб. *маскулн/аьна* «индюк», чеч. *х/уоь-молха*, чеб. *х/оь-малху* «пуля-порох» и т. д.

См. примеры расхождения первых компонентов по составу согласных: чеч. *буоршабер*,² кист. *буорчабер* «мальчик» («самец-ребенок»); шалинский говор чеч. яз. и чеб. *ц/улсара*, ачхой-мартанский говор чеч. яз. *ц/унсара*, ср. также *ц/унасара* (из говора селения Кулары Грозненского сельского района) и др.

Наблюдаются расхождения первых компонентов как по согласным, так и по гласным одновременно, например: чеч. *саьрмсиехьбиерам*, акк. *сомарсакхьбиерам* «подлива из чеснока»; чеч., акк., инг. *маьрклажха*, чеб. *марклажха*, кист. *мергини*

¹ Дело в том, что в кистинском композит этот оформляется в классе по последнему компоненту *уьрг* «дыра», тогда как в остальных диалектах при сложении его в композит происходит смена грамматического класса.

² См. также *буожабер* в том же значении.

ха «сумеречное время»; чеч. *н/аьнк/уорни*, чеб. *н/алик/орнай* «петушок» и др.

Расхождения в фонетической структуре вторых компонентов наблюдаются как по линии гласных, так и по линии согласных фонем. Примеры на расхождение вторых компонентов по гласным фонемам: чеч., акк. *шича-маьхча*, кист. *шича-мехча* «родня» («двоюродный(ая) брат//сестра — троюродный(ая) брат//сестра»), чеч., чеб., кист. *кад-/айг*, инг. *кад-/аьг* «посуда» («чашка-ложка»); чеч., кист. *мангал-комур*, акк. *калдакумур*, чеб. *мангалкамур* «ежевика» («косы ягода»); чеч., чеб. *к/ирандие*, инг., кист. *к/иранди* «воскресенье» («недельный день»); чеч. *х/уоь-молха*, кист. *х/уоь-малха* «боеприпасы» («пуля-порох»); чеч. *хуох-саьрмсиехк*, чеб. *хуох-сармсахк* «овошь» («лук-чеснок»); чеч. *к/алдаьтта*, чеб. *к/алдатти* «творог с маслом» и др.

Примеры расхождения вторых компонентов по согласным фонемам: чеч., чеб. *к/антстаг*, акк. *к/антсаг* «парень» («мальчик-человек»), чеч. *воккхастаг*, инг. *воккхасаг* «старик» («большой, старый человек»); чеч., кист. *куьгьбиехкие*, итумк. *куьгьбиеркие* «виновный» («рука виноватый») и др.

Встречаются композиты, расходящиеся по фонетической структуре обоих компонентов¹, например: чеч. *стиелахьаьш-тиг*, кист. *сиелхьаьш*², акк. *сиелхашт* «молния» («божье полено»); чеч., чеб. *шай-кай*, кист. *шей-кей* «деньги» («пятак-кей»), чеч., акк. *лергааг/у*, чеб. *ларициаг/лов* «висок» («уха сторона»); чеч., акк. *шича-маьхча*, инг. *шуча-мохча* «родня» («двоюродный(ая) брат//сестра — троюродный(ая) брат//сестра»); чеч. *к/элб-малхбалие*, акк. *к/елб-мархбалие* «юго-восток»; чеч. *н/аьн/а/к/уорни*, чеб. *н/алик/уорнай* «петушок» («петух-детеныш»); чеч., инг. *мехкдаьтта*, чеб. *махкидатти* «нефть, керосин» («страны масло»); чеч., акк. *йуьхьк/лам*, кист. *йовьхьк/лом*, чеб. *йуьхьк/лом* «успех, удача» («лица белизна»); чеч. *ц/азап/елг*, кист. *ц/адзап/елг*, акк. *ц/иц/ап/аьлг* «мизинец»; чеч., инг., чеб. *буобер*, акк. *бадбер* «беспризорный ребенок»; чеч., кист., акк. *к/эоркхокх*, чеб. *к/эар/у/кхакху* «гор-линка» («глухой голубь») и др.

Как видно из примеров, встречаются композиты, состоящие, в зависимости от отнесенности к тому или иному диалек-

¹ Здесь мы не будем дифференцировать эти расхождения по гласным и согласным фонемам, так как выше даны примеры.

² В говоре селения Омало кистинского диалекта второй компонент представлен в виде *хиешк*.

ту, из компонентов самых различных фонетических структур. Различия в фонетической структуре компонентов наблюдаются не только количественного, но и качественного характера, являющиеся результатом различных фонетических процессов, имевших место в нахских языках в ходе их развития. Мы рассмотрели различия в фонетической структуре компонентов композитов из разных нахских языков и диалектов, происшедшие до их сложения в композиты. Однако встречаются такие композиты, компоненты которых различаются по своей фонетической структуре вследствие фонетических изменений, вызванных факторами сочетания их в сложное слово.

Эти расхождения могут быть двоякого рода:

1. Компоненты композитов в одном диалекте подверглись фонетическим изменениям при их сложении в композит, а в другом диалекте компоненты композита не подверглись такому. Отсюда и расхождения, обусловливаемые факторами процесса словосложения. При этом отметим, что изменениям подвержены преимущественно первые компоненты именных композитов определительного типа. Реже фонетическим изменениям подвержены компоненты композитов сочинительного типа и компоненты глагольных композитов всех типов. См. примеры, где первые компоненты именных композитов в одних диалектах подвержены перегласовке корневых гласных, а в других диалектах они индифферентны к таковым: чеч. *шубст/у/* (*шуб* ← *ши* «два»), ср. чеч. *шисту* «воловья упряжь» («два вола»); чеч., акк. *глод/а/йукъ* (*глода* ← *глада* «стан»), ср. кист., чеч., инг. *гладайукъ* «талия» («стана середина»); чеч. *къинхъиегам*, чеч. *къихъиегом*, кист. *къихъуьогам* (*къин/къи-къа* «труд»), ср. инг., акк. *къахъиегам* «труд» («труд испытывание»); чеч. *йиеаклов* (*йиеа* ← *йиъ* «четыре»), ср. чеч. *йиъклов* «четырёхугольный»; чеч., акк. *ц/уовкълуом* (*ц/уовкъ/а/* ← *ц/уокъ* «полосатый»), ср. чеч., кист. *ц/уокълуом* «тигр» («полосатый лев»); инг. *маьрда* (*маьр* ← *мар* «муж»), ср. чеч., чеч., акк. *марда* «свекор» («мужа отец»); инг. *киелхъар* (*киел* ← *ка* «хватка»), ср. чеч., чеч., акк. *кахъар* «ручная мельница» и др.

2. При сложении в композит компоненты (обычно первые) в диалектах подвергаются различным фонетическим изменениям, отсюда их (компози́тов) расхождение по фонетической структуре, то есть компоненты композитов разных диалектов расходятся между собой по характеру фонетических изменений, происшедших в них при их сложении в композит, например: чеч., акк., кист. *деда*, инг. *даьда* (*де/даь* ← *да* «отец»)

«дедушка» («отца отец»); чеч., акк., кист. *ц/инда*, инг. *ц/иенда* (*ц/ин/ц/иен* ← *ц/а/ц/д* «дом» («хозяин дома»)) и т. д.

Как видно из примеров, фонетические изменения в основах первых компонентов вызваны оформленностью их (первых компонентов) в одном из косвенных (чаще в родительном) падежей, в чем проявляется тесная взаимосвязь фонетики и морфологии нахских языков.

Довольно многочисленны случаи, когда расхождения в первых компонентах, вызванные фонетическими изменениями, происходящими при их сложении в композит, сочетаются с расхождениями по фонетической структуре также и вторых компонентов. См., например, чеч. *мер/а/догла*, чеч. *мар/ц/даг/у* «носовая перегородка» («носа ключ»); чеч., акк. *мер/уьрг*, инг. *мер/уьрг*, чеч. *мар/у/уьриг* «ноздря» («носа дыра»); инг. *мохбаса*, чеч. *малхбасие*, чеч. *малхбоса* «солнечный склон» и т. п. Как видно, расхождения в фонетической структуре композитов разных диалектов наблюдаются как в составе гласных, так и в составе согласных фонем, занимающих разные позиции в компонентах. Причем эти расхождения имеют двоякую природу: а) расхождения, происшедшие до сложения компонентов в композит и не обусловленные фактором сложения; б) расхождения, вызванные разнообразными по своей природе фонетическими изменениями, происшедшими в процессе сложения основ в композит.

Разносторонние исследования композитов разных нахских наречий в сравнительном плане показывают, что наиболее обособленными из чеченских диалектов по этому признаку являются кистинский и аккинский диалекты, которые в течение веков развивались под влиянием других языков: первый — под влиянием грузинского, второй — под влиянием кумыкского. Мы не говорим уже об ингушском, который в течение длительного времени подвергается влиянию алано-осетинского языка и по этой причине настолько отошел от чеченского, что уже со времени возникновения письменности официально оформился в самостоятельный литературный язык. Следует заметить при этом, что расхождения между чеченским и ингушским литературными языками падают главным образом на фонетику, лексику и морфологию. Почти отсутствуют расхождения в области синтаксиса, это положение отражается в структуре композитов ингушского языка, отличающихся от композитов других диалектов нахских языков.

Таким образом, между композитами из разных нахских

диалектов наблюдаются расхождения лексического, грамматического и фонетического характера¹. Эти расхождения иллюстрирует таблица, данная на страницах 213—214.

ГЛАВА XII

К ВОПРОСУ ОБ УДАРЕНИИ И ПРАВОПИСАНИИ КОМПОЗИТОВ

§ 36. О главном (централизующем) ударении в композитах

Как известно, во многих языках композиты характеризуются наличием одного основного централизующего ударения, отличающегося большей силой основного тона, при одном или нескольких побочных ударениях, характеризующихся слабой силой основного тона. Вопрос о том, является ли ударение абсолютным критерием цельнооформленности композита, следует считать спорным, поскольку ученые отвечают на него по-разному.

Так, например, М. И. Мухелишвили в отношении грузинского языка считает ударение решающим фактором цельнооформленности композита. Он пишет: «... собственно композиты, имеющие единую семантику, имеют и единое ударение и, следовательно, слитное написание»². При этом имеется в виду фиксированное ударение, какое мы имеем в грузинском языке. Подвижное ударение М. И. Мухелишвили не считает таким признаком.

«Основным фонетическим признаком монолитности немецкого слова, — пишет М. Д. Степанова, — является наличие в нем одного главного (централизующего) ударения, при возможности появления второстепенных ударений разной силы. Главное ударение организует весь звуковой комплекс и фонетическое единство, подчиняя себе также части слова, несущие более слабые ударения»³. «Однако, — пишет автор дальше, — в немецком языке имеются и такие сложные слова, фонетические и морфологические свойства которых выходят за пределы обычного оформления слова. Речь идет о появлении

Расхождение композитов из разных нахских наречий

Чеченский плоскостной	Чеперловский	Аккинский	Кистинский	Ингушский	Перевод
шалгоу й/й 1	шолгоу й/й	шалгов й/й	шалгов й/й	шалгов шода л/д	«двухрожковые вилы»
цхьабарт б/-	цхьабарт б/-	цхьабарт б/-	—	цхьабарт б/-	«единодушные»
кхолгоу й/й	кхуо га долу шода д/д	кхолгав й/й	кхуо йов йолу шода д/д	кхьагара шода д/д	«стрехрожковые вилы»
цйе-кйур д/д	цйе-кйур д/д	цйе-кйур б/-	цйе-кйур б/-	—	«огонь-дым»
тйубиерам б/б	тйабиером б/б	тйоваберам б/б	—	тйабиерх/а б/б	«сметаны рассол»
кахьар й/й	кахьару й/й	кахьар й/й	кахьар й/й	кхьахьар й/й	«ручная мель- ница» («руки мельница»)
мердукъ д/д	маридукъ д/д	мер/а/дукъ д/д	мерхидукъ д/д/мерх/ин букъ б/б	мерадукъ д/д// мерайукъ й/й	«носовой хрящ»
гйода/йукъ й/й	гйадукъ й/й	—	гйадукъ/гйов- дукъ й/й	гйодпукъ й/й	«стальная, поясница»
дсд/а/куотам й/й	дадан й/й	дсд/а/куотам й/й	—	дад/а/егт б/б	«божья курица», инг. «божья ко- ровка»
стислахаыштг д/д	стисл/о/хаштиг д/д	сислахештак д/д	сислахаыштг/хнешк й/й	—	«молния» («бога полено»)

¹ Расхождения семантического характера, имеющие место между композитами разных нахских диалектов, мы здесь не затрагиваем.

² М. И. Мухелишвили. К вопросу о сложных словах в английском и грузинском языках (кандидатская диссертация). Тбилиси, 1953, стр. 41.

³ М. Д. Степанова. Словосложение в современном немецком языке М., 1960, стр. 22 (рукопись).

Чеченский плоскостной	Чабарловский	Аккинский	Кистинский	Ингушский	Перевод
дэлааг д/д	нур д/д	даьлааг д/д	снелалаг д/д	снелалаг д/д	«радуга» («божий дуга»)
искиртук й/й	искарта й/й	ийскертук й/й	искевсарг й/й	ийскейсерилг й/й	«рубец» («девятка» зарубков)
благ а ниглар д/д	блар и/и наглар д/д	блар а/а ниглар д/д	бларгноглар д/д	бларгноглар д/д	«веко» («глаза крышка»)
тлармаа й/й	тлармаа й/й	ктор а/а млар (ан) й/й	тлармаа й/й	тлармаа й/й	«соска», «рожок»
йетшура й/й	йеттешура й/й	йурат й/й	йетинашура й/й	еташура й/й	«простокваша»
мерфуург й/й	марифуург й/й	мерфуург д/д	мерхифуург	мерлаург	«ноздря» («но- са дыра»)
гфуохъовла д/д	гфуохъовла д/д	глазхъовла б/б	хъовла д/д	хъовла	«халава»
нохчглабах й/й	мажуглабах й/й	чуортутти// чуор долу туй- ти й/й	кеск глабах// кеск йолу глабах й/й	соварлабах й/й	«тыкаа» (осо- бий сорт)
кלאдаьтта д/д	кלאдаьтта д/д	чухънеберам б/б	кלאдаьтта д/д	даьтта а/а кלאдар д/д	«сыр с маслом» (вид кушанья)
цегков д/д	царигеков д/д	цег а/а кав д/д	цегчелаа д/д	—	«шербина» (от- верстие на ме- сте выпавшего или удаленного зуба)
кларклар й/й	кларклар д/д	кларклар й/й	кларклар й/й	кларклар й/д	«стрелочка на медицинском бункере»

в некоторых моделях сложных слов так называемых равно-
степенных ударений»¹.

Как видно, М. Д. Степанова в приведенном тезисе допу-
скает возможность нарушения правила единого ударения как
критерия внешней (фонетической) цельнооформленности
композигов в немецком языке.

Яснее об этом говорил А. И. Смирницкий, который писал:
«Объединяющее ударение само по себе не является критери-
ем установления цельности слова»².

В нахских языках собственно композиты, characterи-
зующиеся семантической и грамматической цельностью, конечно,
обладают основным централизующим ударением, отличаю-
щимся большей силой и локализуемым на ударном слоге
первого компонента при одном второстепенном ударении, ло-
кализуемом на ударном слоге второго компонента. Одна-
ко это положение не может служить абсолютным критерием
цельности, охватывающим композиты всех типов. Эксперимен-
тальные данные показывают, что: 1) в некоторых композитах
подчинительного типа, состоящих преимущественно из трех
компонентов, имеются два одинаковой силы ударения — од-
но на ударном слоге первого компонента, второе — на удар-
ном слоге третьего компонента; 2) равностепенными ударе-
ниями обладают также компоненты композитов сочинительно-
го типа. Таким образом, ударение в нахских языках, фиксиро-
ванное по своему характеру³, не может служить надежным
всеохватывающим критерием цельности композитов, посколь-
ку имеется много случаев наличия в композитах двух ударе-
ний одинаковой силы.

То же можем сказать и об интонации, которая не во всех
случаях может быть показателем цельности композита, хотя,
конечно, в большинстве случаев компоненты композитов ха-
рактеризуются интонационной целостностью.

Следует отметить, что вопрос о фонетической цельности
нахских композитов совершенно не изучен. Наши же доводы,
приводимые здесь, являются результатом лишь предвари-
тельного экспериментального изучения этого вопроса, прове-
денного нами в лаборатории экспериментальной фонетики

¹ М. Д. Степанова. Словосложение в современном немецком языке. М., 1960. стр. 41.

² А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956. стр. 119.

³ См.: Ю. Д. Дешериев. Современный чеченский литературный язык. Ч. I. Фонетика. Грозный, 1960.

при институте языкознания АН Грузинской ССР осенью 1964 года.

§ 37. О правописании композитов

Подавляющее большинство исследователей этого вопроса в языках самых различных систем склоняется к мысли о необходимости слитного написания собственно композитов подчинительного типа и дефисного написания композитов сочинительного типа¹. Такого мнения придерживаются также исследователи данного вопроса в иберийско-кавказских языках. «Композиты цельнооформленные и с семантической и грамматической точек зрения должны писаться слитно»².

Разумеется, что слитное или дефисное написание композитов является отображением целенаправленности композитов, показателем семантической, грамматической монолитности частей сложного слова. Слитное написание частей композита — не произвольный акт, а фиксация фактора образования новой лексической единицы из ранее самостоятельных лексем — членов свободного словосочетания. Именно из этого принципа нам представляется нужным исходить при решении вопроса орфографии сложных слов любого языка. Части слова, являющегося отображением единого понятия и обладающего грамматической цельностью, должны иметь и слитное графическое изображение.

Неточным, однако, представляется нам в этом свете мнение некоторых языковедов, которые считают слитное написание одним из критериев цельнооформленности сложного слова.

«...Реальная цельнооформленность сочетания может находить, а может и не находить своего отражения в орфографии, почему орфография и не может быть использована в качестве критерия при решении этого вопроса»³ (то есть вопроса цельнооформленности композитов. — К. Ч.). Это суждение сохраняет свою силу и в отношении орфографии сложных слов вайнахских языков. С этим суждением О. С. Ахмановой согласны также и другие исследователи, например тюрколог А. К.-О.

¹ См.: М. Д. Степанова. Словосложение в современном немецком языке. М., 1960 (рукопись); М. И. Мусхелишвили. К вопросу о сложных словах в английском и грузинском языках. Тбилиси, 1953 (рукопись); М. Л. Абитов. Сложные слова в кабардино-черкесском языке. М., 1946 (рукопись).

² А. Г. Шанидзе. Основы грузинской грамматики. Тбилиси, 1953, стр. 52.

³ О. С. Ахманова. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц. Труды ИЯ АН СССР. Т. 4. М., 1954, стр. 53.

Аликуперов (в отношении азербайджанских композитов)¹ и др. Правда, следует при этом отметить, что слитное написание частей словосочетания может в какой-то степени содействовать монолитности словосочетания и психическому восприятию словосочетания как сложного слова, семантическому, грамматическому и фонетическому (единая интонация) сближению составляющих частей. Если в течение длительного времени словосочетания употреблять в слитном написании, что возможно только в письменном языке, то этот фактор наряду с факторами другого порядка может сыграть роль ускорителя процесса лексикализации словосочетания. Однако при всем этом графическое изображение не может считаться само по себе критерием цельнооформленности композита, являющегося результатом структурного развития языка, тогда как орфография носит в отношении языка как бы надстроечный характер.

Правописание сложных слов — наиболее трудный и слабо разработанный вопрос в чеченском и ингушском литературных языках. По орфографии, принятой в 1938 году, как в чеченском, так и в ингушском языках композиты подчинительного типа подлежат слитному написанию, в особенности те из них, компоненты которых подверглись семантической, фонетической модификации². Таковы, например, композиты: *катуоха* (инг. *катуоха*) «цапнуть» («руку ударить»), *дуогдаха* (инг. *дуогдаха*) «надеяться» («сердце изымать»), *ладуогла* (инг. *ладуогла*) «слушаться» («ухо ставить»), *калдагта* «сыр с маслом», *кахьар* (инг. *келхьар*) «ручная мельница», *цетмаблиг* «улитка» и др. Данное правило принято в своде основных правил орфографии чеченского и ингушского языков³.

Парные слова в чечено-ингушской орфографии принято писать через дефис. Таковы, например, парные слова: *йиша-ваша* (инг. *йиша-воша*) «сестра-брат», *да-нана* (инг. так же) «отец-мать», *шича-маьхча* (инг. *шуча-мохча*) «двоюродный-троюродный брат (сестра)», *хьалха-тлаьхьа* (инг. *хьалха-тлае-хьа*) «рано-поздно», *дика-вуо* (инг. так же) «хорошо-плохо».

¹ См.: А. К.-О. Аликуперов. Сложные глаголы в современном азербайджанском языке. М., 1959.

² См.: Чечено-ингушский алфавит на русской основе и орфографии. Грозный, 1938.

³ См.: А. Г. Мациев, З. Д. Джамалханов. Основные правила правописания чеченского языка. Грозный, 1958 (на чеченском языке); И. А. Оздоев. Основные правила правописания ингушского языка. Грозный, 1958 (на ингушском языке).

ваха-ва (инг. *ваха-ва*) «пойти-прийти» и др. Через дефис принято писать также редуликаты: *дика-дика* (инг. *дика-дика-гла*) «хорошо-хорошо», *хаза-хаза* (инг. *хоз-хозагла*) «красиво-красиво», *тайп-тайпана* (инг. *тайп-тайпара*) «разные», *шар-шара* (инг. *шер-шера*) «из года в год» и др. Через дефис принято писать сложные междометия всех разновидностей: *х/ай-х/ай* «вот-вот», *ва-вай* (ответный возглас на зов), *т/ох-т/ох* (звукоподражание выстрелу из винтовки) и другие.

Как исключение отмечается слитное написание отдельных повторов и парных слов, части которых органически слились в единое целое. Таковы: *шишиша* (инг. так же) «по два», *кхоккха* (инг. так же) «по три», *пхиппа* (инг. так же) «по пять», *клар-клар* (от звукоподражания) (инг. так же) «трещотка», *эладита* (от *эла(и)* «сказал (а)», *дита* «оставить, оставил (а)» (инг. *аьладита*) «сплетня», *к/алдаьтта* «сыр с маслом (блюдо)» и др.

Слитное написание этих парных слов и повторов является показателем того, что процесс слияния их в единое слово завершился, тогда как другие парные слова и редуликаты, части которых пишутся через дефис, представляют собой переходную ступень от словесного ряда к слову. Сочетания этого типа имеют два равностепенных ударения на ударных слогах обоих компонентов, отделены друг от друга и интонационно.

Такова существующая орфография сложных слов в чеченском и ингушском литературных языках.

Мы в основном согласны с этими принципами написания композитов (см. подробнее о них в указанной выше книге А. Г. Мациева, З. Д. Джамалханова «Основные правила правописания чеченского языка» («Нохчийн мотт нийсаязбаран коьрта бакъонаш»), а также И. А. Оздоева «Основные правила правописания ингушского языка» («Палг/ай мотт нийсаязбара керттера бакъонаш»).

Однако следует дополнить существующие принципы правописания композитов следующими предложениями, которые, по нашему мнению, призваны облегчить практическое письмо и в то же время вполне реальны с точки зрения фонетической, грамматической и лексической структур интересующих нас композитов.

Как указывалось выше, для слитного написания составляющих в действующей орфографии предлагаются такие сложения, один или оба компонента которых претерпевают лексическое или фонетическое изменение. Если следовать данной установке, то выходит, что те из композитов, части которых

не подвергаются никаким изменениям и даже не идиоматичны, следует писать в два слова, с чем нельзя согласиться. А ведь мы из предыдущего изложения знаем, что части композита не всегда подвергаются семантическим и фонетическим изменениям при сложении их в композит.

Таковы, например, композиты *хьаьрсахьач* (*хьаьрса* «рыжий», *хьач* «слива») «алыча» («рыжая слива»); *лаьржа-хьач* (*лаьржа* «черный», *хьач* «слива») «чернослив» («черная слива»); *кзоркхокха* (*кзора* «глухой», *кхокха* «голубь») «гор-линка» («глухой голубь»); *дуогдика* (*стаг*) (*дуог* «сердце», *дика* «хороший//хороший» — «сердце хороший») «добродушный» («добросердечный»); *дуогц/ена* (*дуог* «сердце», *ц/ена* «чистый») «чистосердечный» («сердце чистый») и т. д.

Некоторые из таких композитов неидиоматичны: *дуогц/ена* «чистосердечный», *дуогдика* «добродушный», *дуоглаьржа* «злой» («черносердечный»), *сак/езиг* «малодушный» и др. Тем не менее, исходя из того, что в подобных сложениях мы имеем цельнооформленные (как по смыслу, так и по грамматической и фонетической структуре) композиты, составляющие части их следует писать в одно слово, отсекая при этом редуцированные гласные звуки в исходе первых компонентов в том случае, если предыдущий гласный основы краткий, например: *хьаьрсахьач* (вместо *хьаьрсахьач*) «алыча», *кзоркхокха* (вместо *кзоракхокха*) «гор-линка», *лаьржб/аьрг* (вместо *лаьржаб/аьрг*) «фурункул», *мерзч/ара* (вместо *мерзач/ара*) «усач-рыба», *гуотанхьоза* (вместо *гуотан/а/хьоза*) «синица», *б/аьстиенхьоза* (вместо *б/аьстиен/а/хьоза*) «синица», *мангалкомар* (вместо *мангалакомар*) «ежевика», *мангалхан* (вместо *мангалахан*) «сенокос», *дечигпондар* (вместо *дечигапондар*) «горская балалайка» и др.

Как видно, первые компоненты приведенных композитов по своей грамматической структуре представляют собой:

1. Качественные прилагательные — *лаьржа* «черный», *хьаьрса* «рыжий», *кзора* «глухой» и т. д., которые мы предлагаем писать в составе сложного слова без конечного редуцированного гласного -а: *лаьрж/а/хьач*, *хьаьрс/а/хьач*, *кзор/а/кхокха* и др.

2. Существительные в форме родительного падежа с формантами -нан// -ан, которые, по нашему мнению, в соответствии с нормами произношения следует отсекают, например *гуотанхьоза* (вместо *гуотанан хьоза*) «синица», *мангалкомар* (вместо *мангалакомар*) «ежевика», *дечигпондар* (вместо *дечигапондар*) «горская балалайка» и т. д.

См. в этой связи компоненты сложения, в которых в настоящее время полностью подверглись износу падежные форманты, что отражено в существующей орфографии. Таковы компоненты *нохч* (← *нохчий*), *хъаж* (← *хъаьжа*) в композитах *нохчг/абах* «тыква особого сорта» («чеченская тыква»), *хъаьжк/а* «кукуруза» («хаджи пшеница»). Это обстоятельство служит показателем того, что падежные форманты первых компонентов композитов подчинительного типа подвержены отпадению.

Не безынтересно в связи с орфографией приведенных композитов вспомнить о правописании немецких композитов определительного типа, которые, как правило, пишутся с усечением концовок первых компонентов *-el/-en/-es*, представляющих собой форманты *Genitiv*, например: *Schreibtisch* (вместо *Schreibes/tisch*) «письменный стол»; *Jungfrau* (вместо *Jung(en)frau*) «барышня», «молодая женщина»; *Tischtuch* (вместо *Tisch(es)tuch*) «покрывало» («стола платок»)¹. *Liebschaft* (вместо *Lieb(en)schaft*) «любовная связь»² и т. д.

2. Следует добавить, что по такому же принципу целесообразно писать и первые компоненты-существительные в исходной форме с кратким гласным в конце основы, например: *зуда* «женщина» → *зудбер* «девушка» («женщина-ребенок»); *туьха* «соль» → *туьхъиерам*, инг. *туьхъиерх/а/* «рассол» («соли рассол»); *шура* «молоко» → *шурахудар* «молочная каша» и т. п.

3. Конечную редуцированную гласную следует сохранять на письме в исходе первых компонентов, если предшествующий слог содержит долгий гласный звук, памятуя при этом особенности вайнахской фонетики, когда долгота гласного возможна только в открытом слоге³, см. примеры: *бѣцанхъид* «жаба», *хѣнадаь/хк* «тазовая кость», *нѣнада* «дедушка по материнской линии» («матери отец»), *дѣлакуотам* «божья коровка» («бога курица»), *нѣнаваша* «дядя по материнской линии» («матери брат»), *мѣрац/а* «дом мужа» («мужа дом»), *нѣнамай-ра* «отчим» («матери муж»), *дѣла/ад* «радуга» («божий лук»), *тѣдакѣамкѣарг* (инг. *тѣдакѣамарг*) «пищевод» («мокрая гортань»), *буьохх/ума* «змея» («грязная вещь») и др.

¹ См.: М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962, стр. 128, 148.

² См.: Немецко-русский словарь. М., 1958, стр. 138, 734.

³ Ю. Д. Дешериев. Современный чеченский литературный язык. Ч. 1. Фонетика. Грозный, 1960.

4. На практике в исходе некоторых слов в форме им. п. ед. ч. принято писать геминированные согласные, мотивируя это тем, что в формах косвенных падежей конечные согласные подвергаются геминации (удвоению), например: *куолл* «куст», но *куллах* «о кусте», *куллана* «к кусту», *куллаца* «с кустом»; *бутт* «луна, месяц», но *баттах* «о месяце, о луне», *баттана* «к луне, к месяцу», *баттаца* «с луной, с месяцем»; *хатт* «грязь»; но *хоттах* «о грязи», *хоттана* «к грязи», *хоттаца* «с грязью»; *муотт* «язык», но *маттах* «о языке», *маттана* «к языку», *маттаца* «с языком» и т. п. Мы здесь не будем оспаривать, целесообразно ли или нецелесообразно это правило, поскольку это выходит за пределы нашей темы. Однако в составе сложного глагола, где слова данного типа выступают в качестве первого компонента, на наш взгляд, в конце их следует писать одну согласную, так как, становясь компонентами сложного слова, они лишаются возможности изменяться по грамматическим категориям — падежам и числам, и, следовательно, условия для геминации у конечных согласных отпадают: см. примеры: *бутлаца* «затмение луны» («луна держать»), *муоттуоха* «донести, наклевать» («язык ударить»), *муотлаца* «обосноваться» («язык держать») и т. п.

5. В именных композитах, когда компоненты интересующего нас типа выступают в окаменелой форме родительного падежа, геминацию конечных согласных на письме следует сохранять, например: *меттамут* «стоянка», *беттаса* «лунный свет», *лаьттана* «богиня земли» («земли мать») и др.

6. В современной чеченской литературе наблюдается разноречивость в написании редуцированных гласных в исходе первых компонентов парных сочетаний (с кратким гласным в предшествующем слоге). В существующей орфографии этот вопрос обойден.

По нашему мнению, целесообразно первые компоненты именных и наречных композитов данного типа писать без указанных гласных букв, тем более что наличие таких кратких гласных не засвидетельствовано нашими экспериментами, проведенными в лаборатории экспериментальной фонетики института языкознания АН Груз. ССР в октябре 1964 года. Однако гласные указанного типа не отсутствуют лишь в многосложных словах-компонентах парных слов, например: *уьстаг/а/-газа* «овца-коза»; *хъож/а, у/-мода* «запах-грязь»; *шич(а)-маьхча* «двоюродный-троюродный брат»; *пхийтт/а/-ялхийтта* «пятнадцать-шестнадцать»; *шийтт/а/-кхойтта* «двенадцать-тринадцать»; *шозз/а/-кхуэза* «дважды-трижды»; *хаз/а/-*

ирча «красивый-уродливый»; тахан/а/-кхана «сегодня-завтра»; селхан/а/-стомара «вчера-позавчера»; дик/а/-воуо (букв. «хороший-плохой»); см. также повторы: сих/а/-сиха (букв. «часто-часто»); хаз/а/-хаза (букв. «красивый-красивый»); кест/а/-кеста «часто» («скоро-скоро»); дик/а/-дика (букв. «хороший-хороший») и др. Если предшествующий слог первого компонента таких сочетаний состоит из долгого гласного, исходный редуцированный гласный звук, как указывалось выше, следует сохранять, например: кхана-лама «завтра-послезавтра»; ара-чу «изнутри-вовнутрь»; диехъа-сиехъа «по ту-по сю (сторону)»; деха-доца «длинный-короткий» и др.; см. также повторы: деха-деха (букв. «длинный-длинный»), нийса-нийса (букв. «ровный-ровный»), можа-можа (букв. «желтый-желтый») и т. д.

Мы ограничились в данном разделе материалом из чеченского литературного языка. Что же касается вопросов правописания ингушских композитов, то выдвинутые нами здесь положения, за небольшим исключением, могут относиться и к ингушскому языку, что подтверждает и знакомство с практическим письмом ингушского языка.

Таким образом, можно заключить, что правописание чечено-ингушских композитов как целостных лексических единиц основывается на совокупности факторов морфологического и фонетического характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. Труды института языкознания АН СССР. Т. VI. Изд. АН СССР. М., 1956.
- Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка. (Фонетика и морфология). Махачкала, 1954.
- Абитов М. Л. Сложные слова в кабардино-черкесском языке. (Кандидатская диссертация). Нальчик, 1946. (Рукопись).
- Аликперов А. К.-О. Сложные глаголы в современном азербайджанском языке. (Кандидатская диссертация). М., 1959. (Рукопись).
- Алироев И. Ю. Кистинский диалект чеченского языка. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. III. Грозный, 1962.
- Андрейчин Л. А. Грамматика болгарского языка. М., 1949.
- Арсаханов И. Г. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
- Арсаханов И. Г. Лексика современного чеченского языка (на чеченском языке). Известия ЧИНИИЯЛ. Т. V. Грозный, 1964.
- Ахманова О. С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц. Труды ИЯ АН СССР. Т. IV. М., 1954.
- Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939.
- Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.
- Будогов Ф. А. Введение в науку о языке. М., 1958.
- Василевская Я. А. Словообразование в русском языке. М., 1962.
- Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. Вопросы теории и истории языка... М., 1952.
- Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования. «Вопросы языкознания», 1951, № 2.
- Гагуа Р. Р. Некоторые вопросы изменения гласных в бацбийском языке. VI (XII). Научная сессия ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня. Тбилиси. (Тезисы докладов).
- Гониашвили Т. Б. К взаимоотношению частицы а и союзного суффикса *le(-f, i)* в чеченском языке. Иберийско-кавказское языкознание. Т. XII. Тбилиси, 1962.
- Гониашвили Т. Б. Суффикс *wo* в чеченском языке. (Резюме). Труды ТТУ. Т. XII. Тбилиси, 1940.
- Грамматика осетинского языка. Т. I. Орджоникидзе, 1949.
- Грамматика русского языка. Т. I. Изд. АН СССР. М., 1960.
- Гудава Т. Е. К составу аварского слова *ч/луджу* — «женщина». (Резюме). Иберийско-кавказское языкознание. Т. VI. Тбилиси, 1954.

- Дешериев Ю. Д. Основные особенности нахских (лейнахских) языков. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. I, вып. 2. Грозный, 1959.
- Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
- Дешериев Ю. Д. Современный чеченский литературный язык. Ч. I. Фонетика. Грозный, 1960.
- Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953.
- Долакова Р. И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. II. Грозный, 1961.
- Имнайшвили Д. С. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршпльским языками. Тбилиси, 1963.
- Имнайшвили Д. С. Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской (чеченской) группы. Иберийско-кавказское языкознание. Т. XII. Тбилиси, 1962.
- Имнайшвили Д. С. Основные и последоженные падежи в ингушском языке. (Тезисы кандидатской диссертации). Известия ИЯИМК. Т. XII. Тбилиси, 1942.
- Имнайшвили Д. С. К вопросу о гипотаксисе в языках чеченской группы. (Резюме). Сообщения АН Груз. ССР. Т. VI, № 6. Тбилиси, 1945.
- Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965.
- Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Москва—Нальчик, 1964.
- Левковская К. А. Лексикология немецкого языка. М., 1956.
- Ломтадзе Э. А. Некоторые общие корневые элементы в иберийско-кавказских языках. V (XI) научная сессия ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1954, 10, 11 и 12 июня. Тбилиси. (Тезисы докладов).
- Ломтадзе К. В. Картвельские языки и их значение для научной истории иберийско-кавказских языков. (Тезисы докладов). Тбилиси, 1952.
- Магометов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.
- Магометов А. А. К спряжению табасаранского глагола. Иберийско-кавказское языкознание. Т. XII. Тбилиси, 1960.
- Мольсагов З. К. Ингушская грамматика. Изд. 2-е. Грозный, 1962.
- Мацев А. Г. Чеберловский диалект чеченского языка. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. VI. Грозный, 1965.
- Мацев А. Г. Чеченско-русский словарь. М., 1961.
- Мацев А. Г., Джамалханов З. Д. Основные правила правописания чеченского языка. Грозный, 1958 (на чеченском языке).
- Мацев А. Г., Оздоев И. А., Джамалханов З. Д. Чеченско-ингушско-русский словарь. Грозный, 1962.
- Микаилов Ш. М. Очерки аварской диалектологии. Л., 1960.
- Муркелинский Г. Словообразование в лакском языке. Ученые записки института истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Дагестанский филиал АН СССР. Т. II. Махачкала, 1957.
- Мухелишвили И. М. К вопросу о сложных словах в английском и грузинском языках. (Кандидатская диссертация). Тбилиси, 1953. (Рукопись).
- Немецко-русский словарь. М., 1958.
- Немировский И. М. О словообразовании в горских яфетических языках Кавказа. Известия Северо-Кавказского пединститута. Т. II. Орджоникидзе, 1934.

- Оздоев И. А. Основные правила правописания ингушского языка. Грозный, 1958 (на ингушском языке).
- Оздоева Ф. Г. Приставки в системе чеченского и ингушского литературных языков. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. II, вып. 2. Грозный, 1962.
- Ошаев Х. Д. К вопросу о рудиментарных классных показателях в чеченском и ингушском языках. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. I, вып. 2. Грозный, 1959.
- Ошаев Х. Д. О частицах отрицания в чеченском языке. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. I, вып. 2. Грозный, 1959.
- Пизани В. Этимология. М., 1953.
- Рогова Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.
- Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- Смирницкий А. И. К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»). В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
- Сосюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.
- Степанова М. Д. Словообразование немецкого языка. М., 1953.
- Степанова М. Д. Словообразование в современном немецком языке. (Докторская диссертация). М., 1960. (Рукопись).
- Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962.
- Услар П. К. Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлис, 1888.
- Услар П. К. Этнография Кавказа. Аварский язык. Тифлис, 1889.
- Церцвадзе И. И. Некоторые основы, обозначающие «знать» в иберийско-кавказских языках. (Этимологическое разыскание). (Резюме). Труды ТГУ. Т. 63. Тбилиси, 1956.
- Чапанов М. И. Эргативная конструкция предложения в нахских языках. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. IV. Грозный, 1962.
- Чеченский и ингушский алфавиты на русской основе и орфографии. Грозный, 1938.
- Чикобава А. С. Общее языкознание. Т. I. Тбилиси, 1946.
- Чикобава А. С. Введение в языкознание. Ч. I. 1953.
- Чикобава А. С. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. (Резюме). Сообщения АН Груз. ССР. Т. III, № 4. Тбилиси, 1942.
- Чскаев К. З. Глагольное словообразование в чеченском языке. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. II, вып. 2. Грозный, 1960.
- Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в чеченском языке. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. IV, вып. 2. Грозный, 1962.
- Шавхелишвили А. И. Переселение чеченцев и ингушей с гор на плоскость. Известия Чечено-Ингушского краеведческого музея, № 10. Грозный, 1960.
- Шанидзе А. И. Основы грузинской грамматики. Тбилиси, 1953 (на грузинском языке).
- Шанский Н. И. Основы словообразовательного анализа. М., 1953.
- Яковлев Н. Ф. Морфология чеченского языка. Труды ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1960.
- Яковлев Н. Ф. Синтаксис чеченского литературного языка. Ленинград—Москва, 1940.
- Яковлев Н. Ф. Материалы для кабардинского словаря. Вып. I. М., 1927.
- Яндаров Х. Э. История чеченской письменности. Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Т. II. Ростов-на-Дону, 1922.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Условные обозначения	5
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ	
Глава I. Общая характеристика нахских композитов	7
§ 1. Вопросы возникновения и распространения композитов	7
§ 2. Вопросы изучения нахских композитов и задачи исследования	15
Глава II. Сложное слово и словосочетание. Критерий разграничения сложного слова и словосочетания в нахских языках	18
§ 3. Критерий разграничения сложного слова и словосочетания на морфологическом уровне	18
§ 4. Критерий разграничения сложного слова и словосочетания на синтаксическом уровне	27
§ 5. Словосочетание и композит с логико-семантической стороны	37
§ 6. О критериях разграничения композитов и аффиксально-производных слов	46
§ 7. Вопрос о классификации сложных слов	48
ФОНЕТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ	
Глава III. Структура основы	53
§ 8. Определение основы	53
§ 9. Фонетическая структура основы	55
§ 10. Грамматическая (морфологическая) структура основы	62
Об исходной форме глагола современных нахских языков	62
Морфологические типы основ	66
Производные и непроизводные основы	67
Связанные и несвязанные основы	69
Производящие и производящие основы	70
Прерывистые и непрерывистые основы	70
Нейтральные и ненейтральные основы	71
§ 11. Способы словообразования в нахских языках	73

§ 12. К вопросу о морфологическом типе нахских языков	74
Глава IV. Словосложение имен существительных	77
§ 13. Общие сведения	77
§ 14. Сложные существительные определительного типа	79
§ 15. Сложные существительные определительного типа с первым компонентом-существительным	79
§ 16. Оформленное словосложение имен существительных с первым компонентом-существительным	80
§ 17. Неоформленное словосложение имен существительных с первым компонентом-существительным	84
§ 18. Сложные существительные с первым компонентом—качественным прилагательным	88
§ 19. Сложные существительные с первым компонентом-причастием	98
§ 20. Сложные существительные с первым компонентом-числительным	101
§ 21. Сложные существительные сочинительного типа	106
§ 22. Структурные особенности парных существительных	109
§ 23. Вопрос о перестановке частей координированных композитов	115
§ 24. О цельнооформленности парных слов	118
§ 25. Редупликативные (повторительные) сложные существительные	129
§ 26. Аббревиатуры (сложносокращенные слова)	132
Глава V. Словосложение прилагательных	134
Глава VI. Словосложение наречий	140
Глава VII. Словосложение числительных	146
§ 27. Сложные числительные определительного типа	146
§ 28. Сложные числительные сочинительного типа	147
§ 29. Сложные числительные-повторы	150
Глава VIII. Словосложение местоимений	154
Глава IX. Словосложение глаголов	157
§ 30. Общие сведения	157
§ 31. Структурно-генетические особенности глагольных композитов подчинительного типа	163
§ 32. Структурно-грамматические особенности глагольных композитов подчинительного типа	163
§ 33. Двухкомпонентные глагольные композиты подчинительного типа	164
Глагольные композиты с первым компонентом-существительным	164
Глагольные композиты с первым компонентом — качественным прилагательным	168
Глагольные композиты с первым компонентом-наречием	175
Глагольные композиты с первым компонентом — качественным наречием	175

88к.

Глагольные композиты с первым компонентом-числительным	177
Глагольные композиты с первым компонентом-местоимением	179
Глагольные композиты с первым компонентом — основой глагола	180
§ 34. Трехкомпонентные глагольные композиты	184
Переходные глагольные композиты	184
Непереходные трехкомпонентные глагольные композиты	185
§ 35. Глагольные композиты сочинительного типа	190
Глава X. Сложные служебные слова	198
Глава XI. Сравнительный анализ композитов из разных нахских языков и диалектов	202
Глава XII. К вопросу об ударении и правописании композитов	212
§ 36. О главном, (централизующем) ударении в композитах	212
§ 37. О правописании композитов	216
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	223

ЧОКАЕВ Кати Зайндинович

МОРФОЛОГИЯ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Часть I

Словосложение

Редактор А. У. Костоев

Техн. редактор Х. Д. Юпаев

Корректоры О. В. Черная, В. А. Глезденева, Т. Г. Фролова

Сдано в набор 12.VI 1967 г. Подписано к печати 28.II 1969 г.
 Формат 60х90 1/16. Объем 14,25 п. л. Уч.-изд. л. 13,2
 Тираж 600. СФ01072
 Чечено-Ингушское книжное издательство
 Управления по печати при Совете Министров
 Чечено-Ингушской АССР.
 Грозный, 21, улица Ленина, 14

Заказ № 78

Типография имени И. Н. Заболотного

Управления по печати при Совете Министров

Чечено-Ингушской АССР.

Грозный, улица Интернациональная, 12/33

Цена 88 коп.